

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФОМЕНКО ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Выпускная квалификационная работа

**«ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

«CONTEMPRARY U.S.-CHINA RELATONS: ISSUES AND PROSPECTS»

Направление 41.04.05 – «Международные отношения»,

Основная образовательная программа магистратуры

«Исследования Тихоокеанского региона»

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

ЦВЕТКОВА Н.А.

Рецензент:

ХОХЛОВ А.Р.

Содержание

Введение	2
----------------	---

Глава I. Трансформация двусторонних отношений КНР и США после окончания холодной войны.....	13
1.1 Становление лидерства КНР на международной арене и его влияние на глобальную международную систему	13
1.2. Внешнеполитический курс США на китайском направлении до президентствования Дональда Трампа	25
Глава II. Концептуальные, правовые и институциональные основы внешнеполитического курса США на китайском направлении при президентстве Дональда Трампа.....	51
2.1. Правовая и институциональная база двусторонних отношений США и КНР	51
2.2. Доктринальные основы отношений США и КНР во время президентствования Дональда Трампа	54
Глава 3. Внешнеполитический курс США в отношении КНР во время президентствования Дональда Трампа	65
3.1 Основные тренды экономической политики США в отношении КНР	65
3.2 Подходы КНР и США в управлении киберпространством	76
3.3 Военно-политическое измерение двусторонних отношений при Дональде Трампе	99
3.4 Результаты внешней политики Дональда Трампа на китайском направлении.....	108
3.5 Перспективы внешнеполитического курса на китайском направлении Дональда Трампа, в случае победы в президентской выборной кампании в ноябре 2024 года	114
Заключение	118
Список литературы.....	119

Введение

Актуальность. На фоне фундаментальных трансформаций современного миропорядка от опиумных войн, экспансионистской политики великих держав до холодной войны, конфигурация сил в мире кардинально изменилась. XXI век стал знаменателен возвышением Китая на мировой арене, благодаря стремительному экономическому росту, численности населения, его растущей роли не только в

Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мировой системе. КНР занял второе место в мировой экономической системе по результатам измерения ВВП, что создает опасения первостепенного лидера в экономике - США. Однако явная конкуренция двух лидеров не ограничивается только в сфере экономики, более того она распространяется прежде всего на сферу безопасности. Китайско-американское соперничество определяет тенденцию международных отношений, которая влияет на другие субъекты международного права. Данное явление стало следствием внешнеполитической стратегии Пекина с наступлением XXI века - возрождение великой китайской нации и позиционирование себя в качестве первостепенного актора на международной арене.

Китай, как уже отмечалось ранее, благодаря своему экономическому и техническому потенциалу, а также являясь крупнейшим рынком сбыта и объектом значительных иностранных инвестиций, стал ведущей державой в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В результате он оказывает значительное влияние на страны данного региона, что вызывает обеспокоенность его главного конкурента - США, чьи интересы тесно переплетаются. Более того, разная внешнеполитическая система двух конкурентов только усиливает тревогу у второго.

Данная политика конфронтации стала следствием изменения тренда мировой политики США. Если во время председательства Барак Обама была еще надежда создать идею американо-китайского партнерства, где Китай предлагал разделить неформальное бремя ответственности за судьбы мира, в эпицентре которого стоит взаимосвязанность экономик двух стран, вызванная необходимостью объединения усилий в борьбе с мировым кризисом. Была даже выдвинута идея формирования «большой двойки»— американо-китайского стратегического партнёрства по решению ряда глобальных и международных проблем. Однако с приходом к власти Дональда Трампа направление курса внешней политики США в отношении КНР претерпели изменения в сторону антагонистического соперничества, который будет продолжен его преемником президентом-демократом Джоозефом Байденом в связи с растущим давлением обеих держав на политические процессы. С целью выявить причинно-следственную связь изменения курса в сторону антагонистического соперничества 45 президента США в работе рассмотрены механизмы и методы осуществления внешнеполитического курса Дональда Трампа в отношении КНР, а также система принятия его внешнеполитических решений и его преемников с начала XXI века. Наконец, в данном исследовании рассмотрены дальнейшие перспективы двусторонних отношений КНР и США, а именно

преимущество Дональдом Трампом его ранее осуществленных методов внешнеполитического курса в отношении Китая в рамках еще с 2017 по 2021 гг., в случае его победы на президентских выборах США в 2024 году.

Со сменой политических руководителей и их внешнеполитической стратегии в отношении Китая фундаментальные проблемы не пришли к своему разрешению, в связи с этим атмосфера недоверия и конфронтации усугубляются. Хотя Китай и США являются приоритетными партнерами по сотрудничеству в экономической сфере, данная конфронтация до сих пор находится в центре настоящего внимания и задает направление глобальным международным отношениям. В работе были рассмотрены три сферы двустороннего взаимодействия со стороны Американского руководства, а именно основные линии трансформаций двусторонних отношений с начала XXI века до окончания срока президентствования Дональда Трампа: экономическая, сфера киберпространства, являющаяся современным двигателем экономики, а также одним из главных факторов влияния на защиту национальной безопасности в составе военно-политической сферы. Данные сферы противоречий выбраны в силу наибольшей концентрации противоречий, распространяющиеся и на другие сферы двустороннего взаимодействия и тесной связи между собой, без которого одно без другого рассматривать сложно. Однако тема противоречий в арктическом направлении, противоречия в Африке, социально-политической сфере глубоко не были рассмотрены в силу ограниченности в объеме работы, а лишь частично затронуты, где прослеживается взаимосвязь с вышеупомянутыми сферами, так как эти сферы противоречий требуют отдельного внимания изучения и детального исследования.

Таким образом, изучение современных китайско-американских отношений является актуальной тематикой в научном сообществе, которая позволяет выявить проблемы, определяющие их формирование, выявить приоритеты внешнеполитической линии двух государств, а также определить дальнейшие перспективы их возможной трансформации, так как именно от линии взаимоотношений данных государств будет зависеть безопасность и стабильность не только региона, но и мира в целом.

Объектом исследования является политический курс США в отношении КНР с 2017 по 2021 гг.

Предметом исследования являются особенности политики администрации 45 президента США в отношении КНР.

Цель заключается в определении проблем двусторонних отношений США и КНР преимущественно в сфере безопасности и экономики при администрации 45 президента США, а также определении дальнейших возможных их перспектив.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2017 по 2021 гг., так как напряженность в двусторонних отношениях усиливается с приходом к власти республиканского президента Дональда Трампа в Вашингтоне с целью сдерживания КНР во всех сферах деятельности.

Для достижения цели диссертации исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать Китай с позиции стремительно развивающегося государства, оказывающего влияние на глобальную международную систему;
2. Исследовать роль и позицию Китая в системе национальных интересов США до президентствования Дональда Трампа;
3. Исследовать правовую и институциональную базу двусторонних отношений США и КНР.
4. Дать характеристику доктринальным основам американо-китайских отношений при Дональде Трампе;
5. Выявить тренды экономической политики США на китайском направлении;
6. Выявить проблемы во взаимоотношениях США и Китая на двустороннем уровне в сфере экономики;
7. Выявить противоречия во взаимоотношениях США и Китая на двустороннем уровне в цифровом секторе экономики;
8. Выявить проблемы во взаимоотношениях США и Китая на двустороннем уровне в сфере кибербезопасности;
9. Выявить тренды военно-политического направления США в отношении КНР;
10. Выявить проблемы во взаимоотношениях США и Китая на двустороннем уровне в военно-политической сфере;
11. Определить итоги внешней политики 45 президента США в отношении КНР, и перспективы их взаимоотношений в дальнейшем.

Методы исследования. В рамках данного исследования были использованы базовые общенаучные методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, и, сравнительный анализ. Благодаря методу индукции и дедукции исследована общая картина внешнеполитического курса США в отношении КНР, его характеристика и

особенности как при 45 президенте США, так и до его предшествования с начала XXI века. А также посредством данных методов удалось исследовать не только общую картину направлений двусторонних отношений США и КНР, а также исследовать более узкие сферы противоречий: экономическую и военно-политическую сферы.

Такие методы как, анализ и синтез, позволили выявить базис внешнеполитического курса США в отношении КНР, его нормативно-правовую составляющую, а также методы его осуществления при Дональде Трампе как в отдельных его аспектах, так и в совокупности. Метод сравнительного анализа позволил дать сравнительную характеристику в осуществлении внешнеполитических курсов предшественников Дональда Трампа, а именно Джорджа Буша младшего и Барака Обамы, чьи методы определяются различными в планировании и проведении внешнеполитической стратегий.

Для изучения и определения институционально-правовых и доктринальных основ двусторонних отношений КНР и США были использованы следующие методы: исторический, хронологический и комплексный. Упомянутые методы позволяют выявить основы исторического прошлого в двусторонних отношениях и внешнеполитической стратегии США в отношении КНР и проследить влияние заложенных основ на современном этапе в формировании внешнеполитического курса Вашингтона в отношении Пекина.

В рамках анализа процесса принятия внешнеполитических решений, его субъектов и объектов, методов и итогов были использованы методы институциональный, децизионный и ситуационный анализ. Благодаря данным методам также удалось выявить общую систему принятия внешнеполитических решений, глубоко исследовать двусторонние и многосторонние соглашения США и КНР, а также его партнеров и альянсов, составляющих оппозицию последнему. Касательно ситуационного анализа, то этот метод применялся для исследования, анализа и определения характеристики отдельных случаев в осуществлении внешнеполитической стратегии США в отношении КНР во время председательства 45 президента.

Источниковую базу исследования составляют следующие группы материалов и документов:

- *Доктринальные* документы исполнительной власти США, включающие в себя стратегии национальной безопасности, отчеты, доклады, четырехлетние обзоры Государственного департамента США, министерства обороны и министерства финансов. Стратегия Национальной безопасности США является ключевым документом в данной группе, так как именно он содержит в себе внешнеполитический курс США в отношении КНР, а именно базовые принципы, на которые опирается, цели, методы и средства достижения данных целей. А также, в данную группу входят ежегодные доклады Министерства обороны Конгрессу о военной мощи КНР, в которых трактуется характеристика вооруженной мощи Китая, доктрины и военные стратегии, оценка его военного потенциала, что дает возможность дать всеобъемлющую характеристику позиции Соединенных Штатов Америки в отношении Китая.
- *Документы съездов КПК и его правительства*, включающие в себя Белые книги, официальные заявления и ежегодные доклады правительства и Генерального секретаря ЦК КПК. В данных документах содержится информация о внешнеполитической стратегии КНР, основные направления внутренней и внешней политики, которые обновляются каждые пять лет на съездах Коммунистической Партии Китая.
- *Белые книги* являются основным источником доктринальных документов Китайской Народной Республики, которые в свою очередь подразделяются по содержанию на три ветви вопросов: внутривнутриполитические и внешнеполитические и внешнеполитические. Например, Белая книга “Национальной обороны Китая” содержит в себе стратегические направления военной обороны, концептуальное обоснование внешнеполитического курса КНР, а также общую оценку военно-политической обстановки в мире.
- *Заявления высших должностных лиц США и КНР*, а именно, президентов, глав внешнеполитических и оборонных ведомств двух государств, а также их заместителей не только на территориях США и КНР, а также во время официальных зарубежных визитов и международных форумах, которые позволяют проанализировать заявленную ранее в официальных документах официальную позицию двух государств по конкретным вопросам. В рамках данных источников были взяты материалы из публичных выступлений, пресс-релизов, брифингов, коммюнике.
- *Законы и подзаконные акты Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки*. Данный источник позволяет дать характеристику

взаимоотношений исполнительной и законодательной властей внутри государства, а также в отношении КНР или США по тому или иному вопросу.

- *Двусторонние соглашения Соединённых Штатов и Китая*, регламентирующие порядок сотрудничества двух государств. А также двусторонние соглашения США с ее партнерами, составляющих оппозицию КНР.
- *Документы международных организаций*. В документах ООН представлены резолюции СБ ООН, другие документы ООН, в том числе материалы АСЕАН и Международного валютного фонда. В контексте обсуждения вопросов взаимодействия между США и Китаем в решении глобальных проблем, особенно ценными оказались резолюции СБ ООН по этому вопросу.
- *Статистические данные*. В связи с тем, что эта группа источников использовалась для анализа экономических и научных показателей торгового дисбаланса между США и Китаем, они были необходимы для оценки различных аспектов экономического сотрудничества между двумя странами, таких как номенклатура и объемы предполагаемых поставок американских вооружений в развивающиеся страны, а также анализа общественного мнения населения США по поводу китайско-американских отношений при Дональде Трампе.
- *Материалы СМИ*. Были использованы материалы в следующих источниках: Foreign Affairs, Foreign Policy, China Daily.com, Синьхуа, New York Times, Navy Times и Washington Post, Женьминь Жибао, CBCNews, China Post, ABCNews посвящённые рассматриваемой проблеме.

Степень изученности. Что касается зарубежной литературы, китайский вопрос находится в фокусе внимания многих ключевых исследователей, которая подразделяется на несколько подгрупп.

Первая группа исследователей занимается изучением феномена роста Китая в глобальном аспекте в отношении Соединенных Штатов. Так, например, следующие эксперты опубликовали исследования в контексте экономического роста КНР и укрепления военной обороны: К. Дж. Редден, Дж. С. Най, Дж. Миршаймер, Э. Прасад, Э. С. Экономи, А. Вулфф, С. Брешник, М. Чорземп. Данные исследователи делают акцент, что рост КНР. В вышеперечисленных сферах представляет угрозу США.

Однако, были рассмотрены и работы других ученых, в чьих работах отражено мнение, что возвышение КНР стало потенциальной выгодой для США. К таким относятся: Ф. Закария, Г. Киссинджер, З. Бжезинский.

Вторая группа исследователей представлена изучением результатов политики Дональда Трампа в отношении КНР. В период с 2017 по 2021 год доклады, анализы, и комментарии правоконсервативных экспертов были одними из основных источников информации, формировавших дипломатическую стратегию США в отношении Китая: К. Китчен, Д. Чен, В. Роман и Р. Уолтерс.

Также были рассмотрены аналитические работы таких исследователей как: Дж. А. Байдера, Ч.Фана, Э.С. Медейроса, Д.Х. Пэла, Р. Блэквилла, А. Блинкена, Д.Икенберри, чья позиция в отношении внешнеполитического курса Соединенных Штатов является умеренной или крайне негативной.

Касательно четвертой группы источников представляют собой анализ выполненной политики США в отношении Китая с 2017 по 2021 гг. В сферах: экономической, военно-политической, киберпространстве. Экономическая сфера, а именно вопросы торгового и цифрового секторов, экономической и технологической войны, относятся следующие специалисты: А.Вулфф, Э.Алден, С. Брешник, Ч. Браун, Цзуньюань Лю, Э.Прасад, М.Чорземпа, Тяньлэй Хуан, Н. Ларди, Э.Эшби, Т.С. Джеймс, О. Тернер, М. Петтис, Дж.Расмус, М.П.Гудман. Военная сфера противостояния КНР и США была исследована Д.Скоттом, Р.Бертом, Ф.С. Сандерсом, Д.Сакс, П.Хенле, Б.Фредрик, Л.Моррис, Р.Хасс, Б.Харт, Тун Чжао, Б.Хардингом. Сфера киберпространства исследуются следующими экспертами: Д.Стэйнерберг, Д.Линдсэй, А.Сигал, Д.Вентре, М.Хатауэй, М.свэйн, М.Салмайер.

Пятая категория исследований анализирует воздействие американской внешней политики на отношения с Китаем в период президентства Дональда Трампа. Для иллюстрации вопроса следует упомянуть недавние исследования, в которых изучаются действия демократической администрации на основе наследия, оставленного администрацией 45-го президента США. Эти исследования проведены такими экспертами, как Т. Ф. Линчем и О. Эраном, С.Р. Слоаном, Ч.П. Боуном, М. Сатором, У. Вуном.

Необходимо упомянуть китайских исследователей, чьи работы отражают различные взгляды на взаимоотношения Китая и США. В работах ученых из южных

и прибрежных провинций Китая можно найти более либеральное понимание международных отношений и взаимодействия между Пекином и Вашингтоном. Тем не менее, исследователи с более китаецентричной перспективой занимают более влиятельное положение. Ли Хайдун и Чжан Тэнцзюнь изучают внешнюю политику США и процессы ее формирования, в то время как Ван Ивэй и Чжао Лун интересуются отношениями в рамках российско-китайского квази-альянса и их воздействием на отношения с США. Исследования Яна Сюэдуна и Цзинь Цаньжуна затрагивают особенности китайской политической системы и изменения, происходящие под воздействием международных отношений. Ху Сицзинь и Ву Синьбо обсуждают вопросы китайского военно-политического развития. Существует значительное количество литературы, посвященной китайскому взгляду на инклюзивный мировой порядок, который противопоставляется менее инклюзивной либеральной системе. Эту тему также затрагивают Чжэн Юннъянь, Цзя Цинго и Дин Ган. В своем исследовании, У Синьбо анализирует американо-китайское противостояние. Следующие ученые исследовали внешнеполитический курс в комплексе в период президентствования Дональда Трампа З. Тао, Ю.Щей, С.Жао, Й.Джин, У.Ху, Ван Дун, Ван И, Ли Чжен, Ван Дон, Цо Сиинг. Также область киберпространства, как объекта столкновения интересов двух держав исследуется ученым Хао Ели, занимающий должность советника международной ассоциации стратегий в КНР, исследующий вопросы обеспечения национальной безопасности двух держав, а также является активным участником в многосторонних межгосударственных диалогах в рамках вопроса обеспечения безопасности в киберпространстве. И Шень, Ган Чэнь, Вэнь Чиньлми, Ван Гуйван, Фан Биньсин занимаются исследованиями в области сотрудничества КНР и США в киберпространстве, а также вопросами обеспечения безопасности в киберпространстве.

Относительно русскоязычной литературы по данной теме существует обширный список исследований. Область двусторонних отношений и исследованием различных областей в данном аспекте занимаются ученые: Е.Баженов, С.Труш, О.Тимофеев и А.Парканский. Российские эксперты в основном обращают внимание на военно-стратегические взаимоотношения между США и Китаем в Тихоокеанском регионе. Глеб Торопчин, Александр Ермаков, Андрей Губин, Василий Кашин, Александр Ломанов, Тимофей Бордачёв, а также главный редактор журнала "Россия в глобальной политике" Фёдор Лукьянов затрагивают тему роли военной мощи в

рамках конкретного региона, а также комплексное исследование военно-политических стратегий двух соперников. Исследования Тайваньского вопроса и его значения в американской политике представлены в трудах, Е. Спирина и Ю. Кулинцева. Е. Арапова занимается анализом многосторонних экономических форматов в Азии и их функциями, в то время как И. Зуенко и А. Габуев рассматривают внутреннюю политику КНР. Вместе с президентом Российского совета по международным делам А. Кортуновым они интересуются взаимоотношениями между Россией и Китаем. А. Куприянов, эксперт по Юго-Восточной Азии, и кореевед А. Ланьков. Также необходимо упомянуть исследования таких ученых как: Я.В. Лексютина, Ю.А.Давыдов, Т.А. Бычкова, В.А. Кузьмина, А.В.Волошина, В.И.Трифорова, в которых представлены исследования стратегий США по сдерживанию и вовлечению Китая, а также политики "одного Китая". Сфера киберпространства исследуются следующими экспертами в Российской Федерации: С.Старкин, занимающийся исследованием области обеспечения аппарата безопасности в киберпространстве, исследовал противоречия в области военно-технической кооперации между КНР и США, а также проблему кражи информационных технологий; М.Безкороваый, занимающийся изучением проблемы двусторонних отношений в киберпространстве на современном этапе; Г.Ибрагимов, исследовавший область глобальной проблематики киберпространства и национальных стратегий двух держав; Е.Разумов - российский ученый в области исследования внешнеполитической деятельности Китая в области киберпространства. Также необходимо отметить К.Панцерову, С.Виноградову. Н.Васильева, Р.Болгова, А.Петухова, И.Комарова, А.Булавина, К.Антипова, Г.Юрченко.

Что касается политики США в отношении Китая с 2017 по 2021 годы важно обратить внимание на несколько исследований. Среди них - аналитическая статья от членов Института США и Канады Российской академии наук О.В. Приходько и П.Е. Смирнова, монография под общей редакцией Л.С. Вартазаровой и И.Я. Кобринской из ИМЭМО РАН, а также работа от авторов из ИМИ МГИМО МИД России - В.Я. Воробьева, И.Е. Денисова, А.Д. Дикарева и А.В. Лукина. Данные исследования анализируют особенности экономических и военно-политических отношений между США и Китаем, а также делают определённые выводы и прогнозы.

Поскольку президент Трамп явно подчеркивает экономическую составляющую политики США в отношении Китая, обратите внимание на следующие работы отечественных авторов, затрагивающие проблему торговой войны между США и Китаем и торгового дисбаланса между двумя странами. Данный вопрос исследовали следующие ученые: Я.В. Лексютина, А.О. Виноградов, В.Е. Петровский, С.А. Ушанов и С.А. Решад, В.В. Михеев и С.А. Луконин, А.И. Салицкий, Ю.А. Давыдова и Т.В. Кишкурно, В.Б. Супян, В.А. Морозова.

Новизна исследования заключается в:

Во-первых, было проведено всестороннее исследование основных направлений внешнеполитического курса США в отношении КНР и проблемы двусторонних отношений в сфере торгово-экономической, с учетом цифровой экономики, двигателя современных двусторонних отношений, в рамках президентствования Дональда Трампа.

Во-вторых, сделано комплексное исследование противоречий США и КНР в области кибербезопасности во время правления Дональда Трампа и во время президентствования его предшественников.

В-третьих, были выявлены вероятные перспективы двусторонних отношений в экономической, секторе цифровой экономики, военно-политической и киберпространстве, в случае победы Дональда Трампа в президентских выборах США в 2024 году, с учетом применения его методов осуществления внешнеполитического курса в отношении КНР с 2017 по 2021 гг.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, основной части, состоящей из трёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка литературы.

Глава I. Трансформация двусторонних отношений КНР и США после окончания холодной войны

1.1 Становление лидерства КНР на международной арене и его влияние на глобальную международную систему

Трансформация Китая в результате реформ открытости, начавшихся в конце 1970-х годов, является важным событием мировой истории, так как данные преобразования сделали КНР второй по величине державой мировой экономической системы. То же самое касается идеологической поляризации в международных отношениях. Возникновение нового мирового порядка, вызванного распадом коммунистической системы, характеризующегося интенсивностью и широтой разнообразных взаимодействий, самым непосредственным образом отразилось на возвышении Китая. После витка новых реформ открытости глобальное развитие КНР происходило одновременно в нескольких сферах: военно-политической, дипломатической, экономической, технологической.

С момента начала реформ и политики «открытых дверей» в 1978 году Китай добился важных достижений, которые привлекли внимание международного сообщества. Среднегодовой темп роста китайской экономики составил примерно 9%. В 1984 году темпы роста достигли 15,3%, в 1985 году - 13,2%, а в 1992 году - 14,1%, в 1993 году - 13,1%. К 1997 году темпы экономического роста оценивались в 8,5%, а валовой национальный продукт составил 7345,3 млрд юаней (895,76 млрд), ВВП на душу населения составляет 6079 юаней (741,3 Долл. США). Однако после 1997 года экономический рост Китая замедлился и остался на уровне 7-8%. До 2001 года

валовой внутренний продукт достиг 9,59 трлн юаней (1,1695 трлн долл.), заняв шестое место в мире. С января по ноябрь 2002 год по сравнению с аналогичным периодом прошлого данный показатель вырос на 7,8%. Экономика Китая быстро развивалась в данный период благодаря тому, что еще до реформ страна уже имела единую промышленность и сельскохозяйственную базу, включая ирригационную систему, что в последствии стало ключевым фундаментом дальнейшего экономического возвышения древнеазиатской страны.

В дальнейшем КНР растет уже в глобальной экономической сфере. Об этом нам говорит прирост ВВП, например на конец 2002 года КНР занимал пятое место, то уже спустя одно десятилетие КНР занимает лидирующую позицию, входит в тройку лидеров - второе место после Соединённых Штатов Америки. Данную позицию Китай занимал и по другому показателю - объём внешней торговли. Феномен возвышения наблюдался и после, во-первых, после вступления в 2001 году во Всемирную Торговую Организацию, что сделало КНР крупнейшим субъектом международной торговли. Вступая в ВТО, Китай все больше вовлекается в процесс экономической глобализации. Китай продолжает расширять свое присутствие на мировом рынке и устанавливать экономические отношения с большим количеством стран. Это значительно ускорило процесс возникновения и последующего формирования китайской рыночной системы. Возросли масштабы и эффективность рационального распределения и использования ресурсов. Во-вторых, благодаря активной деятельности в G20, МВФ, ООН, Всемирном банке и других проектов, в том числе и на региональном уровне. Далее уже в 2014 году КНР занял первое место по объёму ВВП, рассчитанный по ППС. В 2020 году показатель составил у КНР 24,191 трлн долл. , а у США – 20,894 трлн долл. [1].

Экономика Китая демонстрирует высокие темпы роста: в 2021 году ВВП страны составил приблизительно 17,82 триллиона долларов США, увеличившись на 21,2% в отличие от 2020 года. Китай вошел в число крупнейших экономик мира по темпам роста. Экономический рост превзошел с 1990 по 2020 гг. на 2178% по данным Всемирного Банка [2].

Более того, как упоминалось ранее, развитие Китая происходило комплексно. Касательно, политического возвышения, ему способствовало вступление в международные институты и активное участие в них. Благодаря началу реформ открытости с 1992 года Китай стал активно присоединяться к конвенциям и основным

режимам ООН: ядерной безопасности, конвенции по правам человека, биоразнообразия, конвенция по морскому праву, защиты интеллектуальной собственности и т.д. Вследствие этого, КНР приобрел статус одного из самых активных участников в рамках ООН. В настоящее время Китай состоит в следующих инициативах: Всемирная Торговая Организация, Шанхайская Организация Сотрудничества, БРИКС, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, форум сотрудничества Китай-Африка, более того, КНР стал активным членом взаимодействия с организацией АСЕАН. В дополнении, Китай является первоначальным членом ООН, постоянным членом Совета Безопасности и является активным участником инициативы G20 и т.п.

Что касается ООН, то Китай является активным участником в миротворческих миссиях, является самым крупным снабженцем военных сил для операций по поддержанию мира среди постоянных членов Совета Безопасности. Китай занимает второе место по объему взносов в бюджет миротворческих операций ООН (988,6 млн долл.) [3]. КНР является крупнейшей страной по численности предоставления военнослужащих (2531 человек) среди всех участников Организации [4]. Основные группы военнослужащих из Китая (86%) действуют в рамках миротворческих миссий ООН в странах, таких как: Либерия, Дарфур Мали, Западная Сахара Демократическая Республика Конго, Кипр, Судан и Южный Судан, в то время как менее значительная часть (14%) находится в Ливане [5].

Китай является основным торговым партнером для более чем 130 стран и регионов. Вклад Китая в мировой экономический рост, как крупнейшей движущей силы, достиг 30%. Благодаря полной реализации Повестки дня ООН по устойчивому развитию на период до 2030 года Китай достиг цели по искоренению бедности на 10 лет раньше запланированного срока, а его вклад в глобальное сокращение бедности превысил 70% [6]. Китай активно участвует в глобальном управлении и сотрудничестве Юг-Юг. Целевой фонд ООН для мира и развития и Фонд глобального развития и сотрудничества Юг-Юг оказали помощь более чем 160 странам; среди стран-членов G20. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с Глобальной инициативой развития на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, призыв международное сообщество сосредоточиться на развитии с ориентацией на интересы людей и совместно работать над созданием глобального сообщества развития [7].

Что касается военной модернизации и развития то, в 1978 году, в соответствии с планами Дэна Сяопина, были проведены реформы, направленные на повышение

уровня благосостояния, стимулирования частной предпринимательской деятельности и развития промышленных, научных и финансовых секторов экономики. В соответствии с этой сменой парадигмы, изменилось восприятие Китая как мировой державы и его роли в мире. В связи с ростом изученности и внедрением современных военных технологий и стратегической мощи других государств, в том числе США, Китай сталкивается с необходимостью модернизировать свои вооруженные силы. В конце XX века, в начале XXI века, перед Народной освободительной армией была поставлена задача добиться доминирования Китая в странах ближнего зарубежья и добиться равных результатов посредством модернизации НОАК в регионе АТР. В китайской исторической памяти и политическом дискурсе широко распространено понятие "эпохи национального унижения" (1839-1949). Китай до сих пор воспринимает морское окружение как источник угрозы для своей безопасности. Согласно китайской перспективе, в морских пространствах находится множество союзников США, другими словами, стран, объединившихся против Китая [8]. Военные силы Китая смогли развиваться параллельно с экономическим и промышленным ростом страны. Однако рост военных сил не оправдал такой скорости своего развития, какой ожидался. Несмотря на столь явный экономический скачок, расходы на оборону КНР увеличивались медленными темпами до середины 1990-х годов. Начиная с 1998 года, военный бюджет Китая увеличивался в среднем на 15% ежегодно [9]. К 2016 году темпы увеличения военных расходов немного замедлились по сравнению с предыдущими годами и с тех пор оставались на уровне около 7% в год [10].

Основная цель текущего этапа реформы заключается в осуществлении механизации и информатизации Вооруженных Сил Китая; на 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 году Си Цзиньпин заявил, что к 2035 году Китай должен стать одной из ведущих инновационно-ориентированных стран. Также планируется фундаментально модернизировать национальную оборону и Вооруженные Силы к 2035 году, превратив Китайскую Народную Армию в передовую армию мирового класса к середине настоящего века [11].

В 1990 году официальный военный бюджет КНР составлял 9,93 млрд долл., в 2000 году бюджет достиг отметки 22,24 млрд долл., а уже в 2021 году увеличился более чем в 10 раз, что составило 285,93 млрд долл. [12]. Увеличение военного бюджета позволило Китаю укрепить свои оборонные возможности и повысить свою геополитическую роль, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китай активно разрабатывает современное вооружение, включая гиперзвуковые ракеты, беспилотные летательные аппараты, кибертехнологии и другие передовые системы, чтобы обеспечить свою оборону и национальную безопасность.

Сегодня Китай продолжает улучшать свои вооруженные силы, стремясь к созданию передовой армии мирового класса. Реформы в сфере обороны направлены на механизацию, информатизацию и инновационное развитие вооруженных сил страны. Планы по модернизации национальной обороны и вооруженных сил предполагают значительное улучшение боевой готовности и технического оснащения армии. Китай продолжает укреплять свою оборонную отрасль, считая это важным элементом обеспечения своей национальной безопасности и защиты национальных интересов.

Соответственно опираясь на данную информацию, можно заключить, что основным преимуществом Народной Освободительной Армии Китая количественный показатель. По объему боевого арсенала Китай занимает лидирующие позиции в Азии и занимает третье место в мировом рейтинге после США и России. Тем не менее, большую часть составляют еще старые машины. В рамках своего развития Китай активно расширяет ВМФ, осуществляет строительство ледоколов, разрабатывает гиперзвуковое и противоспутниковое оружие, внедряет новые системы противоракетной обороны, а также совершенствует беспилотники и беспилотные летательные аппараты нового поколения [13].

Исходя из вышеперечисленных данных наблюдается активная модернизация НОАК с целью уменьшить отставание и в дальнейшем вовсе искоренить его от стран запада, чтобы в дальнейшем уменьшить военное присутствие США в АТР и противостоять существующим проблемам в военно-политической сфере.

Китай также придает большое значение развитию научно-технического потенциала.

Искусственный интеллект (ИИ) играет ключевую роль в дальнейшем развитии Китая. Технологии ИИ активно внедряются в различные отрасли экономики, улучшая производственные процессы, оптимизируя управление ресурсами и повышая эффективность работы предприятий. Благодаря применению искусственного интеллекта улучшается качество жизни граждан, расширяются возможности в

образовании, медицине, транспорте и других сферах. С учетом активного внедрения цифровых технологий, развития научно-технических инноваций и стремительного темпа экономического роста, Китай продолжает укреплять свои позиции как один из лидеров мировой экономики и науки [14].

Касательно данной сферы для наглядности приведена таблица топ-15 технологических трендов КНР, которая показывает степень и рейтинг развития передовых технологий, созданная Институтом Статистических Исследований и Экономики Знаний Национальным Исследовательским Университетом "Высшей Школы Экономики"[15].

Если в 2012 году Китай занимал 32 место среди государств в Глобальном инновационном индексе в области науки и технологий, то в 2020 году занял уже 14 место, а в 2021 поднялся еще на две строчки вверх. Данное стремление направлено на ускоренное развитие научно-технологического потенциала Китая и занятие лидерских позиций, которое КНР стремится достичь к 2035 году согласно 14-му пятилетнему плану социально-экономического развития КНР и долгосрочным целям [16].

Данная сфера является двигателем прогресса нынешнего сектора цифровой экономики, темпы роста которого растут с большой скоростью. Так с 2012 года по 2021 гг. прирост составил 15,9% [17].

Китай делает ставки на активное развитие передовых технологий, которые поддерживают цифровую трансформацию промышленности и производство новых материалов (как видно из таблицы, позиция под номером один) в направлении новых производственных технологий [18].

Ожидается, что к 2025 году объем данного рынка достигнет 10 трлн юаней [19].

黑金 или "Черное золото", как обозначали китайцы, является углеродное волокно [20]. В мире самая крупная на данный момент база по производству углеродного волокна (с производственной мощностью до 25 тыс. тонн в год) находится в городе Синин, который является административным центром провинции Цинхай на северо-западе Китая.

Это предприятие, оснащенное передовым оборудованием и технологиями, специализируется на производстве высококачественного углеродного волокна,

которое находит широкое применение в авиации, автомобильной промышленности, строительстве и других отраслях. Благодаря своей высокой прочности, легкости и устойчивости к воздействию различных факторов углеродное волокно становится все более востребованным материалом в современном производстве. Компания из города Синин играет важную роль на мировом рынке углеродного волокна, обеспечивая высокое качество продукции и конкурентоспособные цены. Именно поэтому спрос на него с 2014 года в Китае растет на 13% в год. Углеродное волокно используется в создании 3D-печати, более того активно используется в промышленности Китая, включая сферу аэрокосмических технологий. Например, в 2020 году Китайская академия космических технологий успешно провела первую в истории орбитальную 3D-печать с применением непрерывных полимерных композитов, усиленных углеродными волокнами [21].

Особое внимание привлекает к себе создание сети 5G, который стоит в таблице на втором месте - промышленный Интернет вещей и на третьем сети связи пятого поколения. В 2021 году было запущено более 1800 проектов в рамках инициативы «5G + промышленный интернет», по данным Министерства промышленности и информационных технологий Китая [22].

Более того, 14 ноября 2021 года был открыт порт Шэньчжэнь Шекоу Маван, первый зеленый и низкоуглеродный интеллектуальный порт 5G в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао, количество операторов сократилось примерно на 93, а выбросы углерода были сокращены более чем на 90%, что полностью демонстрирует ведущие мировые строительные достижения в области интеллектуальных портов в Китае [23].

В рамках данной концепции визуализация процессов в режиме реального времени предполагает использование технологий дополненной и виртуальной реальности (седьмой пункт из таблицы) и периферийных облачных платформ (одиннадцатый пункт из таблицы).

В 2021 году инвестиции в данную область, точнее в конструирование структуры cloud составили 6 миллиардов млрд долл., из них 80% доли инвестиций составляют крупнейшие мировые IT-компании: 36,7% инвестиций приходится на долю компании Alibaba Cloud, 18% — Huawei Cloud, 15,7% — Tencent Cloud, 8,4% — Baidu AI Cloud [24]. Стоит отметить, что IT-гигант Huawei также является крупнейшим поставщиком телекоммуникационного оборудования, а также занимает

первое место в создании новейшей сети 5G в мире. К тому же Huawei является крупнейшим поставщиком оборудования для видеонаблюдения в более чем 200 городов Западной Европы, Азии и Африки [25].

Согласно плану развития нового поколения искусственного интеллекта от Государственного Совета Китайской народной Республики от 2017 года с целью ускорить строительство инновационной страны и мировой научно-технической держав КНР наращивает производство чипов искусственного интеллекта (девятый пункт в таблице), что несомненно влияет на рост его доли в данной отрасли. Основная отрасль искусственного интеллекта превысила 400 млрд юаней, что привело к тому, что масштабы смежных отраслей превысили 5 трлн юаней к 2025 году [26].

Большую долю инвестиций и развития в индустрии высокотехнологичных разработках занимает коммуникационные и управленческие технологии, в основе которых лежат Big Data Base (занимает пятое место в таблице). Согласно годовым темпам роста статистика показывает, что в 2021 году рынок данной области превзошел показатель 2020 года на 30%, а это 639 млрд юаней [27].

В 2019 году Международная корпорация данных (IDC) опубликовала отчет, в котором прогнозируется, что к 2025 году у Китая будет самый большой в мире объем "Big Data Base", который относится к набору данных, который создается, собирается или копируется каждый год.

В 2018 году Китай представил данные около 7,6 ZB (ZB, 1ZB около 1 триллиона ГБ) и 6,9ZB в Соединенных Штатах в том же году. Ожидается, что в 2025 году Китай будет производить 48,6ZB, что составляет 27,8% от общего населения мира; ожидается, что Соединенные Штаты произведут 30,6ZB.

Искусственный интеллект, облако, Интернет вещей приносят огромный рост данных. Согласно отчету IDC, данные стали инструментом для многих предприятий для развития новых рынков и улучшения обслуживания клиентов, а некоторые компании могут создавать новые источники дохода с помощью информации о данных о продажах.

Китай воспользовался полем больших данных, чтобы пропустить этап использования кредитных карт и напрямую создал систему мобильных платежей.

Кроме того, данные также позволяют китайским компаниям совершить скачок на мировом рынке. Даже международные предприятия, которые заходят на китайский рынок, могут воспользоваться возможностью для достижения результатов, которые не могут быть достигнуты на других рынках.

Сингапурский Lianhe Zaobao сообщил, что с быстрым развитием интернет-индустрии и цифровой экономики Китая, а также популяризацией цифровых технологий, таких как мобильные платежи и распознавание портретов, Китай формирует огромное «казначейство» больших данных и будет использовать это преимущество для реализации инновационного развития экономики [28].

Согласно отчету, опубликованному Глобальным институтом McKinsey в конце 2017 года, в Китае в настоящее время действует самая активная в мире экосистема цифровых инвестиций и предпринимательства [29].

Big Data Base задают рост развития провинций в Китае, которые оснащены крупными производствами цифровой промышленности.

Так, Гуйчжоу стал лидером в индустрии больших данных Китая с тех пор, как он был одобрен для строительства первой в стране национальной комплексной пилотной зоны больших данных еще в 2016 году. Затем провинция привлекла крупнейших гигантов, такие как Apple и Huawei, а также всемирно известные научно-исследовательские институты, стремящиеся создать большие центры обработки данных и региональные штаб-квартиры.

В настоящее время это один из регионов с наибольшим количеством мегацентров обработки данных в стране и даже в мире, с его богатыми ресурсами больших данных, которые приносят импульс роста в цифровую экономику.

Являясь основной частью Национальной комплексной пилотной зоны больших данных (Гуйчжоу), Новый район Гуйян в целом за последние несколько лет стал свидетелем быстрого роста бизнеса, занимающихся большими данными, благодаря своим преимуществам в области климата, энергоснабжения и сетевой инфраструктуры.

В период с 2016 по 2021 год темпы цифрового экономического роста Гуйчжоу занимали первое место в Китае в течение шести лет подряд. В 2021 году добавленная

стоимость цифровой экономики превысила 650 млрд юаней (97 млрд долл.), что составляет 34 процента от общего ВВП провинции [30].

Электронная коммерция также занимает особое место в данной области, а “деревни 淘宝” - это деревни, активно занимающиеся электронной коммерцией, процветают в сельской местности. Электронная коммерция способствует развитию предпринимательства и созданию гибких и инклюзивных возможностей трудоустройства, в том числе для женщин и молодежи. С начала 2000 по 2016 год общий объем продаж электронной коммерции резко вырос, увеличившись с нуля до 750 млрд долл., что сделало Китай крупнейшим в мире рынком электронной коммерции с глобальной долей более 40 процентов в 2017 году [31].

Китай также ввел цифровой юань как средство цифрового платежа (четырнадцатая позиция в таблице). Народный банк Китая (РБОС), центральный банк Китая, впервые начал тестирование приложения e-CNY в апреле 2020 года, когда он запустил внутреннее тестирование в четырех городах. На 2021 год данное средство платежа уже было доступно в 23 городах Китая [32]. Транзакции с использованием e-CNY выросли с 87,6 млрд. юаней к концу 2021 года, сообщили в РБОС [33]. Исходя из таблицы на двенадцатой позиции стоят новейшие средства коммуникации, в данном случае это “гипер-приложение” современности WeChat, является платформой не только коммуникации, но и поисковой системой в сети интернет, также включает в себя платформу для покупок в интернет магазинах, ресторанах, отелей, билетов на мероприятия и многое другое, соответственно и является связующим средством использования цифрового юаня для обработки платежей [34].

Вдобавок, во время пандемии коронавируса появилась острая необходимость в быстром развитии цифровых технологий, чтобы осуществлять дистанционный осмотр через интернет, что несомненно стало толчком к еще большему развитию данной области (десятый пункт в таблице) [35]. Предполагается, что объем области интернет-медицины превысит 54 млрд долл. В дополнении создали платформу чат-ботов для самодиагностики в данной области (тринадцатый пункт в таблице) [36].

И, наконец, на последней строчке - рынок видеоигр, который также является крупнейшим не только потребителем, но и драйвером цифровых технологий [37].

На основе этого можно сделать вывод о том, что вся деятельность Китая в индустрии высоких технологий направлена на перестройку устаревших секторов экономики и развитие высокотехнологичных области. Китай, в настоящее время, преследует и другие глобальные цели. Такими целями являются: занятие Китаем лидерских позиций среди сверхдержав, увеличение доли своей продукции на рынке товаров и услуг; рост конкурентоспособности компаний КНР на международном уровне по отношению к производителям из других государств.

Согласно Белой книге от 2019 года глава Китайской Народной Республики сформировал абсолютно новый подход во внешней политике. В данном документе подчеркивается, во-первых, что экономическая составляющая стоит в приоритете в новом подходе внешней политики КНР, при этом акцент делается на процветание национальной экономики, развитие и поддержание мира с другими государствами. Также упоминается, что Китай - привлекательное государство для сотрудничества, инвестиций, развития бизнеса, учебы, путешествий. Экономика Китая и мировая экономика претерпели структурные изменения и глубоко интегрированы. Китай, который имеет более стабильную экономику, более высокое качество роста и перспективные перспективы роста, вносит свой вклад в развитие мировой экономики в долгосрочной перспективе. Нереалистично и вредно рассматривать экономическое развитие Китая как «угрозу» или «вызов» и пытаться вытеснить Китай из глобальной промышленной цепочки, цепочки поставок и цепочки создания стоимости, чтобы «отделить» Китай от мировой экономики [38].

Второй аспект - участие Китая в глобальном управлении, особенно в связи с изменением в системе международных отношений, где многополярность и глобализация занимает центральную роль. Именно поэтому КНР является активным участником и инициатором различных ассоциаций. Например, АТЭС, ШОС, БРИКС, ВТО, G20, ООН. Также это региональные и многосторонние платформы, такие как: Форум "Один пояс и один путь" для международного сотрудничества, Китайская международная выставка импорта, Международный экономический форум Хунцяо, Форум по китайско-африканскому сотрудничеству, Форум сотрудничества между Китаем и арабами, Форум Китай-СЕЛАС, Форум Боао для Азии, Китай-АСЕАН Экспо, Китайско-арабская выставка, Китайско-Африканская экономическая и торговая выставка, Конференция по диалогу азиатских цивилизаций, и Всемирная интернет-конференция и т.д.

Третье - Китай ярым приверженец концепции мирного сосуществования, взаимного сотрудничества и процветания, идеи мира во всем мире. Особым и важным значением является представление о Китае как о развивающейся стране, перед которой стоят точно такие же вызовы, что и перед другими развивающимися государствами. “Ни одна страна не может навязать свою собственную модель другим, не говоря уже о том, чтобы насильственно подорвать правительства и политические системы других стран. Китай уважает различные пути, выбранные другими странами. Он не "импортирует" иностранные модели и не "экспортирует" китайскую модель и никогда не потребует от других стран повторять свою практику. Опережая свой собственный опыт, Китай будет продолжать изучать законы модернизации, управления и человеческого общества, укреплять обмены с другими странами в области государственного управления и обмениваться опытом для совместной реализации надлежащего управления.” Из данного отрывка четко прослеживается позиция собственного пути, где независимость и самостоятельность играют ключевую роль в построении внешней политики.

Отдельным пунктом выступает часть о двусторонних отношениях с США, где сотрудничество является единственным правильным выбором для двух стран, и взаимовыгодные отношения - единственный путь к лучшему будущему. Китай акцентирует, что США должны относиться к двусторонним отношениям с рациональной точки зрения. США не могут навязать КНР свою политику, не могут сохранить свою силу, пытаясь сдержать и подавить другие страны. США должны отказаться от менталитета холодной войны и развить правильное понимание себя, Китая и мира. Он должен адаптироваться к развитию и процветанию других стран и жить в гармонии с остальным миром, что является принципом, которому должны всегда следовать основные страны. Для благополучия двух стран и остального мира Китай готов работать с США, чтобы взять на себя общую ответственность в качестве основных стран, расширить сотрудничество на основе взаимной выгоды, управлять разногласиями на основе взаимного уважения и совместно продвигать отношения между Китаем и США, уделяя особое внимание координации, сотрудничеству и стабильности [39].

И, наконец, завершающее и важное значение в данной Белой книге отводится инициативе “Один пояс - один путь”. Инициатива "Один пояс и один путь" основана на принципах широких консультаций, совместного вклада и общих выгод и руководствуется духом Шелкового пути, характеризующимся миром,

сотрудничеством, открытостью, инклюзивностью, взаимным обучением и взаимной выгодой. Инициатива "Пояс и путь" возникла в Китае, но возможности и достижения принадлежат всему миру. Согласно исследовательскому отчету Всемирного банка, эта инициатива поможет 7,6 миллионам людей выйти из крайней нищеты и 32 миллионам из умеренной нищеты. Инициатива является настоящим путем к обмену ресурсами, общему процветанию и общему развитию.

В заключении, быстрый рост Китая привел к разработке своей уникальной внешнеполитической стратегии, которая имеет влияние не только в Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире. С целью обеспечения новых рынков сбыта и доступа к природным ресурсам, Китай начал продвигать свою независимую внешнюю политику, стал активно участвовать в глобальном управлении, укрепил свои военные силы и технологии, а также увеличил свое присутствие в различных регионах мира. Китайское руководство стремится защитить национальные интересы и укрепить свое влияние. Это вызывает серьезную критику и опасения со стороны США, которые являются главным конкурентом Китая.

1.2. Внешнеполитический курс США на китайском направлении до президентствования Дональда Трампа

В начале XXI века Соединенные Штаты Америки заняли ведущие позиции в системе международных отношений благодаря своим глобальным национальным интересам. Имея амбиции стать доминирующим актором практически во всех регионах мира, США столкнулись с резкой критикой со стороны возвышающихся стран, особенно со стороны быстрорастущей Китайской Народной Республики.

Уже с началом XXI века в связи с активным ростом КНР в экономической области и его влияния на международной арене, и КНР и США были заинтересованы в продвижении экономических отношений. Такая заинтересованность кроется в нескольких причинах, которые предопределили курс внешней политики США в отношении КНР:

1. Стремление США занять китайский рынок посредством предложения своей высокотехнологической продукции и современных технологий
2. Необходимость КНР в объемных закупках в сфере промышленности и сельского хозяйства с целью экономического роста
3. Дешевая рабочая сила КНР, дающая возможность сокращать расходы США при оплате труда наемникам

4. Надежда КНР в предоставлении кредитов и льгот в лице США
5. Тесное расположение двух стран по отношению друг к другу
6. Стремление КНР получить доступ к технологическому рынку для дальнейшего развития [40].

При вступлении на должность Дж.Буша младшего в январе 2005 года внешнеполитический курс в отношении Китая был неизменным, в основе которого лежала прагматичность и конструктивизм из-за экономического роста КНР и интересами США в этой области [41]. Изначально в 1999 году до начала предвыборной компании будущий президент высказался негативно в отношении Китая «Китай – это не стратегический партнёр, а соперник США. Мы должны относиться к нему без злой воли, но и без иллюзий» [42]. Но уже в 2000 г. точку зрения несколько поменял, где говорится уже , что Китай может стать эффективным торговым партнёром для США» [43]. Уже на посту президента Дж.Буш младший ни раз проявит свою противоречивую позицию в отношении КНР.

Глобальная цель у США с приходом Дж.Буша младшего сразу стала понятна- закрепление за собой доминирующих позиций практически во всех регионах мира, что несомненно вызвало отрицательную реакцию у главного соперника США-КНР.

43 президент-республиканец США вступил в должность в 2001 году. После обозначения глобальной цели, Джордж Буш младший сфокусировался на тех государствах, которые будут препятствовать выполнению данной цели.

Сразу же Джордж Буш в данной речи в отношении своей внешнеполитической стратегии в первую очередь высказался о Китае, а именно, обозначил, что с его президентствованием политика США, которая рассматривала Китай как стратегического партнера закончилась, в данный период времени Китай уже рассматривается как соперник. На основе этого постулата и будет строиться внешнеполитическая стратегия США при Джордже Буше младшем. Буш призвал к политике США избегать фильтров пристрастности или позирования. "Мы должны иметь дело с Китаем без злой воли, но без иллюзий". Однако подход Джорджа Буша младшего в отношении Китая был комбинированным. Важной целью в фокусе двусторонних отношений в рамках сотрудничества Джордж Буш младший обозначил в области торговли еще до вступления в должность, так как важным вопросом стоят вступление КНР В ВТО, что произошло 11 декабря 2001, года КНР

получил членство во Всемирной торговой организации, что дало огромный поток возможностей для экономики и США и КНР. С этого момента администрация 45 президента-республиканца определила что сотрудничество в области торговли даст для США низкие торговые барьеры, и большие возможности для экспорта, со стороны Китая, это сотрудничество даст надежду на открытый контакт с миром свободы. “Я здесь, чтобы призвать всех членов Конгресса, как республиканцев, так и демократов, объединиться, чтобы сделать Китай нормальным торговым партнером Соединенных Штатов.” Торговое соглашение которое стремится подписать США в первые годы президентствования Буша являлось общей американской проблемой, а расширение торговли первым приоритетом США, по его словам. Более того, приводятся основные доводы для заключения данного соглашения:

1. Торговля с Китаем будет способствовать свободе. Как только будет разрешена мера экономической свободы, за ней последует мера политической свободы. Китай наиболее свободен там, где он больше всего находится в контакте с мировой экономикой.

В этом контексте Американский президент дал понять, что этот инструмент свободы-рычаг к склонению Китая в сторону демократических принципов.

2. Торговля с Китаем служит национальным интересам Америки, а также интересам безопасности соседей Китая. Китай не является "стратегическим партнером" США. Но это тоже не его враг.

Двери откроются для поставщиков услуг США - импортно-экспортная торговля, банковское дело, страхование, телекоммуникации, бухгалтерский учет, компьютеры, кинофильмы и многое другое. Китай также будет придерживаться правил ВТО. в отношении прав интеллектуальной собственности и инвестиций [44].

При новой администрации были обозначены основные проблемы двусторонних отношений в области экономики: торгово-экономическое сотрудничество США и КНР; проблема быстрого экономического и военно-политического подъема КНР, угрожающая национальным интересам США. Помимо комбинированного подхода Джорджа Буша младшего к внешнеполитическому курсу отношении КНР были и разные точки зрения у администрации президента-республиканца на этот предмет. Соответственно были выявлены два подхода в этом отношении: первый - придерживаться политики сдерживания, второй -

придерживаться политики вовлечения. К первому подходу относятся следующие представители администрации президента Дж. Буша младшего: вице-президент Дик Чейни, Дональд Рамсфелд - министр обороны, его заместитель Пол Вулфовец, а также Ричард Армититдж - заместитель госсекретаря, придерживаясь крайнего подхода, обосновывали свою точку зрения тем, что необходимо действовать в рамках политики сдерживания с целью реализации американских национальных интересов в глобальном плане. Китай, по их мнению, представляет угрозу национальным интересам. В силу этого нельзя допустить возможность возникновения данной угрозы, где активная помощь Тайваню в реализации экономического потенциала станет “рукой помощи” в борьбе с данной угрозой.

Ко второй группе подхода относятся: Колин Пауэлл - госсекретарь, а также Роберт Зелик - заместитель госсекретаря. Свой подход вовлечения сторонники объясняли тем, что необходимо поддерживать в регионе АТР баланс сил и стабильность, которая строится прежде всего на двусторонних отношениях США и КНР, а также политика вовлечения поможет более эффективно противостоять региональным и глобальным вызовам современности.

Стоит отметить, что два лагеря разных мнений к подходу внешнеполитического курса в отношении КНР не были однозначны на протяжении всего периода председательства Дж. Буша младшего, они также принимали комбинированную форму. Например, на своем слушании госсекретарь Колин Пауэлл в 2001 году 17 января высказал, что США будет относиться к Китаю так, как она заслуживает. Китай не является стратегическим партнером, но и Китай не является неизбежным и неумолимым врагом. Китай является конкурентом, потенциальным региональным конкурентом, а также торговым партнером, готовым сотрудничать в областях, где стратегические интересы двух стран пересекаются. Китай не является врагом, и задача США заключается в том, вовлечь Китай в верховенство закона, подвергая его мощным силам системы свободного предпринимательства в демократии, чтобы он могли видеть, что это правильное направление для движения [45].

Комбинированный подход Джорджа Буша младшего прослеживается явно с весны 2001 года, когда китайские власти ненадлежащим образом задержали 24 члена экипажа американского самолета наблюдения, EP-3E Aries II, в течение 11 дней после того, как он и китайский истребитель столкнулись 1 апреля над Южно-Китайским морем и совершили аварийную посадку на острове Хайнань. Случившийся инцидент стал причиной последующих дипломатических и экономических трений, которые

удалось уладить, но военные обмены и контакты с китайскими вооруженными силами с Китаем были приостановлены. Меморандум от 30 апреля, подписанный Крисом Уильямсом, старшим советником г-на Рамсфелда по политическим вопросам, поручил вооруженным силам Соединенных Штатов приостановить контакты между их гражданскими и военными должностными лицами и их китайскими коллегами «до дальнейшего уведомления», который включает в себя такие действия, как визиты высокопоставленных командиров и гражданских лидеров на высоком уровне, а также обмен офицерами и экспертами на более низком уровне. Также его сразу поддержал Джон У. Уорнер, республиканец из Вирджинии, который является председателем Комитета по вооруженным силам Сената [46].

Этот инцидент, который дал почву в наступлении негативной тенденции в двусторонних отношениях, положил цепочке “ответных” действий со стороны Вашингтона. Так, 24 апреля 2001 года президент США на ежегодных переговорах между США и Тайванем по продаже военного оружия одобрил возможную продажу дизель-электрических подводных лодок, самолетов противолодочной обороны Р-3 (связанных с продажей подводных лодок), четырех списанных американских эсминцев "Kidd-class" и других вооружений в общей сложности на сумму 5,8 миллиардов долларов США [47]. Также США уведомил, несмотря на растущую угрозу (включая наращивание ракетного потенциала) со стороны вооруженных сил КНР, Народно-освободительной армии Китая (НОАК), готов оказать поддержку Тайваню. Тем самым, В соответствии с Законом об отношениях с Тайванем 1979 года Соединенные Штаты обязаны предоставить Тайваню оборудование для самообороны. Пентагон также расширил сферу своей озабоченности, распространив ее с закупок оружия Тайванем на расходы на оборону, серьезность в вопросах самообороны и защиту секретных данных, сил сдерживания, оперативную готовность, защиту критически важной инфраструктуры и инновационных асимметричных преимуществ. Он также сказал, что надеется, что Тайвань не объявит о своей независимости. Он сказал, что Тайвань и Китай должны урегулировать свои разногласия мирным путем.

В дополнении, Джордж Буш сказал, что надеется и ожидает, что отношения между Соединенными Штатами и Китаем будут оставаться мирными. Таким образом, позиция президента опять же была двойкой в отношении КНР, которая характеризует отношения между Вашингтоном и Пекином по теме Тайваня [48].

Так как внешнеполитический курс Джорджа Буша младшего носит комбинированный характер, политика сдерживания и вовлечения, после ряда

вышеупомянутых инцидентов, опасаясь эскалации напряжения, с июня 2001 года политика стала приобретать характер более стабильный с ориентацией на нормализацию отношений уже в сфере торговли. Опираясь на позицию президента Джорджа Буша младшего, можно сказать с уверенностью, что вектор двусторонних отношений в экономике или в военно-политической сфере определяет и вектор в первой или второй упомянутой сфере, в зависимости от того, в какой из них этот вектор был изначально заложен.

Так, с 1 июня 2001 года Вашингтон заявил о Разрешении распространения недискриминационного режима (нормального режима торговых отношений) на Китайскую Народную Республику и установить рамки для отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой с 1 января 2002 года. [49]. Так как 2001 год был знаменателен для КНР, тем что готовилось вступление его в ВТО, отношения между США и КНР были завязаны и на основе этого фактора. Колин Пауэлл во время своей визита в КНР 28 июля 2001 года продемонстрировал смену вектора на политику вовлечения в своей речи, который СМИ отметили, как очень продуктивный. Госсекретарь заявил, что КНР не является для Америки настоящим стратегическим соперником, ибо у обоих государств есть целый ряд взаимных глобальных и региональных интересов [50].

С момента проведения политики реформ открытости с 70-х годов XX века, торгово-экономические отношения двух государств были базисом их взаимодействия и причиной лавирования в конфликтных точках. Практически на момент вступления КНР в Всемирную Торговую Организацию с 1995 года до 2000 года экспорт США вырос с отметки 11,8 до 16,3 млрд долл., где импорт увеличился с 45,6 до 100 млрд долл.. При этом общий показатель торговли США с КНР возрос с 57,4 до 116,3 млрд долл. Вступление КНР в ВТО значительно расширило торговлю и инвестиции между двумя государствами. Если рассматривать динамику с 70-х годов XX века на 2005 год, то показатель двусторонней торговли составлял 244 млрд долл., где сумма прямых инвестиций США в КНР составили 3 млрд долл., а с 70-х годов XX века показатель составил около 52 млрд долл. Данные показатели говорят только об одном, политика вовлечения в экономических отношениях дала положительный результат, осознавая выгоды которые хотят получить две державы от сотрудничества друг с другом. Для США имеются следующие выгоды: стимуляция экономического роста США за счет снижения цен, повышение производительности и предоставление новых возможностей в экспорте. Для КНР: образование новых рабочих мест за счет инвестиции США , которые помогут

сократить и преодолеть бедность в стране на тогдашний момент. На 2001 год США благодаря инвестициям создали 1,8 миллионов рабочих мест для китайцев, преимущественно в области сельского хозяйства и промышленности. Благодаря давним экономическим реформам торговля между странами возросла в количестве, особенный плюс для экономики КНР стал доступ к иностранному рынку.

Вступление КНР в ВТО принесло огромные плоды для двух государств. Показатель инвестиций США в КНР составил 51 млрд долл. на 2005 год. Благодаря членству в ВТО были снижены тарифные и нетарифные барьеры, отменены импортные лицензии и квоты, открылись иностранные рынки для КНР, прозрачные отчеты о субсидиях и рыночных мерах. При этом китайскими компаниями было разрешено импортировать национальную продукцию напрямую без государственных посредников.

Однако торговый дефицит США постепенно рос с 1995 года показатель составлял -33,8, а на 2005 год уже достиг отметки -201,7 млрд долл. Власти США придерживались одной точки зрения на этот счет, что причина кроется в искусственно заниженном обменном курсе КНР. По данным США торговый дефицит составил 26% от общего торгового дефицита США в 2005 году. При этом необходимо отметить, торговые и инвестиционные тенденции показывают, что торговый дефицит США становится более глобальным по своей природе и не вызван только одним Китаем и не результатом одной политики [51].

Однако положительная динамика как в экономических отношениях наблюдается не везде. Четкая, резкая, негативная позиция США была отражена в докладе Государственного департамента США в марте 2002 года, в котором упоминается, что КНР-авторитарное правительство Китая продолжает подавлять политические, религиозные и социальные группы, а также отдельных лиц, которые воспринимаются как угроза власти режима или национальной стабильности. Посол и другие сотрудники Миссии США в Китае также работают в частном порядке с китайскими официальными лицами, НПО и другими организациями, выявляя области, вызывающие особую озабоченность, и поощряя системные реформы. Сказано, что США поддерживает широкий спектр программ, направленных на улучшение ситуации с правами человека в Китае путем укрепления судебной системы и укрепления верховенства закона, поощрения демократических политических реформ, поощрения уважения свободы вероисповедания, защиты прав человека, в том числе прав работников и женщин, повышения прозрачности

управления и укрепления гражданского общества. Правительство США постоянно работает над освобождением китайских узников совести. Посол и другие официальные лица регулярно поднимают конкретные случаи на встречах с китайскими официальными лицами. В 2002 и начале 2003 года правительство Китая освободило ряд высокопоставленных узников совести, которые были объектами такого лоббирования. Например, тибетские видные политические деятели: Нгаванг Чопхел, Джигме Сангпо, Сюй Вэньли и политический активист Фан Цзюэ, были освобождены в Соединенных Штатах. Другие узники совести, в том числе четыре тибетские монахини, также добились досрочного освобождения из тюрьмы после того, как на них обратили внимание в апелляциях США.

Соединенные Штаты финансируют многомиллионную программу, направленную на продвижение правовой реформы и обеспечение независимости судебной системы, расширение участия населения в управлении государством и содействие развитию гражданского общества в Китае. В рамках этой программы в настоящее время реализуется более десятка проектов. Некоторые из этих проектов, например, направлены на улучшение предоставления юридических услуг и предоставление обычным гражданам возможности добиваться защиты в соответствии с законом. Другие выступают за демократические политические реформы, поощряя проведение прямых выборов на местном уровне и расширяя возможности участия граждан в принятии государственных решений. Кроме того, Посольство выделяет небольшие гранты членам китайского движения НПО в поддержку демократических ценностей.

В течение года лоббирование со стороны США способствовало организации визитов в Китай посла США по особым поручениям по вопросам международной свободы вероисповедания и члена Комиссии США по международной свободе вероисповедания. Высокопоставленные официальные лица продолжают призывать правительство Китая вступить в диалог с Ватиканом и Далай-ламой; в 2002 году эмиссары Далай-ламы дважды посетили тибетские районы Китая, что стало первым подобным визитом за последние десятилетия.

США призвали к реформированию тех элементов трудового кодекса Китая, которые не соответствуют международным стандартам. Официальные лица работают над созданием программ технической помощи, которые могли бы способствовать защите прав работников в области трудового законодательства и безопасности на

шахтах. Сотрудники Представительства США в Китае также следят за соблюдением Американо-китайского меморандума о взаимопонимании и Заявления о сотрудничестве в области труда заключенных и расследуют заявления о принудительном детском труде.

Правительство США ведет постоянный диалог по правам человека с правительством Китая. В ходе декабрьской сессии 2002 года правительство Китая согласилось пригласить без каких-либо условий специальных докладчиков ООН по вопросам религиозной нетерпимости, пыток и образования, а также председателя Рабочей группы по произвольным задержаниям посетить Китай. В течение 2002 года посол и высокопоставленные должностные лица работали над улучшением обмена информацией о правах человека в правительстве США, с китайским правительством и правительствами стран-единомышленников. США принял участие в третьей встрече партнеров по диалогу Китая в рамках Бернского процесса для обмена информацией о стратегиях в области прав человека и программах в области прав человека, верховенства закона и демократии. Представительство США в Китае также пригласило всемирно признанных ораторов для выступления перед китайской аудиторией по таким темам, как демократия, права человека, свобода вероисповедания и верховенство закона [52].

Тем не менее, США также министр обороны предпочел лавировать от вопроса, когда интервьюер спросил его о применении термина “стратегический соперник” в отношении Китая, он сказал, что не помнит, что когда-то его употреблял в своей речи. Наоборот, использовал термин стратегические партнеры, указывая на многогранность двусторонних отношений, которые постоянно развиваются [53].

11 сентября 2001 года в связи с террористическим актом, внешняя политика США претерпела свои изменения. С момента террористического акта Вашингтон стал заниматься поиском необходимой международной поддержкой в борьбе с антитеррористической кампанией. Идеологическая составляющая также стала играть более значительную роль, чем раньше. Событие 11 сентября 2001 года дало возможность Вашингтону изменять свою внешнеполитическую стратегию, которая стала “доктриной Буша”, что дало моральное право наносить превентивные удары по странам, уличенным в сотрудничестве с международными террористическими организациями. Они же реанимировали старую имперскую риторику, в соответствии

с которой США представляют собой либеральную империю, призванную бороться с деспотическими режимами и одиозными диктаторами [54].

Как упоминалось ранее, политика вовлечения после данного события стала главной тактикой во внешнеполитическом курсе США.

20-21 сентября 2001 года Тан Цзясюань, восьмой министр иностранных дел КНР, договорился с Колином Пауэллом и Кондолизой Райс внести в список террористических организаций Фронта освобождения Восточного Туркестана, об усилении сотрудничества в рамках Совета Безопасности ООН и развитии антитеррористической кооперации.

Более того 19 октября 2001 года в Шанхае состоялась первая встреча президента Буша и президента Цзян Цзэминя по вопросу борьбы с терроризмом и поддержания мира и стабильности во всем мире. Президент Цзян Цзэминя сказал “В настоящее время китайско-американские отношения сталкиваются с важными возможностями для развития. Мы будем вести стратегический диалог на высоком уровне, продвигать обмены в области сотрудничества в экономической, торговой, энергетической и других областях, а также укреплять консультации и координацию по основным международным и региональным вопросам”. В рамках этой встречи представители двух государств вели диалог о продолжении сотрудничества в АТР, в экономической сфере, совместной кооперации в борьбе с терроризмом. А также пришли к заключению о необходимости проведения совместных форумов в сфере безопасности между двумя странами. Не прошел мимо и Тайваньский вопрос, что США придерживается принципа “одного Китая”. Внимание также уделено разрешению споров, связанных с поставками китайских вооружений и военных технологий в Иран, Пакистан и Северную Корею. Однако конкретных договоренностей не достигнуто из-за нежелания китайских лидеров приостановить сотрудничество. Также не обсуждались планы США по созданию системы противоракетной обороны, по нежелания уже со стороны американских властей затрагивать данный вопрос. Переговоры между Бушем-младшим и Цзян Цзэминем можно охарактеризовать как символически значимые, но не принесшие конкретных результатов. Не достигнуто ясных договоренностей по важным вопросам, многие формулировки оставались неоднозначными [55].

В действительности совпадение интересов в сфере безопасности позволило в основу двусторонних отношений сформировать крепкий фундамент для будущего

продуктивного диалога. Такая динамика неуклонно сохранялась на протяжении всего срока председательства администрации Буша-младшего. Особенное в 2008 году, когда критика в адрес Белого дома в связи с его внешней политикой достигла апогея, признавалось, что одним из ключевых достижений республиканской администрации стало значительное улучшение американо-китайских отношений. Тем не менее, политика США по отношению к Китаю сохраняла свой комбинированный характер. С одной стороны, было стремление к плодотворному сотрудничеству, а с другой – наблюдались провокационные шаги - продажи Тайваню высокотехнологичного вооружения.

5 февраля 2002 года секретарь Колин Пауэлл выступил с заявлением по бюджетному запросу президента Буша на 2003 финансовый год, в котором также высказался на предмет китайско-американских взаимоотношений, где выдвинул концепцию их взаимодействия - откровенность, конструктивность и совместные отношения. “Откровенно, где мы не согласны; конструктивно, где мы можем видеть дневной свет; и кооператив, где у нас есть общие региональные или глобальные интересы.” [56]. Эта концепция демонстрирует подход США, сотрудничество не только в областях смежных, но и в противоречивых, где финальная цель США - вовлечь КНР в систему международных отношений через инструменты рыночной экономики, верховенства права и демократических ценностей.

В 2002 году была принята резолюция Совета Безопасности ООН №1441 принятая Советом Безопасности на его 4644-м заседании 8 ноября 2002 года в отношении Ирака за невыполнение Ираком резолюций Совета и распространение оружия массового уничтожения и ракет большой дальности для международного мира и безопасности [57]. В рамках двусторонних отношений это событие имело также значительный характер, так как Китай выразил поддержку США, что упоминается в Стратегии национальной безопасности США 2002г. [58].

В документе центральным вопросом является борьба с терроризмом, поддержку которую в рамках борьбы с данной проблемой оказал Китай США, что привнесло еще больше значимости в двусторонние отношения. Также в отношении Китая вопросами в двусторонних отношениях остаются решение проблемы Корейского полуострова, борьба с распространением ОМП, противодействие угрозам в области здравоохранения и защиты окружающей среды. Особое внимание стоит уделить сотрудничеству КНР и США на предмет нераспространения оружия

массового поражения в рамках ядерной проблемы на территории КНД с целью укрепление стабильности в АТР [59].

Также акцент США в Стратегии делается на демократическом развитии Китая. Это говорит о том, что Вашингтон надеются на разрешении проблем в тех областях, которые в первую очередь являются точки преткновения во взаимоотношениях, а именно, сфера обеспечения прав и свобод человека. Также упоминание о демократическом развитии трактуется Штатами, что развитие нынешнее КНР в рамках однопартийной системы не гарантирует те политические свободы и права гражданам, которые должны быть, по мнению Америки [60].

Важнейшим фактом политики вовлечения администрации Джорджа Буша младшего является экономическая операция, который дала прочный базис для двусторонних отношений. Приводя реальные факты, в 2005 году торговый оборот двух государств составил 232 млрд долл. с учетом дефицита США, а это 162 млрд долл. [61].

Таким образом, подводя итог первого этапа правления администрации Джорджа Буша младшего видно, что изначально была заложена довольно резкая в негативном ключе линия внешнеполитического курса в отношении КНР. В последствии эта линия деформируется в связи с произошедшим событием 2001 года 11 сентября. Ныне КНР стал рассматриваться как партнер в рамках борьбы с терроризмом, который может дать необходимую поддержку. Данный вывод и касался экономической сферы, результаты которой в 2005 году дали понять, что успешные результаты в экономике двух стран в экономике более чем взаимосвязаны, даже взаимозависимы. Но главного факта США не забывал, что амбиции КНР не утихли, а наоборот идут в гору и этого не стоит забывать при выстраивании внешнеполитического курса.

В ноябре 2004 года Джордж Буш младший одержал победу в президентских выборах. Не меняя внешнеполитической стратегии в отношении КНР, президент начал проводить тот же самый внешнеполитический курс.

В 2005 году заместитель госсекретаря Роберт Зеллик выдвинул новую модель взаимодействия США и КНР “ответственный участник”. Участник-КНР и его вовлечение в решение таких серьезных проблем США необходимо: противостояние современным региональным и глобальным вызовам, терроризм, распространение оружия массового поражения, транснациональный терроризм, бедность и пандемия,

так как “Система международных отношений полностью обеспечила успех КНР”. В итоге с целью противостояния данным проблемам Вашингтон стремится вовлечь КНР и склонить в их лагерь, благодаря чему у КНР появится больше возможностей. В связи с новой моделью ожидаются решения по таким проблемам как: быстрая военная модернизация Китая и увеличение возможностей, которые вызывают вопросы о целях этого наращивания и отсутствии прозрачности в Китае; дефицит двусторонней торговли в размере 162 млрд долл., что способствует дефициту глобального текущего счета в размере 665 млрд долл., рост протекционистского давления; Безудержная кража интеллектуальной собственности и подделка.

Например, по данным Торговой палаты США, общий годовой ущерб американских компаний от кражи интеллектуальной собственности и авторских прав за этот период составил от 200 до 250 млрд долл., причем значительная его часть пришлась на Китай [62]. Обещания Китая, включая заявление президента Ху в Нью-Йорке, которое только на прошлой неделе, расправиться с преступниками, которые занимаются этой торговлей, приветствуются, но результаты пока не очевидны. Китай должен полностью выполнить свои обязательства по рынкам, где Америка имеет сильное конкурентное преимущество, например, в сфере услуг, сельского хозяйства и некоторых промышленных товаров. Также в этом году профицит мирового текущего счета в Китае составляет почти 150 млрд долл., что является одним из самых высоких в мире. Это говорит о том, что недавние корректировки политики Китая являются первым шагом, но еще многое еще предстоит сделать, чтобы позволить рынкам приспособиться к дисбалансу. США также снова с момента первого срока Джорджа Буша младшего на посту президента подвергли КНР обвинению в искусственной девальвации юаня. Таким образом впервые КНР под давлением США повысил курс юаня доллару. Несмотря на комплекс проблем с торгово-экономических отношениях Вашингтона и Пекина к концу 2006 года страны были вовлечены по меньшей мере в 30 различных диалогов по данной проблематике, что снова подтверждает факт комбинированного характера внешней политики США в отношении Китая [63].

Китай также разделяет с Соединенными Штатами большой интерес к переговорам по успешному Дохинскому соглашению ВТО, которое открывает рынки и расширяет глобальный рост, проблему в сфере энергетики, связанная с развитием различных источников энергии, в том числе с помощью технологии

чистого угля, ядерного, возобновляемых источников энергии, водорода и биотоплива [64].

Данная модель властями США также упоминается в Стратегии национальной безопасности США 2006 года, что они приветствуют желание Китая сотрудничать с целью противостояния общим вызовам и в целях реализации взаимных интересов. Под общими вызовами понимается проблемы в области здравоохранения, окружающей среды, издержки глобализации. Обоюдными интересами являются кооперация в борьбе с терроризмом, также борьба с распространением оружия массового поражения.

Хотя Китай движется в сторону открытости, интеграции в систему международных отношений и участия в межправительственных организациях, он еще не в полной мере проявляет себя на мировой арене как ответственный игрок, выполняющий свои обязательства по укреплению международных правил и поддержанию глобальной стабильности и безопасности наряду с США и другими западными странами. Ей еще предстоит стать по-настоящему глобальным игроком.

Стратегия отражает обеспокоенность США из-за быстрого военного роста Китая и его выходом на мировой энергетический рынок. Вашингтон заявил о своем намерении оказать давление на китайское правительство с целью создания полноценной рыночной экономики и обеспечения прав и свобод человека в Китае [65].

Так как одной из целью США во внешнеполитической стратегии в отношении Китая в рамках политики сдерживания было усиление и укрепление военно-политических союзов, Вашингтон развернул активную кооперацию с давними союзниками: Япония, Филиппины, Австралия и Индия с целью усилить военное присутствие Штатов в АТР. Так, 2005 году США перебросили свои истребители F-15 и бомбардировщики B-2 с его континентальных баз в Микронезию в западной части Тихого океана Гуам. В то же время Соединенные Штаты начали укреплять свой авианосный флот в Тихом океане и развернули примерно 60 процентов своих сил атомных подводных лодок.

В марте этого же года Вашингтон подверг негативной критике закон Всекитайского собрания народных представителей о предотвращении раскола государства, позволяющий Китаю регулировать в случае возникновения спорных

ситуаций в одностороннем порядке с Тайбэем, более того давал возможность на основании Закона оправдывать нападение на Тайвань [66]. Также, американские политические и научные круги считают, что Закон усугубит ситуацию в американо-китайском диалоге по Тайваню. Это связано с тем, что, например, Китай может использовать закон для высылки тайваньских политиков из других стран, и из США включительно [67]. Однако в связи с имеющихся многочисленных проблем США во внешней политике: проблема Афганистана, Иранская проблема, Северокорейский вопрос по денуклеаризации, война в Ираке, а также провал в двусторонних отношениях с Российской Федерацией, которая надеялась стать партнером Вашингтона, который вынужден придерживаться негативной позиции в отношении его возможного участия в конфликте с Китаем по поводу Тайваня, и маловероятно отстаивание его четкой позиции об открытом, свободном и демократическом мире [68]. В результате в 2005 году США подтвердил свою позицию “одного Китая”, которой он придерживается [69]. Но в 2005–2006 гг. США не прекращал сотрудничества с Тайванем в сфере военной политики, в связи с чем были организованы поставки вооружений Тайбэю (эсминцы Kidd-class) [70]. Продолжая сотрудничество, в 2007 году был осуществлен план по продаже 12 противолодочных самолетов «Орион» P-3C и 144 ракет противоздушной обороны в общей сложности на сумму в 2,2 млрд долл. Со своей стороны Пекин запретил заходить военно-морским силам Вашингтона в порты Китая [71]. И наконец, третий план и последний во время председательствования Джорджа Буша младшего был озвучен в конце его срока, а именно, в 2008 году поставки вооружений Тайваню (противокорабельные ракеты «Пэтриот», ударные вертолеты «Апачи», ракеты «Гарпун Блок-2» и управляемые ракеты и блоки прицельно-пускового оборудования «Джавелин») на сумму 6,5 млрд долл. [72].

По данным США, баллистическая ракета средней высоты, запущенная с китайского космодрома Сычуань в ночь на 12 января 2007 года, уничтожила старый метеорологический спутник Fengyun-1C, запущенный в 1999 году, на высоте 865 км. Вечером уже 18 января официальный представитель Совета национальной безопасности США Гордон Джондро подтвердил эту новость и осудил действия Китая, заявив, что разработка и испытание такого оружия несовместимы с духом сотрудничества в "мирном освоении космоса" [73]. Данные действия усилил американские беспокойства по поводу усиления КНР в наращивании военного потенциала.

При этом во время второго срока Джорджа Буша-младшего Соединенные Штаты взяли во внимание в сотрудничестве с Китаем вопросы, касающиеся безопасности в АТР. В 2003 года состоялись шестисторонние переговоры в рамках ядерной проблемы Северной Кореи, где США и КНР плодотворно сотрудничали; В 2005 и 2007 гг. также состоялись переговоры по денуклеаризации Северной Кореи, две стороны скооперировали и определили принципы и условия по денуклеаризации КНДР; Также в июне 2007 года на конференции по безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, проходившей в Сингапуре, министр обороны США Роберт Гейтс заявил, что США готовы к сотрудничеству с Китаем в системе противоракетной обороны, которую строят США.

В свою очередь правительство Штатов были заинтересованы в сотрудничестве с КНР в рамках сферы безопасности, также нераспространении оружия массового уничтожения. Необходимо отметить, что в 2006 году прошли испытания межконтинентальных баллистических ракет «Тэпходон-2» Северной Кореи, что дало толчок к незамедлительной активизации проведения консультаций США с Пекином в отношении КНДР. В силу данного факта, в 2007 году состоялся визит президента Джорджа Буша младшего в Китае, в результате чего обе стороны пришли к договоренности активизировать на всех уровнях контакты между военными ведомствами. Однако, Китай стал активно вести политику в регионе АТР, что несомненно стало причиной включения США инструментов сдерживания в отношении Китая. А следствие - усиление кооперации с Тайбэем в сфере военной политики, на что Китай негативно отреагировал. В этом же году и в последующем был разработан план властями Вашингтона по продаже ударных вертолетов “Apache” AH-64D, ракет «Patriot» PAC-3, переносных противотанковых ракетных комплексов FGM-148 Javelin, ракет противовоздушной обороны и других вооружений Пекину в общей сложности около 8,7 миллиардов долларов США [74].

Вдобавок к сотрудничеству в сфере энергетике, в 2005 году была инициация по созданию институциональных структур, а именно, Форум по глобальным проблемам между бюро глобальных инициатив госдепартамента и китайским МИД и Форум по здравоохранению между министерствами торговли и здравоохранения США и КНР [75]. А в 2007 году был подписан китайско-американский меморандум в Сан-Франциско о взаимопонимании двух стран по проблемам в сфере энергетике, включая расширение экспорта “дружелюбных” к окружающей среде технологий [76].

Во время второй администрации Джорджа Буша-младшего торгово-экономическая политика двусторонних отношений претерпела некие изменения. Это выразилось в изменении способа разрешения конфликтов между США и Китаем. Соединенные Штаты все больше полагались на ВТО, а не на двусторонний диалог. Так, в феврале 2007 года Вашингтон подал в ВТО жалобу на промышленные субсидии, которые выдвинул Китай, поддерживающие его экспортную продукцию. С одной стороны, это от части удовлетворило требования США, с другой стороны, показало, что подобные действия Вашингтона способны нанести ущерб отношениям его с Пекином в сфере торговли преимущественно [77].

Также в ноябре 2006 года Вашингтон придерживался тактики сдерживания Китая в торгово-экономических отношениях. В конце марта 2007 года Соединенные Штаты приняли ряд антидотационных мер, направленные на товары Китая. Министерство торговли США ввело 20-процентный тариф на импорт глянцевой бумаги из КНР, что стало первой антидемпинговой пошлиной на товары из стран с нерыночной экономикой с 1984 года [78]. Также в 2007 году Карлос Гутьеррес, министр торговли США, заявил об ужесточении контроля над экспортной продукцией в КНР касательно продукции в сфере высоких технологии, которые потенциально могут быть использованы Китаем в военной сфере [79].

На последнем этапе президентствования Джорджа Буша младшего двусторонние отношения сохраняли положительную атмосферу. Об этом говорит факт телефонного разговора между лидерами двух государств, который состоялся 22 сентября 2008 года на предмет роста финансово-экономического кризиса. Со своей стороны Китай огласил готовность в преодолении данного кризиса.

Подводя итоги первого и второго срока пребывания Джорджа Буша младшего на посту президента США, в основе взаимоотношений США и КНР лежал в первую очередь факт возвышения военно-политического и экономического потенциала и стремительного роста Китая, который необходимо сдерживать посредством давления и других форм политической манипуляции по таким вопросам как, Тайваньская проблема, рост военной мощи и ее крайне стремительная модернизация, несоблюдение прав и свобод человека в Китае. Однако одновременно администрация Джорджа Буша младшего использовала тактику вовлечения во внешнеполитическом курсе в отношении Китая, понимая тот факт, что американские и китайские торгово-экономические отношения более чем

взаимосвязаны и для улучшения наиважнейших показателей в сфере экономики, а также политики необходимо активно сотрудничать, чтобы не допустить потери лидерских позиций, а также перехода статуса гегемона от США к Китаю не только в АТР, но и в целом на международной арене. Именно поэтому 43 президент США полагался на выстраивание военно-политических союзов с давними партнерами в регионе: Япония, Австралия, Индия, в период второго срока своего президентствования.

В 2008 году на президентских выборах одерживает победу Барак Обама. Основные посты на китайском направлении в его администрации заняли: Хиллари Клинтон-госсекретарь, Джонатан Стайнберг - ее заместитель. Сразу же в первую пору вступления на должность, президент-демократ был нацелен на поддержание партнерских отношений с Китаем, что было несомненно верным путем в период финансового кризиса в мире, который может, опираясь на мнение администрации Барака Обамы, сократить потери до его минимума и преодолеть кризис.

Так, заняв пост госсекретаря в администрации президента Барак Обамы, Хиллари Клинтон 22 февраля 2009 года в Китае в своем интервью выразила позицию США на предмет нарекания американо-китайских отношений терминологией, которая бы описывала одним словом стратегический подход США в целом, дала ответ, что она не заинтересована в том, чтобы давать какую-то терминологию взаимоотношениям, но сейчас нужно продемонстрировать ту продуктивную работу США и Китая, которую они проделали в целом, при этом не только затрагивать те вопросы, вызывающие спор у двух сторон, а также те, которые покажут лидерские качества двух государств остальному миру. Также госсекретарь согласилась с интервьюером о том, что Китай и США находятся в одной лодке финансово-экономического кризиса, где последствия для двух государств будут одинаковы. В результате интервью прошло в положительном русле, показывая нацеленность США в поддержании тактики вовлечения в отношении Китая, особенно затрагивая сферу экономики, при этом не затрагивая спорные вопросы двусторонних отношений в интервью. Хотелось бы отметить, что Хиллари Клинтон под тактикой вовлечения имела ввиду стимулирование роста инвестиции в экономику США. Объясняя это двумя факторами:

1. Данный вид инвестиции является безопасным, несмотря на экономические вызовы, охватившие весь мир, Штаты имеют стабильно положительную репутацию.
2. Экономики таких стран как, США и КНР безоговорочно переплетены. Зная, что, если снова начать экспортировать в самый большой рынок - США, которым придется принять решительные меры стимуляции, а это означает взять на себя долговые обязательства [80].

Так в 2009 году 1 апреля в столице Великобритании состоялась встреча двух лидеров - Ху Цзиньтао и Барака Обамы в рамках борьбы с мировым финансовым кризисом, в результате которой стороны пришли к решению об организации двустороннего диалога с целью противостояния финансово-экономическому кризису. В рамках данной инициации стороны должны были рассматривать вопросы американо-китайских разногласий в торгово-экономической сфере, а также вопросы усиления сотрудничества и в других смежных областях. На встрече президент США также высказался по Тайваньской проблеме, поддерживая политику “одного Китая”, отметив, что рациональные и продуктивные двусторонние отношения имеют особое значение в борьбе с современными угрозами и вызовами [81].

Что касается экономической составляющей, то сотрудничество намеченное шло по плану: объем двусторонней торговли с 2009 года по 2013 год вырос с 365,98 млрд долл. до 562,45 млрд долл. При этом процент экспорта с 2009 года США в КНР возрос на 5,54% от общего экспорта США и 2015 году составил 7,3% от его общего экспорта, а это 87,6 млрд долл. в 2009 году и 2015 году 165,1 млрд долл. [82]. США на 2015 год занимали второе место среди партнеров по внешнеторговому обороту, и пятое по объему импорта, первое по экспорту, а КНР в отношении США также заняли второе место по товарообороту, и третье место по объему экспорта ,первое по импортной торговле [83]. При этом проблема торгового дефицита не улучшалась и также сохраняла напряженный характер в двусторонних отношениях. С 2009 года по 2011 дефицит вырос с отметки - 226,9 до -295,5 млрд долл.[84]

В октябре 2009 года Обама отсрочил встречу с Далай-ламой, нарушив традицию встреч президентов США с ним. Он также отложил на 11 месяцев продажу оружия Тайбэю, дабы искоренить идеологические раздражители, включая запрет на обсуждение прав человека и запрет на встречи американских дипломатов с китайскими диссидентами без предварительного одобрения.

Несомненно значительным достижением администрации Барака Обамы стало Совместное Заявлением США и КНР, подтверждающее взаимное уважение к моделям политического и экономического развития друг друга. Таким образом, Вашингтон не будет акцентировать внимание на идеологических различиях при сотрудничестве с Китаем.

Подчеркивая важность проблемы глобального потепления и сохранения окружающей среды, США и Китай пытались активизировать усилия в этом направлении в ходе визита президента США в Китай. Для президента-демократа Барака Обамы приоритетом было тесное сотрудничество с Китаем на конференции ООН по изменению климата. Климатическая проблематика стала центральной в американо-китайских отношениях, вытеснив другие конфликтные темы, такие как права человека в КНР и вопрос тайваньской независимости. Но на Копенгагенской конференции сотрудничество между США и Китаем по климату нарушилось из-за американской позиции по сокращению выбросов парниковых газов до 2020 года. США заявили о намерении снизить выбросы на 18% и поддержать международные механизмы контроля, что вызвало критику со стороны развивающихся стран, включая Китай. Китай отметил, что международный контроль может нарушить его суверенитет, а сокращение выбросов на 40-45% потребует значительных усилий и помощи развитых стран. В конечном итоге не удалось достичь согласия по новому документу, заменяющему Киотский протокол. В рамочной декларации приняли страны-участницы конференции не было ни конкретных обязательств по сокращению выбросов, ни планов продолжения переговоров, ни предложений по борьбе с глобальным потеплением [85].

Однако, к концу 2009 года США столкнулись с неудачей в политике привлечения Китая. В 2010 году отношения начали ухудшаться из-за ряда инцидентов, включая тему прав человека после заявления Google о прекращении самоцензуры в КНР. Госсекретарь Хиллари Клинтон поддержала решение компании и заявила, что США будут продвигать свободу интернета в мире с использованием дипломатических ресурсов [86].

Далее, 29 января 2010 года Вашингтон объявил о намерении продать Тайбэю военное оружие примерно на 6,4 млрд долл. Этот план предусматривал поставку ЗРК "Patriot" PAC-3, вертолетов "Black Hawk" и ракет "Harpoon". Реакцией Китайской Народной Республики стала приостановка военно-политических

контактов с США, а также КНР выразила намерение о введении возможных санкций против таких американских компаний как General Electric, Boeing Company, Raytheon, Lockheed-Martin. Но данные меры так и не были введены [87].

Одновременно администрация президента Б. Обамы рассматривалась трансформации политики в отношении Китая. Эксперты из мозгового центра "Center for a New American Security" представили доклад о новой возможной стратегии Вашингтона в АТР, предполагая, что в будущем азиатские страны будут все больше сотрудничать с КНР, а не с США, учитывая успехи китайской экономики даже в условиях финансового кризиса [88].

Содержание внешнеполитического курса США в отношении Китая и в Азиатско-Тихоокеанского региона было представлено в одном из ключевых документов первого срока президентства Б. Обамы - Стратегии Национальной Безопасности США (2010 г.). В этом документе подчеркивается намерение Вашингтона и дальше строить конструктивное сотрудничество с КНР. Также США приветствуют участие Китая в решении глобальных проблем: восстановление мировой экономики после кризиса, борьба с изменением климата и нераспространение оружия массового уничтожения. Важно отметить, что эффективное сотрудничество между США и Китаем, невзирая на спорную область правозащитной области, станет средством преодоления современных вызов.

При этом США намерены следить за военной модернизацией КНР и поддерживать военные контакты для снижения недоверия. Также в документе упомянута Тайваньская проблема, в которой Вашингтон приветствует снижение напряженности и недоверия между конфликтующими сторонами [89].

Среди политических деятелей администрации Барака Обамы существовала широко поддерживаемая концепция установления полноценного двустороннего партнерства между Пекином и Вашингтоном. Так, помощник Генри Киссинджера по международным экономическим вопросам Фред Бергстон выдвинул концепцию "G2" сотрудничества посредством их лидерства в 2005 году, которую отразил в книге *United States in the world Economy*". В основе концепции лежит сотрудничество в сфере экономики, образуя глобальное экономическое лидерство [90].

Ведущий советник внешнеполитической деятельности президента, Збигнев Бжезинский, активно лоббировал концепцию "Большой двойки". Так, 13 января 2009 года Збигнев представил официальную концепцию Китаю в своем выступлении на конференции в столице КНР по случаю 30-летия установления дипломатических отношений между государствами, что было сделано за 7 дней до инаугурации Обамы. Бжезинский описывал отношения между странами как сложную взаимосвязь, в которой стороны могут одновременно вести конкурентную гонку и взаимодействовать, утверждая, что от сотрудничества они могут выиграть больше [91].

20 мая 2009 года в Чехии состоялся 11 саммит "Китай – Европейский Союз", премьер-министр Китая Вэнь Цзябао отрицал взаимодействие Пекина и Вашингтона именно на основе концепции "Большой двойки" для того, чтобы прийти к решению глобальных проблем. Вэнь Цзябао отметил, что одной или двумя странами невозможно решить данного рода проблемы, и что многополярность и многогранность являются современными трендами [92].

Также на первом официальном визите Барака Обамы в Китай, с 5 по 18 ноября 2009 года, подчеркнул заинтересованность обеих стран в построении позитивных и взаимовыгодных отношений, но договоренностей по проекту "Большой двойки" не были достигнуты. Вэнь Цзябао объяснил, что Китай не поддерживает концепцию G2 по нескольким причинам, включая свой статус развивающейся страны, независимую внешнюю политику и призыв к совместному решению мировых вопросов всеми странами [93].

В результате исследования недавно упомянутых инициатив и концепций, Вашингтон стал разрабатывать новый внешнеполитический курс в АТР, в последствии получившая название "перебалансировка в Азии", и была принята после выражения нежелания Китая принять концепцию G2, неудачей переговоров на Копенгагенской конференции и укрепления во всех сферах КНР в регионе.

В 2011 году госсекретарь Хиллари Клинтон провозгласила готовность США усилить свое влияние в регионе для сохранения статуса-кво лидерских позиций в регионе [94]. Во время тихоокеанского турне в 2011 году президент США начал активно продвигать новую политику в АТР, подчеркивая важность региона для будущего Америки [95]. США предложили ускорить процесс конструирования региональной зоны свободной торговли, в частности, Транстихоокеанского

партнерства. Целью создания ТТП было вытеснение Китая из экономик стран региона с помощью роста экспорта Вашингтона. В данный круг стран входили: Австралия, Вьетнам, Новая Зеландия, Бруней, Сингапур, Чили, Малайзия и Перу. При этом глава новой инициативы утвердил, что КНР также может стать частью данного проекта, но при нескольких условиях, во-первых, снизить курс национальной валюты, во-вторых, не станет закрыть китайский рынок от компаний других стран, в-третьих, прекратит заниматься кражей авторских прав и интеллектуальной собственности, в-четвертых, остановит “поставлять” субсидии в предприятия государственного уровня.

По прибытии в Австралию, Барак Обама сказал, что США расширят свое военное присутствие в регионе и объявил, что город Дарвин станет современным центром военных операций.

Советник президента США по национальной безопасности, Сьюзан Райс, после смены в должности 1 июля 2013 года Мишеля Дониллона, в ходе своего визита в Китай в сентябре 2014 года подтвердила, что Вашингтон придерживается политики, в которой КНР является одним из приоритетных партнеров. Подчеркивая тот факт, что Пекин и Вашингтон должны уважать национальные интересы друг друга и искать конструктивные подходы к разрешению двусторонних проблем. В рамках визита в Пекин в конце августа 2015 года Сьюзан Райс снова сделала попытки смягчить напряженные вопросы в американо-китайских отношениях, включая проблему в Южно-Китайском море и кибершпионаж, говоря о продвижении ситуации в позитивном русле [96].

В Индонезии проходил саммит стран АТР, на котором Обама выразил желание увеличить политический диалог со странами Юго-Восточной части Азии и расширить военное присутствие Вашингтона в АТР. В данном случае, Соединенные Штаты Америки сделали ставку на сотрудничество с теми странами, которые не удовлетворены китайским присутствием в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Например, были заключены соглашения о всеобъемлющем партнёрстве с Вьетнамом и Малайзией в 2013 и 2014 гг. соответственно. Также, президент Б. Обама подчеркнул нейтралитет США в территориальных спорах азиатских стран, высказав призыв к морской безопасности в регионе [97].

Возвращаясь из поездки по азиатским странам, президент США начал реализацию новой стратегии с целью уменьшить влияние Китая в регионе. В 2012 году Барак Обама вновь одерживает победу в президентских выборах,

соответственно внешнеполитический курс не менял свое направление. С целью изменить баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе Вашингтон стал проводить политику сотрудничества со странами региона в военной области, а также наращивать контингент американских вооруженных сил. Военное сотрудничество развивалось с Японией и Сингапуром. Позднее, весной 2013 года, США поставили Сингапуру управляемых авиационных ракет на общую сумму 246 млн долл. [98].

Обновленная версия документа о сотрудничестве в области обороны между Японией и США подписана в апреле 2015 года, учитывая изменения в политической обстановке в регионе и активность Китая в АТР [99]. В рамках стратегии национальной безопасности США подчеркивается важность наблюдения за расширением военного присутствия Китая в регионе.

В более позднее время были опубликованы значимые документы. В марте 2014 года Пентагон представил Четырёхлетний обзор обороны, в котором акцентировалось внимание на азиатской направленности политики США. Подчеркивалось, что США всегда были и остаются Тихоокеанской державой, а острой угрозой для американской безопасности в регионе называлось растущее военное присутствие Китая, решением которой станет политика альянсов США в регионе. Дополнительно были подписаны меморандумы о взаимопонимании в военной сфере, которые предусматривают предотвращение военных конфликтов, особенно в районе Южно-Китайского моря, по причине установления китайской зоны опознавания ПВО [100].

Также в этом же году нанесла визит военная делегация КНР в столицу США, в ходе которой два государства разработали усовершенствованный механизм кооперации военных сил на суше, расширяющий военные контакты и взаимодействие Пекина и Вашингтона в военной сфере, что несомненно стимулирует сокращение недоверия в двусторонних отношениях. Также в рамках этих договоренностей стороны пришли к необходимости сотрудничества военных медицинских работников, устранении негативных результатов стихийных бедствий, коллективных тренировках инженерных войск, а также программах гуманитарной помощи и проведения учений сухопутных войск. Эти соглашения представляют большую ценность как механизм предотвращения потенциальных столкновений между сторонами и как часть американской политики в регионе. Вопреки противоречиям, американо-китайское сотрудничество играет важную роль в обеспечении стабильности в регионе АТР.

Тем не менее, администрация президента Барака Обамы не прекратила

попыток продолжить сотрудничество с Китаем. В то время лидерство в Китае перешло к Си Цзиньпину. Это давало надежды на новое качественное улучшение отношений между странами. Но двусторонние встречи руководителей обеих стран в течение второго срока президента Барака Обамы не принесли значительных результатов. В результате последнего визита Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 года американо-китайские отношения не поменяли свой статус неопределенности [101].

В стратегии национальной безопасности США 2015 года еще раз подчеркивалось, что объем сотрудничества между Соединенными Штатами и Китаем остается большим, несмотря на настороженность американцев по поводу модернизации НОАК. США нацелены на более тесное отслеживание расширения военного присутствия Китая в АТР. Значительная часть американских регулятивных актов была посвящена роли США и Китая в АТР. Вашингтон нацелен на кооперацию с Китаем в целях противостояния региональным вызовам: борьба с проблемой изменения климатических условий в мире, проблема здравоохранения и борьба с новыми вирусами, стимулирование экономического роста государств АТР и ядерное разоружение КНДР. Дополнительно подчеркивается, что Штаты согласны с неизбежным соперничеством с КНР не только в АТР, но и в целом в мире. Также отмечается, что в рамках этого соперничества США будут стремиться склонить Китай к соблюдению международного права [102].

Изучая американо-китайские противоречия во время второго срока президента Барака Обамы, можно отметить, что основное внимание было уделено проблеме спорных территорий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях на фоне нарастающего влияния КНР. США выражают озабоченность увеличением военного потенциала Китая и его внешнеполитическими действиями. Американо-китайская комиссия по экономике и безопасности в своих докладах обозначила основные аспекты отношений между США и Китаем, включая увеличение военных расходов КНР, политику Китая на Ближнем Востоке и в Африке, а также территориальные споры с соседями в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. В ноябре 2013 года и в ноябре 2014 г. на ежегодных американо-китайских комиссиях по экономике и безопасности 113 Конгресса США были обсуждены наиболее значимые вопросы двусторонних отношений. Эксперты также отметили, что Китай предпочитает не разрешать споры путем переговоров, а полагается на

свою растущую силу. Подобные оценки прослеживаются в докладах Министерства обороны США, где подчеркивается военная модернизация Китая как потенциальная угроза для национальной безопасности Соединенных Штатов [103].

Наибольшее значение для Вашингтона имеют дружественные отношения с Китаем с сфере экономике, которая служит основой стабильности двусторонних отношений. Хотя у стран присутствуют разногласия в финансово-валютной и торгово-экономической сферах, двусторонний товарооборот составил примерно 46% от мирового объема торговли. Более того, экспорт из КНР в США с 2015 года по 2017 год с 483,2 млрд долл. вырос до 505,6 млрд долл. А из США в КНР со 115,8 млрд долл. поднялся до 129,9. Однако торговый дефицит составил уже -375,6 млрд долл. в сравнении с 2012 годом, составляет 315,1 млрд долл. [104].

В свете увеличения влияния Китайской Народной Республики в XXI веке до вступления на должность президента Дональда Трампа, отношения между Китаем и США приобретали всё более важное значение. Так, во времена Джорджа Буша-младшего Китай рассматривался как государство только развивающееся, то уже при Бараке Обаме начался новый этап в их взаимоотношениях. Первые попытки переформатировать американский внешнеполитический курс к Китаю, выбрав путь соперничества, вызваны активным ростом КНР как центра влияния, участием в мировых делах и использованием мощных политических и технологических средств для продвижения своих интересов.

Во-первых, стабильные отношения с КНР считались ключевыми для сохранения стабильности в регионе АТР, а также администрация Барака Обамы надеялась на демократизацию Китая.

Во-вторых, внимание администрации было поглощено Украинским конфликтом, что привело к активной и одной из приоритетных направлений в разработке внешнеполитических решений по отношению к России.

Постепенно, к 2017 году США перешли к антагонистическому соперничеству с Китаем, открыв новый этап в политике по отношению к данной стране.

Глава II. Концептуальные, правовые и институциональные основы внешнеполитического курса США на китайском направлении при президентстве Дональда Трампа

2.1. Правовая и институциональная база двусторонних отношений США и КНР

Китайско-американские отношения на протяжении последних четырех десятилетий в силу формирования и зарождения правовой и институциональной двусторонних отношений постоянно видоизменялась с момента образования КНР в 1949 году. Двусторонние отношения прошли путь от тотальной конфликтной стадии вплоть до враждебности до конструктивного сотрудничества, и так по цикличной оси.

Первый виток конфликтного противостояния зародился во времена гражданской войны в Китае, так как изначально власти США активно поддерживали сторону Чан Кайши. Где в основе лежали ценности построения демократического Китая. В силу неприязни и опасения коммунистического режима Америка поддерживала демократов [105]. Однако после победы оппозиции

внешнеполитический курс США взял направление на сдерживание коммунистической экспансии.

После победы коммунистов в гражданской войне 1 октября 1949 года и образовании Китайской Народной Республики во главе с Китайской Национальной партией председателем ЦК КПК Мао Цзэдун был ориентирован на тесное сотрудничество с СССР, именно поэтому Штаты взяли активный курс на политику сдерживания, где Китай рассматривался ярким противником государства. В последствии данные утверждения уже были видны на практике во время столкновения двух государств во времена Корейской войны (1950- 1953 гг.) и период конфликтов в Тайваньском проливе (1954-1955 гг. и 1958 г.).

Данные события стали точкой начала сотрудничества США с Тайванем, как было сказано ранее, для сдерживания и методов давления Китая. Вскоре уже 1954 года 2 декабря между США и Тайванем был заключен Договор о взаимной обороне, в котором два государства обязывались помогать друг другу с целью противостояния вооруженному нападению и коммунистической подрывной деятельности, направленной извне против их территориальной целостности и политической стабильности [106].

Следующий виток изменения двусторонних отношений в лучшую сторону наблюдается в одновременном ухудшении двусторонних отношений уже между СССР и КНР в конце 60-х годовов двадцатого века, что несомненно оказывает существенное влияние на внешнюю политику двух государств в отношении друг друга, а также в силу ухода Чан Кайши с материкового Китая.

В это время 28 февраля 1972 года было заключено “Шанхайское коммюнике”, что предопределило нормализацию отношений Китая и США. Главный смысл “Шанхайского Коммюнике” заключался в признании необходимости нормализация двусторонних отношений между США и КНР на основе уважения интересов обеих сторон. Этот документ стал точкой отсчета для изменения позиции США по вопросу Тайваня и установления дипломатических отношений с КНР. Согласно позиции США, все китайцы считают, что существует только один Китай, а Тайвань является его частью. США также вывели свои вооруженные силы с острова в соответствии с этим заявлением.

Отметим также, что в коммюнике подчеркивалось нежелание сторон

допустить доминирования в регионе какой-либо державы. Это вызвало интерпретации о возможном усилении позиций СССР в Юго-Восточной Азии, особенно в контексте поддержки Вьетнама в противостоянии с американской агрессией. Подписание документа также намекало на перспективу сотрудничества между США и КНР в противостоянии с СССР [107].

16 декабря 1978 года было заключено второе коммюнике уже об установлении дипломатических отношений между США и КНР [108]. В документе говорится, что Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки договорились признать друг друга и установить дипломатические отношения с 1 января 1979 года. Соединенные Штаты Америки признают правительство Китайской Народной Республики в качестве единственного законного правительства Китая. Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки подтверждают принципы, согласованные обеими сторонами в Шанхайском коммюнике:

- Соединенные Штаты Америки прекращают действие договора с Тайванем о взаимной обороне от 1954 года

- Соединенные Штаты Америки прекращают продавать оружие Тайваню и выводят свои войска с данной территории

- Ни США ни КНР не должны стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе или в любом другом регионе мира, и каждый из них выступает против усилий любой другой страны или группы стран по установлению такой гегемонии.

- Ни один из них не готов к переговорам от имени какой-либо третьей стороны или к заключению соглашений или договоров с другими государствами, направленных на другие государства.

- Правительство Соединенных Штатов Америки признает позицию Китая о том, что есть только один Китай, а Тайвань является частью Китая [109].

Благодаря этим шагам к нормализации двусторонних отношений, в 1982 году 17 августа было заключено третье, наиболее важное коммюнике между США и КНР, так как именно в данном коммюнике США окончательно признали коммунистическое правительство Китая как единственную и законную власть на материке [110].

В данном коммюнике США должны были безоговорочно перейти в окончательной поставке вооружений Тайваню:

1. США должна постепенно сокращать объём поставки вооружений Тайваню.
2. Продаваемое США оружие Тайваню как по качеству, так и по количеству не будет превышать качество и уровень оружия, предоставленного в последние годы после установления дипломатических отношений между КНР и Америкой.

В апреле 1979 года США приняли закон “ О взаимоотношениях с Тайванем”, хоть юридически уже официально поддерживали и признали один материковый Китай [111]. Данный закон регламентировал неофициальные культурные, экономические и военно-политические связи между США и Китайской Республикой где центральное звено - продажа оружия, а также обязывал Штаты оказывать помощь Тайваню, если возникнет угроза безопасности против Тайбэя. На основе закона следует вывод о том, что КНР все равно остается в качестве потенциального агрессора в регионе. Стоит отметить важную деталь, что в законе не было конкретных указаний о том, как реагировать на вариации возможных ситуаций в Тайваньском проливе. Именно поэтому, обязательство защищать Тайвань дает США большой спектр действий в рамках возможного конфликта. Несмотря на то, что прошли десятилетия, данный закон имеет и на сегодняшний день юридическую силу, он препятствует эффективному развитию и сотрудничеству между государствами.

Все вышеперечисленные документы являются предметом для толкования китайской политики, являются базой в двусторонних отношениях, на которых строятся взаимная кооперация и со стороны США и со стороны Китая. При этом с приходом новых президентов в США у каждого из них доктринальные основы, также внешнеполитический курс в отношении КНР разные, о чем нам говорит внешнеполитический курс Дж. Буша-младшего, Барака Обамы, и Дональда Трампа.

2.2. Доктринальные основы отношений США и КНР во время президентствования Дональда Трампа

Внешнеполитический курс в отношении КНР, как упоминалось ранее, с момента образования КНР 1949 года трансформировался: от враждебности до совместной кооперации. Однако последние на этапе современности перешли в стадию соперничества. Данная линия трансформации курса в АТР стала образовываться во времена президентствования демократа Барака Обамы, которая

уже при следующем президенте-республиканце Дональде Трампе форма соперничества стала явной [112].

Дональд Трамп не поддерживал внешнюю политику Барака Обамы в китайском направлении, который был ориентирован на интеграцию Пекина в либеральный мировой порядок во главе с США. Более того, что большинство экономических проблем США возникли из-за Китая, который стал причиной потери мирового лидерства Штатов.

Из этого следует, что США будучи во главе с президентом Дональдом Трампом не будет придерживаться такой линии внешней политики в отношении Китая, так как данное положение дел стало угрозой национальным интересам Соединенных Штатов Америки из-за его экономического, военно-политического подъема. В сравнении с 44-м президентом Соединенных Штатов Америки в 2017 году Дональд Трамп со своей администрацией разработал новую Стратегию национальной безопасности, которая отражает его подход в духе соперничества за лидерство «Это соперничество требует переосмысления Соединенными Штатами политики последних двух десяти- летий – политики, основанной на предположении, что взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и мировую торговлю превратит их в благожелательных акторов и надежных партнеров. По большей части это предположение оказалось ложным» [113]. В этой стратегии Китай представляется США как последователь ревизионизма, где США по их представлению должны быть пересмотрены как лидирующая держава на международной арене, выступают против гегемонии Штатов.

В результате намеченного курса были одобрены следующие документы, которые содержат в себе доктринальные основы политики Дональда Трампа: Стратегия национальной безопасности (2017 г.) [114], Стратегия национальной обороны (2018 г.) [115], Индо-Тихоокеанская стратегия (2019 г.) [116], Стратегический подход США к КНР (2020 г.) [117], Обзор ядерной политики (2018г.) [118], а также Элементы китайского вызова (2020 г.) [119].

Данные документы отражают полностью новый подход Дональда Трампа с пересмотром внешней политики в отношении КНР, ведь подход, которого придерживались ранее-политики вовлечения, не принес ожидаемых результатов, а наоборот ухудшил положение Штатов.

Например, из документа Стратегии национальной безопасности 2017 следует, что США рассматривают КНР как главного соперника, который создает угрозы свободного передвижения товаров и услуг в регионе, суверенитету других государств, в том числе и США. “Инвестиции Китая в инфраструктуру и торговые стратегии укрепляют его геополитические устремления. Усилия Китая по созданию и милитаризации форпостов на юге Китайское море ставит под угрозу свободный поток торговли, угрожает суверенитету других стран подрывает стабильность в регионе. Китай развернул кампанию по быстрой военной модернизации, направленную на ограничение доступа США в регион и предоставление Китаю большей свободы действий. Китай позиционирует свои амбиции как взаимовыгодные, но китайское доминирование рискует ослабить суверенитет многих государств в Индо-Тихоокеанском регионе. Государства всего региона призывают к устойчивому лидерству США в рамках коллективного ответа, который поддерживает региональный порядок, основанный на уважении суверенитета и независимости” [120].

Чтобы ответить на вызов Пекина, администрация приняла конкурентный подход к КНР, основанный на трезвой оценке намерений и действий КПК, переоценке многих стратегических преимуществ и недостатков Соединенных Штатов и терпимости к усилению двусторонних трений. Американский конкурентный подход к КНР преследует две цели: во-первых, повысить устойчивость наших институтов, альянсов и партнерств, чтобы противостоять вызовам, которые представляет КНР; и, во-вторых, заставить Пекин прекратить или сократить действия, наносящие ущерб жизненно важным национальным интересам Соединенных Штатов, а также союзников и партнеров по НАТО. Даже конкурируя с КНР, США приветствует сотрудничество, в котором их интересы совпадают. Конкуренция не обязательно должна приводить к конфронтации или конфликту [121].

США действуют в рамках реализма, признавая принцип стратегической конкуренции между двумя государствами с целью защитить свои национальные интересы.

При администрации Дональда Трампа идет переосмысление подхода к КНР, который представляет угрозу не только внешним, но уже и внутренним ее интересам [122]. Именно это причина стала осмыслением Китая как державы-ревизиониста, которая представляет угрозу уже национальным интересам Америки: обеспечении

защиты интересов народа америки, отечества и образа жизни граждан США; содействие процветанию страны; поддержание мира с применением силы; увеличение и укрепление влияния Соединенных Штатов. Все эти интересы ставит под угрозу КНР [123].

Сообщество единой судьбы человечества, инициатива пояса и пути, направлена на выстраивание новой Азии, где КНР стоит в лидирующей позиции через влияние на соседние страны. Она предполагает конструкт, где произойдет консолидация континента не извне, а изнутри. Не от периферии к центру, а от центра к периферии. Китайская концепция предполагает, что в роли основного «каркаса» континента должна выступить не внешняя граница, а целая система дополняющих друг друга транспортно-логистических коридоров. Именно они смогли бы стянуть в единое целое неоднородное евразийское пространство. Примером тому служит такой проект, как Инициатива пояса и пути, являющаяся наиболее масштабным и фундаментальным вызовом по сравнению с концепцией «Рах Americana». Китайский подход, как общая философия евразийского развития, получил свое начало в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК, когда была предложена Си Цзиньпином [124]. Политический лидер Китая придавал своей инициативе, прежде всего, универсальное значение как глобальной идеи, которая распространяется на все международные отношения. Со стороны США Дональд Трамп в этом видит крайне опасную угрозу открытому миропорядку, который был построен Штатам еще после Второй Мировой войны.

Следовательно, вышеперечисленные взгляды нового президента Дональда Трампа стали частью нереализованного Обамой, но реализованным Трампом сопернического подхода в построении внешнеполитической стратегии с КНР.

Такой подход стал также следствием, по мнению администрации 45 президента США, не выполнения определенных обязательств двусторонних договоров США и КНР в области международной безопасности, включая торговлю и инвестиции; свободу выражения мнений и убеждений; политическое вмешательство; свободу навигации и полетов; кибер- и другие виды шпионажа и краж; распространение оружия; охрану окружающей среды; и глобальное здравоохранение [125].

СНБ требует, чтобы Соединенные Штаты “переосмыслили политику последних двух десятилетий – политику, основанную на предположении, что

взаимодействие с конкурентами и их включение в международные институты и глобальную торговлю превратит их в доброжелательных участников и надежных партнеров. По большей части, это предположение оказалось ложным. Конкурирующие субъекты используют пропаганду и другие средства, чтобы попытаться дискредитировать демократию. Они пропагандируют антизападные взгляды и распространяют ложную информацию, чтобы посеять разногласия между нами, нашими союзниками и партнерами.”

При этом Соединенные Штаты приветствуют сотрудничество с Китаем в целях расширения и достижения общих целей на благо мира, стабильности и процветания во всем мире. Соответственно данный подход не исключает КНР. Соединенные Штаты готовы приветствовать позитивный вклад Китая.

Как следует из вышеприведенных принципов подхода, конкуренция обязательно включает в себя взаимодействие с КНР, но взаимодействие носит избирательный характер и ориентировано на результат, и каждое из них продвигает национальные интересы. США намерена сотрудничать с КНР в проведении переговоров и выполнении обязательств по обеспечению справедливости и взаимности; разъясняем намерения Пекина, чтобы избежать недоразумений; и разрешаем споры, чтобы предотвратить эскалацию. Соединенные Штаты привержены поддержанию открытых каналов связи с КНР для снижения рисков и урегулирования кризисов [126].

Иначе говоря, подход соперничества Трампа не исключает сотрудничества, хотя крайне избирательного.

Третьей по счету доктринальной основой подхода Дональда Трампа является стремление обеспечить согласованный подход между США, их союзниками, международными организациями и внутренними структурами в реализации внешнеполитической стратегии в китайском направлении в связи с необходимостью усилить национальную безопасность, защитить общие интересы союзников и ценности демократии, а также поддержать международные нормы, нарушению которых подвергается Китаем. На внутреннем фронте ключевым партнером США - это Конгресс Соединенных Штатов Америки, предоставляющий правительству необходимые легальные и финансовые средства для достижения данных целей. Дональд Трамп достиг своей цели - добиться полного взаимопонимания с Конгрессом

США в разработке и принятии решений относительно политики по отношению к КНР [127].

При администрации Дональда Трампа, как известно, Азиатско-Тихоокеанский регион был переформатирован в Индо-Тихоокеанский. Концепция новой структуры «Индо-Тихоокеанский регион» реализуется Соединенными Штатами в двух направлениях: по линии создания многосторонних форматов внешнеполитического сотрудничества, включая военно-политический, а также по линии укрепления многоаспектных двусторонних отношений со странами региона. В первом направлении стратегия осуществится в рамках консультативного механизма «Quad», объединяющий четыре государства (США, Япония, Австралия и Индия). Вектор стратегического проектирования новой Евразии США в конструкции СОИТР направлен на военно-политическое сдерживание геостратегических устремлений Пекина. Более того, США активизируют свое сотрудничество с Вьетнамом, Малайзией, Тайландом, Филиппинами, Индонезией с целью укрепления партнерства между государствами, а также с Южной Кореей [128].

Следующий пункт в доктринальной основе – компоненты в экономической и военной сферах. Именно, экономическая политика КНР вызвала резкое неприятие со стороны администрации Трампа по причине того, что экономика стала инструментом давления на другие страны, в том числе и США, то есть забрать себе место глобального лидера. В данный пункт стоит отнести не выполнение обязательств со стороны Китая во время проведения экономических реформ, а именно нарушение правил Всемирной Торговой Организации, применяя меры протекционизма, что причиняет вред трудящемуся и фирмам США. Неудовлетворительная работа Пекина по выполнению обязательств по проведению экономических реформ и широкое использование им государственной протекционистской политики и практик наносят ущерб компаниям и работникам Соединенных Штатов, деформируют мировые рынки, нарушают международные нормы и загрязняют окружающую среду. Когда КНР вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году, Пекин согласился принять подход ВТО, ориентированный на открытый рынок, и внедрить эти принципы в свою торговую систему и институты. Члены ВТО ожидали, что Китай продолжит свой путь экономических реформ и перейдет к рыночной экономике и торговому режиму. Эти надежды не оправдались. Пекин не усвоил нормы и практику торговли и инвестиций, основанных на конкуренции, и вместо этого воспользовался преимуществами членства в ВТО, чтобы стать крупнейшим в мире экспортером,

систематически защищая свои внутренние рынки. Экономическая политика Пекина привела к массовому переизбытку промышленных мощностей, что искажает мировые цены и позволяет Китаю расширять долю мирового рынка за счет конкурентов, действующих без несправедливых преимуществ, которые Пекин предоставляет своим фирмам. КНР сохраняет свою нерыночную структуру экономики и управляемый государством меркантилистский подход к торговле и инвестициям [129].

Торговый представитель Соединенных Штатов (USTR) определил, что многочисленные действия, политика и практика правительства КНР были необоснованными или дискриминационными и обременяющими или ограничивающими торговлю Соединенных Штатов [130]. На основе тщательного расследования USTR установило, что КНР:

1. Требует от компаний Соединенных Штатов или оказывает на них давление, чтобы они передавали свои технологии китайским организациям;

2. Накладывает существенные ограничения на способность американских компаний лицензировать свои технологии на рыночных условиях. Опираясь на подсчеты USTR, промышленный шпионаж, а также кража американских технологий со стороны Китая ежегодно обходятся американской экономике в 600 миллиардов долларов США, что практически равняется с годовым бюджетом Пентагона [131].

3. Направляет и нечестным образом содействует приобретению американских компаний и активов отечественными фирмами с целью получения передовых технологий;

4. Осуществляет и поддерживает несанкционированные кибератаки в сети американских компаний с целью доступ к конфиденциальной информации и коммерческим тайнам.

Администрация Трампа серьезно подошла к анализу китайской инициативы “Один пояс Один путь”, который по их мнению, является обобщающим термином Пекина для описания различных инициатив, многие из которых, по-видимому, направлены на изменение международных норм, стандартов и сетей в целях продвижения глобальных интересов и видения Пекина, а также удовлетворения внутренних экономических потребностей Китая. КНР расширяет использование китайских промышленных стандартов в ключевых технологических секторах в

рамках усилий по укреплению позиций своих собственных компаний на мировом рынке за счет не китайских фирм. Проекты, которые Пекин обозначил как ОВОР, включают в себя: транспорт, информационно-коммуникационные технологии и энергетическую инфраструктуру; промышленные парки; сотрудничество со СМИ; науку и обмен технологиями; программы в области культуры и религии; и даже военное сотрудничество и сотрудничество в области безопасности. Пекин также стремится урегулировать коммерческие споры, связанные с ОПОП, через свои собственные специализированные суды, которые подчиняются КПК. Соединенные Штаты приветствуют вклад Китая в устойчивое, высококачественное развитие, соответствующее лучшим международным практикам, но проекты ОПОП часто выходят за рамки этих стандартов и характеризуются низким качеством, коррупцией, ухудшением состояния окружающей среды, отсутствием государственного контроля или участия общественности, непрозрачными кредитами и контрактами, которые создают или усугубляют проблемы. проблемы управления и налогообложения в принимающих странах. Таким образом, администрация Трампа делает вывод о том, что данная инициатива инструмент манипулирования другими странами и-за долговой поруки, которую они образуют “засасывая” их в данную “перспективу”, при этом достигая свои политические глобальные цели на международной арене [132].

Таким образом, как считает администрация Трампа, данная экономическая политика КНР стала причиной торгового дефицита между КНР и США, который составил -335,4 миллиардов долларов США [133].

Ответные меры на данный подход со стороны Китая в области экономики были предприняты руководством 45 президента США, для восстановления равновесия двусторонних экономических отношений с целью защиты внутреннего, рабочего рынка страны и интересов партнеров США, без стимулирования экспорта. На самом деле американские власти не всегда следовали этому подходу в своей экономической политике по отношению к КНР.

Одновременно в фокусе администрации Трампа была в приоритете не только экономическая политика Китая, а также военно-политическая, так как Китай нацелен на тотальное реформирование НОАК с целью уничтожить отставание от западных держав и нарастить равный им военный потенциал. Данное заявление аргументируется огромными инвестициями КНР в модернизацию НОАК. в-2017-г.-рас-хо-ды- на- обо-ро-ну- были- уве-ли-че-ны- при-мер-но- на- 7,6%- (око-ло- 146-

млрд- долл.-). Основными направлениями расходов на оборону являются:

- 1)- инвестиции в военное оборудование и снаряжение;
- 2)- улучшение качества боевой подготовки;
- 3)-поддержка реформы кадрового состава - НОАК; -

4)социальное обеспечение солдат и офицеров НОАК [134]. Согласно докладу правительства КНР расходы на оборону в 2018- г.- увеличились на 8,1%- и превысили 1,11 трлн юаней (около 175 млрд долл.-). В 2019 году расходы на оборону выросли на 7,5 процента и составили 1,19 трлн юаней (188 млрд долл.-). В 2020-м военные расходы Пекина увеличились на 6,6 процента до 1,27 трлн юаней (около 178,8 млрд долл.-), а в 2021-м – на 6,8 процента до 1,36 трлн юаней (около 209 млрд долл.-)[135].

В данных документах (Стратегии национальной безопасности (2017 г.), Стратегии национальной обороны (2018 г.), Обзоре ядерной политики (2018 г.), Индо-Тихоокеанской стратегии (2019) трактуется, что модернизация КНР и усиление ее военной мощи также угрожает интересам США, в связи с чем США нацелены на кооперацию с КНР в военной сфере в долгосрочной перспективе посредством реформирования Вооружённых сил США, создания военных союзов с давними партнёрами Америки в Индо-Тихоокеанском регионе в целях сдерживания КНР. В Стратегии национальной обороны 2018 года, 2019 года , а также в Обзоре ядерной политики 2018 года содержатся главные цели США на сдерживание КНР:

Во-первых, образование военных союзов в Индо-Тихоокеанском регионе с давними партнерами в рамках нового оперативного подхода посредством модернизированных и усовершенствованных технологий, продажи оружия своим партнерам и союзникам, чтобы создать боеспособный альянс с партнерами дабы предотвратить потенциальную агрессию Китая.

Во-вторых, улучшение nuclear triad, а именно стратегической авиации, межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных ракет-носителей.

В-третьих, разработка ракетного оружия с гиперзвуковой скоростью.

В-четвертых, рост вложений в сферу кибербезопасности и космоса.

В-пятых, стимулирование одного из принципов международного правосвободного судоходства в регионе, особенно в Южно-Китайском море.

В-шестых, углубление кооперации с Тайбеем из-за усиления военной мощи КНР на границе.

Наконец, завершающий пункт в доктринальной основе Дональда Трампа лежит в плоскости Индо-Тихоокеанского региона, в котором Китай расширяет свое влияние за счет активной милитаризации региона, инициативы “Один пояс Один путь”, которая не только распространяется на регионе, но и на Африканский континент, к тому же за счет поставки вооружении и на Ближний Восток, укрепления своего влияния в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также распротсраняя свое влияние и на страны Южной Америки посредством предоставления кредитов нуждающимся государствам, и покупки долей в нефтяных, горнодобывающих и энергетических компаниях региона, поставок телекоммуникационного оборудования, которое собирает конфиденциальные данные граждан [136].

Подвод итог, можно сделать вывод, что админинстрация Дональда Трампа была сфокусирована на принципе сдерживания Китая, а не вовлечении как было при его предшественнике, при этом не исключая сотрудничества. При этом глобальные цели Китайского руководства бросили вызов и угрозу национальным интересам и лидерской позиции США на системе мирового порядка, последствия которых нельзя допустить. На основе этих принципах строился новый внешнеполитический курс Дональда Трампа. Был сделан тотальный пересмотр прежней доктринальной основы и уже в будущем построен план на стратегическое соперничество с КНР с элементами избирательного сотрудничества. Все эти некие постулаты были заложены в основополагающем документах США, а именно в Стратегии национальной безопасности 2017 г., где КНР рассматривается в качестве ревизионистской державы, которая угрожает росту и безопасности Соединенным Штатам Америки [137]. Далее уже Стратегии национальной обороны 2018 года и Обзоре ядерной политики 2018 года Китай рассматривается в качестве стратегического соперника, реализующий свой экономический, военный и ядерный потенциал, проводя реформирование в военной сфере для того, чтобы вытеснить главного гегемона ИТР-США в недалеком будущем [138].

Далее от 2019 года в Индо-Тихоокеанской стратегии содержится план реализации обеспечения национальной безопасности Америки с помощью сопернического подхода, где авторитаризм и свободна главные составляющие миропорядка [139].

Стратегический подход США к Китайской Народной Республике (2020 г.) и «Элементы китайского вызова» (2020 г.) отражают решение пересмотра прежней доктринальной основы 44 президента США в проведении внешнеполитического курса на китайском направлении, базисом которого является долгосрочное соперничество в сфере политики, торговли, технологий, военной, и культуры [140;141].

Более того, администрация Трампа стала трактовать успехи Китая как провалы США. По мнению команды Дональда Трампа, у Китая есть глобальный план на переустройство миропорядка, который они планируют реализовать в будущем, именно поэтому США необходимо реализовать следующее:

1. Упрочение миропорядка, в основе которых лежат принципы свободы и открытости
2. Пересмотр и смена курса экономической политики в отношении КНР из-за его всяческих нарушений и несоблюдений обязательств, при этом уничтожить дефицит в торговли между ними, основываясь на принципах управляемой двусторонней торговли.
3. Рост способности маневрировать войсками и технологиями Вооружённых сил Соединенных Штатов Америки.
4. Ориентир на политику партнерства и союзничества в военной области
5. Пересмотр участия США в международных организациях и альянсах для наиболее эффективного продвижения американского влияния
6. Сдерживание Китая посредством продвижения американских ценностей внутри него самого и среди его союзников.

Таким образом, при Дональде Трампе доктринальная основа во внешнеполитическом курсе в отношении КНР , сопернический характер в его соотношении с сотрудничеством гораздо выше, более того усиливается, что будет

продемонстрировано далее в его практическом воплощении в двух рассмотренных сферах- экономической и военно-политической.

Глава 3. Внешнеполитический курс США в отношении КНР во время президентствования Дональда Трампа

3.1 Основные тренды экономической политики США в отношении КНР

Понимая опасность растущей мощи Китая в экономической, научно-технологической, военной и промышленной сферах, США формируют определенные тренды, которые помогут не только сдерживать КНР, но и побороть проблему торгового дефицита.

В свой круг администрации экономического сектора Дональд Трамп избирательно подходил к выбору на посты: директора Национального торгового совета, в последствии ставший им Питер Навваро; торгового представителя, занявший пост Роббертом Лайхазером. Данные личности были избраны исходя из их

антикитайских взглядах, которые делали акцент на следующих проблемах: проблема кражи авторских прав и интеллектуальной собственности, проблема манипуляции курса национальной китайской валюты, проблема научно-технологического шпионажа. Также проблема экспорта Китаем товаров предельно низкого качества, несущих опасность здоровью человека; необходимость выхода США из экономических альянсов и организаций, которые не несут выгоду и пользу для страны; усиленного роста конкуренции между торговыми компаниями стран из-за неконтролируемых экспортных субсидий КНР.

Дональд Трамп сразу после инаугурации на пост президента начал проводить политику протекционизма, провозглашенной в Стратегии национальной безопасности США 2017 года, с целью защиты американских интересов в экономике, а также тех союзов и соглашений, которые несут финансовые убытки для США [142].

Так, первым делом в данной кампании Трампа стал пересмотр Транстихоокеанского партнерства и далее выход США из соглашения. В конечном счете, выход из ТТП означал отказ от преимуществ доминирования в рамках многосторонних систем межгосударственного взаимодействия. Дональд Трамп хотел выстроить такую систему взаимодействия, которая позволила бы противостоять Пекину без использования многосторонних систем, но с помощью методов прессинга. США упустили из виду, что именно многосторонние экономические соглашения обеспечивают наибольший контроль над транснациональными цепочками добавленной стоимости. Последующие действия администрации Трампа в сторону двусторонних соглашений, не учитывая важность многосторонних экономических договоров, открыли дорогу для усиления китайского влияния через инициативы, такие как Региональное экономическое партнерство и "Один пояс, один путь". Лидерство, поддержание которого было ключевой задачей администрации Обамы, сменилось на более гибкую стратегию партнерства. Переговоры с Китаем после первой личной в апреле 2017 года встречи руководителей двух стран принесли неоднозначные результаты. Дональд Трамп проявил стремление к установлению партнерских отношений, однако его решение нанести ракетный удар по сирийской авиабазе Эш-Шайрат еще во время своего обеда с лидером КНР подтвердило жесткое руководство во внешней политике, что являлось дипломатической особенностью Трампа. Отношения между Си Цзиньпином и Дональдом Трампом имеют свои особенности в контексте культурного и этикетного восприятия. Однако такое поведение наложило негативный отпечаток на взаимоотношения президентов.

И если в американской культуре это считается как особенностью, то со стороны китайского менталитета данный жест считается грубостью. Последующие переговоры подтвердили намерение президента США пересмотреть отношения с Китаем после проведенных переговоров американской делегации и китайской во главе с Ли Кэцаном, премьером Госсовета КНР, согласно докладу Герберту Макмастеру-советнику президента по национальной безопасности [143].

Основная цель - улучшение отношений с государствами-партнерами в экономике в соответствии с нормами торгового права США. Президент Трамп акцентирует, что не собирается допускать использование несправедливых торговых практик другими государствами и намерен применять нормы американского законодательства для пресечения такого поведения, включая введение санкций против нарушителей. Этот тренд привел к разразившейся в 2018 году торговой войне между США и КНР, начавшейся с введения 30% импортных пошлин на солнечные батареи из КНР, который будет длиться на протяжении 4-х лет, а далее постепенно снижаться с 5% до 15%. А также ввелись импортные пошлины на стиральные машины из Китая, который составил порядка 20% на первую партию ввоза, а это 1,2 миллионов стиральных машин, а на следующую партию еще ужесточится процент доходя до отметки 50%, который также будет длиться на протяжении 3-х лет и далее постепенно упадет до отметки 16% в отношении первой партии, и поднимется до отметки 40% в отношении последующих партий поставок [144]. США применяли как политическое, так и экономическое, и даже технологическое давление против Китая. С этого момента начинается серия введения властями США и КНР импортных пошлин на различные товары с последующим повышением процента тарифа на ввоз импортной продукции. Так, если в апреле 2018 года США опубликовал список товаров, на которые распространялись пошлины с процентной ставкой, доходящей с 2018 от 10% и в 2019 году дошла до отметки 25%, где суммарный объем импорта из КНР в Штаты доходил до 50 млрд долл. с целью защитить американские компании, то уже сентябре этого года суммарный объем по итогам введения импортных пошлин достиг 200 миллиардов долларов США, а в 2019 достигла уже 250 млрд долл. В результате данных действий, проведенных президентом США, КНР в свою очередь расценило объявлением ему торговой войны [145]. Ответные меры Китая не заставили себя ждать после повышения первых импортных пошлин США. В апреле 2018 года ввел дополнительные пошлины на импортную американскую мясную и алюминиевую продукцию с 25 процентной ставкой, обложение фруктов, ягод и орехи составил 15%

тариф. В общей сложности суммарный импорт данных товаров в Китай ранее, в 2017 году, составлял около 3-х млрд долл. А в августе были введены дополнительные пошлины на импортный товар из США властями Китая с 25% ставкой в общей сумме на 16 млрд долл. [146].

Гонка введения процентных ставок пошлин на импортные товары “кто больше” продолжалась и приобретала еще более серьезный характер. В августе 2018 года в список экспортного контроля Министерство торговли США включили 44 компании КНР в связи с “наибольшим риском” подверженности угрозам национальной безопасности Штатов.

Наконец, список товаров, облагающихся импортными пошлинами с проценткой ставкой 25% расширился до включения 279 позиций китайской продукции на сумму 16 млрд долл. В ответ, КНР незамедлительно, в этот же день, 23 августа, подал иск в ВТО.

В 2019 году, когда пик роста импортных пошлин на товары из Китая достигли практически 200 млрд долл., президент США выразил готовность вывести производителей США из Китая. Контратака КНР была предпринята путем очередного повышения процента на импортные товары в общей сложности на сумму 60 миллиардов долларов США, которые распространялись уже не только на мясную, фруктовую продукцию, но и на масло, кофе и чай, а также на потребительские товары бытового использования [147].

Так, 2 сентября 2019 года КНР подал третий иск в ВТО в отношении США, так как рост импортных пошлин достиг 300 млрд долл. Всемирная торговая организация, приняв иск, заявила о праве Китая наложить компенсационные санкции на импортные товары США на сумму 3,6 млрд долл. за его несоблюдение антидемпинговых правил [148].

Санкционные меры тесно связаны с обвинениями КНР в несоблюдении прав и свобод человека, которые усердно отслеживаются властями США с целью их соблюдения Китаем, которые неоднократно наносили ущерб китайским гражданам. В данном случае подразумеваются этническая группа в Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая, исповедующих ислам. Так, продолжая санкционную гонку, в 2019 году США ввели очередные санкции против 28 компаний на предмет нарушения свобод и прав уйгуров на территории Китая. Санкции распространялись

на экспортные и реэкспортные товары из Китая в США, а также на отказ в получении лицензии на поставку товаров.

Более того, в мае 2020 года были введены Министерством торговли США аналогичные санкции, но уже и распространялись на правительственные организации Китая. Данная группа санкций была также создана в силу обвинения КНР в нарушении свобод и прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также в силу угрозы национальной безопасности и внешнеполитическим интересам Штатов [149]. А 17 июня 2020 года администрация США издала закон о санкциях в силу нарушения прав и свобод этнической группы-уйгуров. Кратко говоря, закон гласил о заморозки финансовых активов и возможного ограничения на въезд в США, в случае обвинения к причастности в нарушение данного закона [150]. Ответные меры Китая не заставили себя долго ждать. В следующем месяце после объявления Трампа о подписании вышеупомянутого закона, КНР в отношении некоторых официальных лиц США, ввел аналогичные санкции [151].

Торговая война между государствами понесла за собой огромный ущерб: в 2019 году межгосударственный товарооборот составил 541,22 млрд долл., но в 2018 году данный показатель был на 14,6 % выше, согласно докладу Главного таможенного управления Китая; показатель экспорта из Китая в США снизился на 12,5% и составил 418,5 млрд долл., а ввоз американских товаров в Китай составил 122,7 млрд долл., что по сравнению с предыдущим годом на 20,9% ниже. Существенным ущербом для экономики США являлось падение показателя ВВП (6,6% ВВП в 2018 году и 6,3% ВВП в 2019 году). Более того, торговая война сказалась негативно и на обычных гражданах США из-за роста цен на потребительские товары [152]. Более 831 долл. ежегодно приходилось выплачивать американским семьям за данные пошлины [153]. 26 ноября 2019 года Министерство торговли США опубликовало уведомление, внедряющее новую процедуру обнаружения, оценки и рассмотрения операций, представляющих риск для национальной безопасности, телекоммуникационных сетей и цепочек поставок услуг. Данная процедура дает правительству США возможность ограничивать американские компании по импорту и использованию иностранных технологий внутри своей инфраструктуры цепочек поставок. Хотя в документе нет упоминания о компаниях "Huawei" или "ZTE", он направлен в первую очередь на эти две китайские компании, которые были внесены в "черный список" организаций в мае и признаны угрозой национальной безопасности США единогласно 22 ноября [154].

В связи с данными последствиями возникла угроза ostrанения от должности президента Дональда Трампа от должности. Осознавая абсурдность ситуации, которая ведет исключительно в тупик, в октябре 2019 года стороны пришли к частичному соглашению в сфере торговли. Благодаря соглашению США пошел на постепенного снижение импортных пошлин, а Китай выразил согласие приобрести сельхозпродукцию на американском рынке нке в общей сложности на сумму 200 млрд долл. Так, 15 января 2020 года были предприняты меры в рамках урегулирования конфликта в торгово-экономической сфере, было подписано соглашение о первой фазе торговой сделки между Дональдом Трампом и вице-премьером Госсовета КНР Лю Хэ, в результате которого США исключили Китай из списка тех государств, которые ведут манипуляции торговой валюты. Например, согласно докладу Казначейства США, курс юаня упал по отношению к доллару США до самой низкой позиции за последние 11 лет [155]. Также соглашение предполагало обеспечение гарантии безопасности интеллектуальной собственности США, остановить передачу технологий под давлением властей, значительно увеличить американский сельскохозяйственный сектор, устранить преграды для американского финансового сектора, прекратить валютные манипуляции со стороны Китая, восстановить равновесие в американо-китайских торговых отношениях, эффективно урегулировать двусторонние споры в сфере торговли. Объем соглашения по торговле в 2020 году превысит 200 миллиардов долларов и будет увеличиваться каждый год [156].

Однако переговоры двух стороны в рамках соглашения стопорились из-за обвинения Дональдом Трампом КНР в создании и распространении коронавирусной инфекции COVID-19 [157]. Президент США также обвинил властей Китая в сокрытии подробной информации о возникшем заболевании, при этом стремление КНР на брьбу с пандемией Дональд Трамп расценил как один из способов занять лидерскую позицию на международной арене [158]. Негативным фактором дестабилизации двусторонних отношений в экономике также являлась предвыборная кампания в США на пост президента. Более того, президент США призвал Организацию Объединенных Наций привлечь к ответственности Китай [159]. Таким образом коронавирус COVID-19 стал катализатором еще больших экономических санкции в отношении и КНР и США, который ускорил тенденцию расхождения двух держав.

В 2019 году Соединенные Штаты предприняли важный шаг в сторону ослабления своих особых связей с Гонконгом, чтобы выразить свое недовольство Китаем за ограничение гражданских свобод в этом регионе. Гонконг, получивший значительную степень самостоятельности после перехода от британского правления к китайскому в 1997 году, сохраняет этот статус в течение пятидесяти лет. В Гонконге действуют собственные законы, политическая система, выдаются паспорта, используется отдельный язык. Регион обладает независимыми судебными органами, свободой прессы, имеет свою валюту, фондовую биржу, самостоятельную торговую политику и финансовый надзор. Благодаря этому, через Гонконг в Китай поступает около 60% всех иностранных прямых инвестиций и более 70% иностранного капитала.

В 2019 году США начали процесс изменения своего подхода к Гонконгу, чтобы наказать Китай за ограничение свобод в этой автономии. Гонконг, который получил значительную автономию после возврата Китаю в 1997 году, имеет собственные законы, политическую систему, паспорта, язык, независимые суды, свободу слова, валюту, биржу, торговую политику и финансовое регулирование [160].

Это делает Гонконг важным каналом для инвестиций и капитала в Китай. США ранее относились к Гонконгу как к отдельному субъекту в двусторонних отношениях, не применяя к нему торговые войны и запреты на передачу технологий. Однако в 2020 году Китай ввел новый закон о безопасности в Гонконге, который подрывает свободу слова и независимость судов. В ответ, США приняли закон о правах человека и демократии в Гонконге, предусматривающий возможность введения экономических санкций против Гонконга и лиц, ответственных за нарушения прав человека. Китай отреагировал на эти меры, введя санкции против США и ограничив визиты американских военных кораблей и самолетов в Гонконг. Более того, 30 июня 2020 году в Гонконге властями КНР был издан закон об обеспечении национальной безопасности. Введенный законодательный акт направлен на нейтрализацию рисков для суверенности, включая пресечение разжигания конфликтов, противодействие террористическим актам и недопущение вмешательства иностранных агентов в деятельность местных органов управления. Ответная мера США предусматривала преостановление поставок военного оружия , а также принял запрет на поставку оборонных товаров и высокотехнологичных продуктов в Гонконг. Впоследствии, Конгресс США утвердил законодательный акт,

разрешающий применение санкций к китайским должностным лицам, связанным с нарушениями прав человека в данной автономии, а также к банкам, которые продолжают работать с этими чиновниками, несмотря на введенные санкции, как минимум в течение года [161].

В ответ на новый китайский закон о безопасности, США запретили экспорт оборонной продукции и высоких технологий в Гонконг, а также приняли закон о санкциях против китайских чиновников и банков, сотрудничающих с ними. КНР судил данные действия США «грубым вмешательством во внутренние дела государства» [162]. Санкционная борьба США и КНР не заканчивалась, распротсранялась на другие уровни взаимодействия: так в этом же году властями США были введены дополнительные санкции против чиновников Гонконга- 12 человек, а именно административных лиц Гонконга [163]. Китай принял зеркальные меры в отношении 11 чиновников США [164]. 19 августа 2019 года США приостановили налоговые льготы для гонконгских судоходных компаний. Правительство США также объявило о приостановке или прекращении трех двусторонних соглашений с Гонконгом, касающихся выдачи беглых преступников, передачи осужденных лиц и взаимных налоговых льгот на доходы от международной эксплуатации судов [165]. В 2020 году США также объявили о приостановке трех двусторонних соглашений с Гонконгом

В декабре 2020 года США заявили о планах наложить санкции на более чем 10 китайских чиновников в связи с решением властей КНР исключить четырех оппозиционных членов Законодательного совета Гонконга. Также США объявили о санкциях против 14 представителей Всекитайского собрания народных депутатов, основного законодательного органа страны, поскольку администрация Трампа стремится усилить давление на Пекин из-за его действий по подавлению свободы мнений в Гонконге.

Китай осудил эти санкции как «патологическую политическую провокацию», и представитель министерства иностранных дел Китая Хуа Чуньин пообещал, что страна предпримет «решительные контрмеры» [166].

10 декабря Китай объявил о введении ответных мер против американских официальных лиц и сотрудников неправительственных организаций за их вмешательство во внутренние дела КНР [167].

Введение санкционных мер властями США в отношении Китая обуславливалось также причиной кражи интеллектуальной собственности. Торговое представительство США в августе 2017 года провело расследование в отношении Китая по статье 301 Закона "О торговле" от 1974 года [168]. Целью расследования было изучение случаев дискриминации по отношению к американским компаниям, кражи интеллектуальной собственности и повышения тарифов. Результаты показали, что нарушения прав интеллектуальной собственности в Китае являются основным источником экономических потерь для США [169].

В 2018 году Национальный центр контрразведки и безопасности США назвал Китай государством, которое активно стремится к получению американских технологий, включая конфиденциальные коммерческие данные и служебную информацию. На основании этих выводов, администрация Трампа выдвинула угрозу национальной безопасности со стороны Китая [170].

В мае 2019 года президент США, ссылаясь на срочную необходимость обеспечения безопасности сетей связи, подписал специальный указ, разрешающий Министерству торговли США вносить в "черный список" и запрещать транзакции в технологическом секторе с участием враждебных иностранных государств. В результате указа, Huawei и связанные с ней компании были внесены в "черный список". Это означало, что американским компаниям запрещалось заключать сделки с Huawei без согласования с соответствующими органами США, в первую очередь с Министерством торговли США [171].

Важно отметить, что в США возникли опасения из-за программы "Сделано в Китае 2025", направленной на всестороннее замещение импорта, также продвижение товаров КНР на мировых рынках, обновление технологий, промышленности и науки. Вице-президент США Майк Пенс также считает, что эти цели китайской инициативы ставят под угрозу лидерство США в связующих областях [172].

Следующей особенностью экономической политики в отношении Китая при Дональде Трампе является обвинение властями США КНР в несоблюдении правил, норм и требования Всемирно Торговой Организации, которые отражаются в Отчете Торгового представительства США Конгрессу от 2019 года [173]. Основные положения обвинения заключаются в отсутствии экономики КНР рычагов рыночной системы. Как известно, Дональд Трамп является успешным предпринимателем,

знания и убеждения которого легли в основе выстраивания внешнеполитического курса на китайском направлении, особенно в сфере экономики. Считая себя приверженцем рейганомики, что означает курс экономической политики с преобладанием свободного частного предпринимательства над государственным, где вмешательство государства в экономическую систему сокращается до минимума, Трамп считал, что тогдашняя экономическая система КНР, даже после вступления во ВТО в 2001 году, является преимущественно командной, стимулируя государственные предприятия, нежели предприятия частной собственности, что противопоставляет его членству в организации. Также положения Отчета торгового представительства США, КНР обвиняются еще и в усиленном применении методов протекционизма, недостаточностью развития сфер услуг в стране, а также избыточностью производства предприятий тяжелой промышленности и притеснением американских компаний в Китае [174].

И, наконец, завершающим экономическим трендом в экономической политике администрации Трампа является усиленная критика китайского проекта «Один пояс-один путь» или 一帶一路. «Взаимный выигрыш» является главным лозунгом данного проекта. Он заключается в строительстве газоперерабатывающего завода и проекта сжиженного природного газа «Ямал СПГ», строительстве связывающих Северо-Восточные районы Китая и Дальнего Востока России трансграничного железно-дорожного моста и международных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Китайская инициатива «один пояс один путь» заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий. На основе продолжения и развития духа древнего Шёлкового пути «Один пояс и один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнерства, стимулированию экономического процветания вовлечённых стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию мира и устойчивого развития [175].

Вице-президент США М. Пенс в 2018 году назвал действия Китая по выделению китайских кредитов развивающимся странам в рамках проекта "Пояс и путь" методами "долговой дипломатии", указав на непрозрачные условия предоставления займов со стороны КНР [176].

Более того, критикующая позиция властями США в отношении проекта была выражена и в Отчете Торгового представительства США от 2019 года, в котором данный проект расценен как проект, нацеленный на изменение в свою пользу международных правил и стандартов с помощью построения транспортно-логистической инфраструктуры регионов, участвующих в проекте [177].

В противопоставление данному проекту США выстроил собственную инициативу, ставшая американской стратегией доминирования в АТР. Основная идея заключается в создании долгосрочной структуры региона по его внешнему контуру, через установление новых геостратегических связей с странами восточной и южной периферии Евразии, а также тихоокеанскими государствами. Главная цель данной глобальной политики - политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая, создание прочного "каркаса", который не даст Пекину занять доминирующие позиции на евразийском континенте в целом. Концепция "Индо-Тихоокеанского региона" США реализуется в двух направлениях: через создание многосторонних форматов внешнеполитического сотрудничества, включая военно-политический, и укрепление двусторонних отношений со странами региона. В первом направлении стратегия будет осуществлена через консультативный механизм "Quad", объединяющий четыре государства (США, Япония, Австралия и Индия). Несмотря на общее пренебрежение администрации Трампа к международным институтам и многосторонним форматам, добиваются определенных успехов. В целом, стратегическое проектирование новой Евразии США направлено на военно-политическое сдерживание геостратегических амбиций Пекина. Так, в июле 2018 года государственный секретарь Майкл Помпео распорядился о начале строительства данного проекта с общей суммой инвестиций государства 113 миллиардов долларов США (Китай инвестировал в проект "Один пояс- один путь" более 1 триллиона долларов США) [178]. Однако данной суммы было недостаточно, по оценкам Конгресса США, выразивший свое экспертное мнение в докладе Центра новой американской безопасности от 2020 года [179].

Подводя итог данной части, следует сделать вывод, что в период президентствования Дональда Трампа экономический внешнеполитический курс США координально не изменился в отношении КНР, так как проблемы в двусторонних отношениях сохранялись те же, однако в надежде справиться с ними Дональд Трамп использует отличные методы от Барака Обамы методы не только с целью решения данных проблем, но и с целью сохранением лидерских позиций

США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и системе глобальной. 45 президент США в отличие от своего предшественника используют более жесткие методы в отношении Китая. Если Барак Обама использовал тактику вовлечения и противостояния одновременно, то Дональд Трамп в результате анализа и недовольством проведения внешнеполитического курса США 44-ым президентом в отношении КНР прибегает к жестким мерам протекционизма, чтобы изменить китайскую торгово-экономическую политику: введение санкционных мер, тарифных и нетарифных ограничений на импортные товары, ограничение на инвестиции, которые привели к ответным мерам со стороны Китая и повлекли за собой торговую войну.

3.2 Подходы КНР и США в управлении киберпространством

За последние два десятилетия напряженность в отношениях между двумя державами также особенно возросла в сфере кибербезопасности. Согласно терминологии, введенной Организацией Объединенных Наций кибербезопасность представляет собой защиту информационных технологий от кражи данных, коррупции, повреждения или прерывания работы предоставляемых ими услуг. Инструменты кибербезопасности действуют в рамках киберпространства- виртуальная или условная среда электронных коммуникаций, поддерживаемая Интернетом, которая является наиболее популярным типом киберпространства. Соответственно преступления, совершаемые в киберпространстве именуются киберпреступлением, что в свою очередь, охватывает любое преступное деяние, связанное с компьютерами и сетями (например, взлом). Кроме того, киберпреступность также включает традиционные преступления, совершаемые через Интернет. Кибератака и соответствующие термины, такие как кибервойна, кибершпионаж и киберсаботаж, могут охватывать широкий спектр действий. Например, преступления на почве ненависти, телемаркетинг и интернет-мошенничество, кража личных данных и кражи со счетов кредитных карт считаются киберпреступлениями, когда незаконные действия совершаются с использованием компьютера и Интернета [180]. Практически невозможно отследить сложную кибератаку и своевременно приписать атаку определенному актору. Даже когда атака в конечном итоге прослеживается до определенного источника, опять же трудно опровергнуть, были ли эти компьютеры совершены другими субъектами или нет [181]. Эта анонимность и правдоподобное отрицание делают сдерживание непрактичным в киберпространстве. Чтобы сдерживание работало, необходимо знать, кто начал атаку, и поэтому атрибуция

является центральным элементом стратегии сдерживания [182]. Таким образом, в связи появлением сети Интернет, глобальной всемирной системы, которая объединяет миллионы компьютеров в единую информационную систему, информация в XXI веке стала наиважнейшим ресурсом в стратегии национальной безопасности каждого государства. Но вместе с тем увеличивается ее подверженность неблагоприятным факторам. В связи с этим, обеспечение информационной безопасности становится неотъемлемой частью общей системы обеспечения национальной безопасности.

Китай и США являются лидерами в области технологий и обладают значительными кибервозможностями. С первых дней информатизации китайское правительство с пониманием относилось к тому факту, что основная вычислительная платформа, используемая в Китае, принадлежит американской компании Microsoft. Эта чувствительность стала неотъемлемой частью китайского правительства и бизнеса и нашла сильное отражение в политике Китая, направленной на поддержку операционной системы Linux как шага на пути к отказу от Microsoft. Националистические соображения легли в основу политики поддержки, проводимой китайским правительством для внедрения Linux, а также экономической мотивации. В этом процессе китайские Linux-компании лидировали в распространении Linux при активной поддержке правительства. В конечном счете, однако, эксперименты с Linux в Китае оказались не такими плодотворными, как ожидалось [183].

В последнее время наблюдается жесткая конкуренция между интернет-платформами в таких областях, как поисковые системы, электронная коммерция и социальные сети [184].

Например, Согласно отчету о развитии Искусственного интеллекта в Китае 2018 года, в 2021 году рынок искусственного интеллекта Китая составил 23,7 миллиардов юаней, который увеличился на 67% в год. Среди зарубежных компаний использующих искусственный интеллект китайские компании Alibaba и Xiaomi занимают третье и четвертое места среди компаний, занимающих процентную долю мирового рынка потребителей ИИ. В 2017 году мировой рынок ИИ достиг в мире 23,2 млрд долл., где процентное соотношение на китайский рынок приходится 27%.

Китай и США являются лидирующими странами в области фундаментального исследования искусственного интеллекта, где Китай занимает первое место и США второй.

Также Китай занимает первое место в мире по общему количеству статей и количеству высоко цитируемых статей, а выпуск статей ИИ Китайской академии наук занимает первое место в мире. Китай продемонстрировал значительный рост вклада в мировую науку в области искусственного интеллекта, увеличив свою долю с 4,26% (1086 публикаций) в 1997 году до 27,68% (37343 публикации) в 2017 году, опережая все другие страны, включая Соединенные Штаты, среди них три правительственных учреждения: Министерство энергетики США (DOE), Министерство обороны США (DOD) и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA); две компании - IBM и Microsoft. В настоящее время Китай удерживает лидерство в этой сфере.

С точки зрения патентов, Китай стал страной с наибольшим количеством патентов на искусственный интеллект в мире, немного опередив Соединенные Штаты и Японию;

Международные инвестиции в таланты в области искусственного интеллекта в Китае занимают второе место, с 65% населения в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты занимают первое место по инвестициям в таланты в области искусственного интеллекта, в общей сложности 28 536 человек, что составляет 13,9% от общего количества в мире; инвестиции Китая занимают второе место, в общей сложности 18 232, что составляет 8,9% от общего количества в мире. По состоянию на июнь 2018 года общее количество предприятий искусственного интеллекта, контролируемых по всему миру, достигло 4 925, из которых 2028 - это предприятия искусственного интеллекта в Соединенных Штатах, занимающих первое место в мире. Общее количество предприятий искусственного интеллекта в Китае (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня) составляет 1011, занимая второе место в мире.

С 2013 года масштабы инвестиций и финансирования мировой и китайской отраслей искусственного интеллекта демонстрируют тенденцию к росту. В 2017 году общий масштаб глобальных инвестиций и финансирования искусственного интеллекта достиг 39,5 миллиарда долларов США, при этом 1208 финансовых мероприятий, из которых общий объем инвестиций и финансирования Китая достиг 27,71 миллиарда долларов США и 369 финансовых мероприятий. Общее финансирование китайских предприятий AI составляет 70% мирового финансирования, а количество финансирования достигло 31%.

Согласно глобальным данным об инвестициях и финансировании с 2013 года по первый квартал 2018 года, Китай превзошел Соединенные Штаты с точки зрения масштабов финансирования, став самой «поглощающей золото» страной в мире, но Соединенные Штаты по-прежнему занимают лидирующие позиции в мире с точки зрения инвестиций и финансирования [185].

А также в 2017 году КНР выпустил план действий по развитию ИИ до 2030 года, нацеленный стать лидером в данной сфере [186].

Вышеперечисленные статистические данные говорят только об одном, что США и КНР являются главными игроками в области развития ИИ в киберпространстве, где они сталкиваются с многочисленными угрозами и вынуждены защищать свои интересы. Взаимные подозрения и обвинения в кибернападениях, а также конкуренция за доминирование в цифровом пространстве приводят к нарастающим противоречиям между двумя странами. Искусственный интеллект и кибербезопасность тесно связаны, поскольку ИИ может использоваться как для улучшения систем защиты от кибератак, так и для совершения более сложных и изощренных атак.

В данном случае предполагаются следующие аспекты этой взаимосвязи:

1. Обнаружение угроз: ИИ может анализировать большие объемы данных в реальном времени, чтобы обнаруживать аномалии и потенциальные угрозы, которые могут ускользнуть от традиционных систем безопасности. Это позволяет предотвращать атаки и быстро реагировать на них

2. Предсказание атак: Используя машинное обучение, ИИ может изучать шаблоны поведения злоумышленников и предсказывать будущие атаки, что дает возможность заранее подготовиться и укрепить системы защиты.

3. Автоматизация реагирования: ИИ может управлять автоматическими системами реагирования на угрозы, быстро блокируя подозрительные действия и сокращая время отклика на инциденты.

4. Создание искусственных данных: ИИ может генерировать искусственные данные для тестирования систем безопасности, что помогает определить слабые места и улучшить общую надежность защиты.

5. Кибератаки с использованием ИИ: Злоумышленники также могут использовать ИИ для создания более сложных и эффективных атак, таких как автоматизированные системы рассылки вредоносных программ или создание глубоких фейковых лиц для манипуляций и дезинформации.

6. Обеспечение конфиденциальности данных: ИИ может помочь в защите конфиденциальности данных

Киберпространство превратилось в один из главных театров стратегической борьбы между Соединенными Штатами и Китаем. В этой гонке за доминирование в цифровом мире, телекоммуникационные гиганты играют решающую роль, поскольку они не только стимулируют экономический рост, но и являются ключевыми игроками в достижении преимущества в киберконкуренции обеих держав. В результате, США и Китай принимают меры по сдерживанию влияния телекоммуникационных фирм, чтобы защитить свою национальную безопасность. Более того противостояние двух государств в сфере кибербезопасности обуславливается совершенно разными подходами этих государств к управлению киберпространством.

Китай, с другой стороны, является одним из лидеров в области технологического развития имеет огромный потенциал для роста в киберсфере. Китайская компания Huawei, специализирующаяся на телекоммуникационном оборудовании и сетях, является одной из крупнейших компаний в мире в своей отрасли. Китай также является домом для таких технологических гигантов, как Alibaba, China Mobile, Huawei, Tencent и Baidu, которые активно развивают свои услуги и продукты в киберпространстве. Более того, китайская Компания ZTE занимается развитием сети 5G, а также задействована в геостратегическом проекте “один пояс -один путь”. В то время как компания Huawei является транснациональной корпорацией, крупнейшим поставщиком телекоммуникационного оборудования, годовой оборот которого составляет около 100 млрд долл. , а также данная компания является одним из лидирующих компаний в производстве смартфонов и сети 5G. Необходимо отметить, в 2018 году китайский гигант Huawei превзошел американскую корпорацию Apple по объему продаж мобильных телефонов и занял второе место на мировом рынке с долей в 13%, уступая только Samsung. Услуги данной компании предоставляет большинству компаний на мировом рынке, а именно процентная доля технологического китайского гиганта составляет 80%. Более того,

Huawei поставляет оборудование для видеонаблюдения в более чем 200 городов Западной Европы, Азии и Африки [187].

На самом деле, эти китайские интернет-компании способны расширяться за короткий промежуток времени благодаря огромному населению Китая и, более конкретно, большому количеству интернет-пользователей, говорящих по-китайски. За этой конкуренцией де-факто стоит конкуренция де-юре на государственном уровне за установление международных норм управления данными и информационными потоками. В то время как транснациональные IT-корпорации, в основном американские, выступают за создание среды, гарантирующей свободный поток информации, китайское правительство привержено сохранению суверенной юрисдикции государства в отношении интернет-транзакций и взаимодействий. Китайские интернет-компании не могут продвинуться вперед [188]. В рамках этого процесса китайское правительство стремилось внедрить "модель информатизации с китайской спецификой" в качестве альтернативы глобальным стандартам, разработанным под руководством США. В этом контексте китайское правительство просит интернет-провайдеров в Китае осуществлять самоцензуру и фильтрацию, и эта политика не делает исключения для американских компаний. Последствия этой политики также связаны с различиями в политических и экономических моделях двух стран, выходящими за рамки простого конфликта между американскими компаниями и китайским правительством. В этом отношении конкуренция на пороге стандартов - это также конкуренция между Соединенными Штатами и Китаем за соответствие их систем [189].

Но, в связи с тем, что развитие Интернета и информационно-коммуникационных технологий привело к возрастанию роли и влияния неправительственных участников в мировой политике и обеспечении национальной безопасности стран, вопросы информационной и кибербезопасности стали центральными для КНР. Важно отметить, что в «Белой книге» Китая 2010 года управление Интернетом рассматривается как ключевая функция в поддержании национальной безопасности, а инфраструктурные объекты, веб-сайты и весь Интернет, расположенный на территории КНР, находятся под юрисдикцией. Соответственно любые компании в данной области и их проекты в сети Интернет подпадают под юрисдикцию Китая и регулируются и “фильтруется” информация некитайских приложений с целью поддержки на поддержке легитимности и экономического прогресса [190].

В официальных публикациях китайского правительства и КПК излагается амбициозная промышленная политика Китая, связанная с технологиями. Эта политика в значительной степени обусловлена стремлением Китая доминировать на своем внутреннем рынке и стать мировым лидером в области широкого спектра технологий, особенно передовых. Китайское правительство рассматривает развитие технологий как неотъемлемую часть своего экономического развития и стремится достичь внутреннего господства и глобального лидерства в широком спектре технологий по соображениям экономики и национальной безопасности [191].

Соответственно, Китай стремится снизить свою зависимость от технологий из других стран и продвинуться вверх по цепочке создания стоимости, перейдя от низкочастотного производства к превращению в “глобальную инновационную державу в области науки и техники [192]. Преследуя эту всеобъемлющую цель, Китай разработал большое количество мер промышленной политики, включая более 100 пятилетних планов, планы научно-технического развития и отраслевые планы за последнее десятилетие [193]. К числу наиболее значимых мер промышленной политики относятся Национальный средне- и долгосрочный план развития науки и техники (2006-2020 гг.) [194]. Решение Государственного совета об ускорении и стимулировании развития стратегических новых отраслей промышленности (решение SEI) [195] и, совсем недавно, Уведомление о выпуске “Сделано в Китае к 2025 году [196].

План развития технологий, выпущенный в 2005 году и охватывающий период с 2006 по 2020 год, является основополагающим документом, в котором излагается долгосрочная стратегия технологического развития Китая. Основной целью политики Китая является реализация Стратегии международного сотрудничества в области киберпространства, в которой закреплены ключевые принципы китайской киберполитики [197]. В соответствии с данной стратегией, необходимо обеспечить мир и безопасность в киберпространстве, предотвратить гонку вооружений и конфликты. Важным принципом является суверенитет, включающий право на выбор модели управления сетью и государственной политики в Интернете. Также подчеркивается важность совместного управления киберпространством, где ООН играет ключевую роль. В заключительной части стратегии подчеркивается принцип всеобщего доступа для устранения цифрового разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Китайский подход к глобальному управлению киберпространством характеризуется задачами, сформулированными в стратегии, включая признание суверенитета государства в информационном пространстве и невмешательство во внутренние дела, создание кодекса правил и принципов поведения государств в киберпространстве. Китайские эксперты считают, что развитые страны, возглавляемые США, проводят политику сетевого гегемонизма, что делает невозможным участие развивающихся стран в глобальном управлении Интернетом. В этих условиях развитые страны и их технологические корпорации получают возможность контролировать киберпространство .

В рамках этой модели, государственные органы занимают главенствующее положение, в то время как неправительственные участники и заинтересованные стороны выполняют вспомогательную и советническую функцию. Важной составляющей управления Интернетом является распределение и совместное ведение критических элементов информационной инфраструктуры, включая корневые серверы глобальной сети [198].

Китайская модель управления Интернетом на международном уровне предполагает внедрение и использование международных норм и правил для регулирования киберпространства. В этой модели центральная функция принадлежит государствам, обладающим суверенными правами над национальными сегментами сети. Принятие решений происходит в рамках Международного союза электросвязи и Организации Объединенных Наций, где развивающиеся и развитые страны могут участвовать на равных в решении вопросов. Китайское присутствие в МСЭ характеризуется активным участием правительства, бизнеса и научного сообщества. Правительство представлено Министерством промышленности и информатизации, а частные организации представлены более чем 40 телекоммуникационными компаниями Китая.

Китайская модель управления Интернетом на международном уровне предполагает распространение и применение международных норм в управлении киберпространством, при этом государства, обладающие суверенитетом над внутренними сегментами сети, играют ключевую роль. Принятие решений происходит в рамках Международного союза электросвязи и Организации Объединенных Наций, обеспечивая равный диалог развивающихся и развитых стран. Китай активно участвует в МСЭ, представленный правительством, частным сектором

и академическим сообществом. В 2019 и 2020 годах Китай выступил с инициативой "построения сообщества единой судьбы в киберпространстве", которая ставит задачи экономического и технологического сотрудничества, включая распространение технологий 5G, а также совместное управление Интернетом с ведущей ролью ООН [199].

Эта инициатива направлена на объединение развивающихся стран для противодействия американской модели управления глобальным киберпространством. Китай реализует свои задачи через международные правительственные организации и консультативные форматы, согласовывая общую позицию по вопросам глобального управления киберпространством и развития Интернета. В результате этой работы были приняты различные международные документы и соглашения. Китайская модель управления киберпространством основывается на принципах суверенитета, равноправного участия всех государств в принятии решений и ведущей роли ООН в управлении критическими ресурсами и киберпространством. Эта модель соответствует государственной политике Китая. В условиях ускорения цифровизации Китай сталкивается с задачами формирования образа ответственного государства на международной арене, продвижения своих технологических компаний на глобальном рынке, совершенствования системы управления киберпространством на национальном уровне и создания благоприятных условий для развития на международном уровне [200].

Говоря о США, данное государство является пионером в области информационных технологий, компьютерных наук и интернета. В стране расположены крупнейшие мировые компании в сфере высоких технологий, такие как Google, Apple, Facebook, Amazon и Microsoft, которые определяют тенденции развития киберпространства, разрабатывают протоколы коммуникаций, а также функционированием социальных приложений. Технологические гиганты создают всемирную систему влияния, которая оказывает воздействие на государственную безопасность и общемировую общественность [201]. США активно развивают свои кибервозможности для обеспечения национальной безопасности и обороны, а также для продвижения своих интересов в глобальном масштабе. Позиция США в отношении управления киберпространством была впервые обозначена в заявлении Министерства торговли США в 1998 году. В этом документе подчеркивалось, что выполнение функций управления Интернетом частными компаниями является

предпочтительным для поддержания децентрализованного характера сети, способствующего свободе личности и отсутствию государственного контроля [202].

Частные компании и неправительственные организации осуществляют управление киберпространством. Например, Форум по управлению Интернетом (IGF), Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN), и Инженерный совет Интернета (IETF), где способ управления киберпространством является всеобщим для данных организаций [203].

Важным аспектом американского влияния в киберпространстве является администрирование критических интернет-ресурсов. Управление ключевой инфраструктурой Интернета, включая корневые серверы DNS, осуществляется государственными организациями США, частными компаниями, некоммерческими организациями, университетами и интернет-провайдерами. Благодаря контролю над этими критическими ресурсами, США обладает значительным влиянием в определении правил и стандартов для Интернета [204].

Согласно Стратегии США по киберпространству 2011 года, администрация Барака Обамы привержена принципам свободы в Интернете и поддерживает многосторонний подход к управлению Интернетом, который основывается на деятельности неправительственных организаций. Задачи по управлению критическими ресурсами предполагают многосторонний процесс принятия решений с участием частных организаций, что обеспечит стабильность и безопасность критической инфраструктуры Интернета [205].

Также в период администрации Барака Обамы была создана Правительственная комиссия по укреплению национальной кибербезопасности США в 2016 году, созданная по контролю, управлению и защите персональных данных с целью обеспечить национальную безопасность США [206]. А также впервые была учреждена должность в рамках данной организации - федеральный руководитель по защите информации [207].

А в 2001 году была разработана Советом Европы Будапештская конвенция о киберпреступности, носящая международный характер. Конвенция направлена на содействие международному сотрудничеству в расследовании и борьбе с киберпреступностью, а также устанавливает общие стандарты для уголовного

законодательства в отношении компьютерных преступлений и злоупотреблений. Данную конвенцию подписали США, однако КНР не подписал конвенцию [208].

Уже при Дональде Трампе была опубликована Стратегии кибербезопасности 2018 года. В данной Стратегии позиция США подтверждается, что сеть Интернет должна быть свободной и открытой без государственного регулирования, так как в случае проникновения государственных инфраструктур в интернет, данная сеть подвергается контролю, благодаря чему распространяется его влияние на общество пользователей сетью [209].

Таким образом, подходы КНР и США в выстраивании системы управления киберпространством различные, что создает уже в своей основе противоречащий характер. Если подход США базируется на принципах свободы и открытости, давая в свои руки управление киберпространством негосударственным структурам, то подход КНР абсолютно разнится с США, где заложены принципы суверенитета и главный рычаг управления киберпространством лежит в руках государственной власти.

Растущий военный и кибернетический потенциал Китая используется для создания системы защиты от доступа или запрета доступа в зону зоны, и Китай не согласен с американской моделью управления Интернетом. Еще до подписания двустороннего соглашения о кибербезопасности между державами 2015 году, США и КНР с начала XXI века ведут кибершпионаж друг против друга [210]. До 2015 года было проведено четыре кампании шпионажа в отношении друг друга:

1. 2003 - 2006 гг.- "Titan rain", серия скоординированных атак на компьютерные системы Соединенных Штатов. Спустя три года инцидента только в 2006 году был составлен обвинительный акт Министерства юстиции США против ряда предполагаемых китайских военных хакеров. Согласно составленному акту хакерские действия были совершены на территории КНР провинции Гуандун. В 2006 году, утверждается, что гражданин КНР, Хуан Чжэньюй начал "выполнять программную работу для SOE-2, включая создание "секретной" базы данных, предназначенной для хранения корпоративных "разведанных" о черной металлургии, включая информацию об американских компаниях". Секретные службы Пентагона США и Великобритании заметили, что китайские компьютеры получили доступ к данным Пентагона и Палаты общин. По словам экспертов по безопасности США, спонсируемые государством лица в Китае взламывали системы, принадлежащие всем

крупнейшим фабрикам и компаниям, в поисках промышленных данных и интеллектуальной собственности. Украденные данные не были общедоступными, но и не были засекречены, поскольку секретная информация хранилась на объектах, не подключенных к Интернету или интранету, тем не менее, они раскрывали, например, информацию о проектах и материально-техническом обеспечении вооруженных сил США [211]. После предоставления доказательств властями США Китайское правительство отрицало свою ответственность [212].

2. 2006 – 2010: “Shady RAT”-“Теневая КРЫСА” (шпионаж со стороны Китая). McAfee опубликовал документ, в котором поставщик услуг по безопасности говорит о самом массовым известным компьютерным вторжением, совершенным государственным субъектом [213]. Эта угроза привела к воровству правительственных и военных секретов и корпоративной интеллектуальной собственности. Но Джеймс А. Льюис, эксперт по кибербезопасности в Центре стратегических и международных исследований, сказал, что "наибольшим кандидатом является Китай". По его словам, акцент в целевом списке на Тайване и олимпийских организациях в преддверии Пекинских игр в 2008 году "указывает на Китай" в качестве преступника. "Это не первый раз, который мы видели. Это происходит в Китае, по крайней мере, с 1998 года" [214]. Китай был обвинен Соединенными Штатами, Канадой и другими странами в том, что они возглавляют онлайн-атаки на государственные учреждения, а также , хотя правительство Пекина отрицало это: "Безответственно связывать Китай с интернет-хакерами", - заявили чиновники [215].

3. 2007 – 2009: GhostNet – Китай шпионил за Тибетским представительством и неправительственными организациями. Весной 2008 года, после серии странных инцидентов с иностранными дипломатами и высокопоставленными лицами, отменяющими свои встречи с Далай-ламой, США обвинили китайское правительство, оказывающих давление на властей Тибета. Команда тибетского духовного лидера, начала подозревать кибер-эксплуатацию в качестве возможного объяснения. Были найдены доказательства удаленного списка контактов по электронной почте высокопоставленных лиц, с которыми встречался Далай-лама, и документ, касающийся его переговорной позиции с китайским правительством [216]. Китай опроверг утверждение о том, что

- шпионские действия принадлежат КНР, призванное подпитывать беспокойство по поводу растущего влияния Пекина. Пресс-секретарь КНР в 2009 году Цинь Ган заявил, что данные действия являются симптомами вируса холодной войны [217].
4. 2008 – 2009: Серия хакерских атак со стороны КНР в отношении США. В 2008 году китайская CNE нацелилась на избирательную кампанию в США, пытаясь выяснить позицию в отношении Китая, а также добиться частных контактов между Маккейном и недавно избранным президентом Тайваня [218]. В 2009 году компания Lockheed Martin, американский оборонный подрядчик, отвечающий за исследования и разработки в рамках программы F-35, сообщила, что она стала объектом китайского взлома [219]. Действительно, ответственным за это был спонсируемый государством хакер по имени Су Бин, который неоднократно взламывал системы Lockheed, чтобы украсть чертежи истребителей F-35 и F-22 [220]. Затем эти секретные планы были отправлены китайскому правительству, которое смогло использовать ключевые технологии для создания своего истребителя пятого поколения J-20 [221]. Су Бин был арестован, когда находился на американской территории, и после того, как признал свою вину, был заключен в тюрьму [222]. Это один из лучших примеров того, как Китай совершает вторжения в США для достижения политических и военных целей. В 2010 году в ходе операции "Аврора", представляющей собой серию продвинутых постоянных угроз, были нацелены на Google, Symantec, Juniper Networks, Rackspace (все компании-подрядчики в области технологий, безопасности и обороны), а также на Yahoo и Adobe [223]. Целью вторжения была точечная фишинговая атака, направленная на отдельных лиц, которые, вероятно, имели доступ к конфиденциальной информации с целью разведки [224].
 5. В 2013 году Эдвард Сноуден, бывший сторонний подрядчик агентства безопасности правительства США, сообщил, что США проникли в китайские мобильные компании, чтобы шпионить за коммуникациями, и, более того, взломали системы Университета Цинхуа. В этом университете, помимо того, что он является одним из крупнейших учебных заведений на территории Китая, находится Китайская образовательная и исследовательская сеть, одна из основных магистральных сетей Китая. Проникновение в эти системы означает возможность сбора огромного объема информации, например, данных из Интернета [225]. Кроме того, Сноуден также сообщил, что АНБ

проникло в сети Huawei и создало бэкдоры в ходе операции под кодовым названием Shotgiant . Основной целью операции было найти связь между Huawei и НОАК, что было вызвано опасениями, что Huawei, которая занимается международными продажами, будет использовать свои продукты, такие как смартфоны и маршрутизаторы, в качестве маяков для слежки за отдельными лицами, особенно за военными чиновниками США [226]. Более того, многие клиенты Huawei - это страны, которые не имеют коммерческих отношений с США и не покупают американскую продукцию. Присутствие в сети Huawei дало бы США стратегическое преимущество, а именно возможность отслеживать зарубежные сети, представляющие интересы, такие как Иран, Куба, Афганистан, Пакистан и Кения. Власти США утверждали, что их кампании по кибершпионажу были направлены исключительно на обеспечение национальной безопасности и не преследовали никаких экономических целей. С другой стороны, китайское правительство отрицало, что осуществляло какой-либо кибершпионаж. Это разногласие усилило недоверие между двумя державами и риск неправильного толкования действий в киберпространстве как военных действий.

6. В 2014 году Министерство юстиции Соединенных Штатов предъявило пятерым хакерам PLA обвинения в экономическом шпионаже за атаки на шесть американских компаний, принадлежащих к отраслям ядерной энергетики, металлургии и солнечной промышленности. В данном случае многие коммерческие секреты были украдены у Соединенных Штатов в целях получения экономической выгоды. Обвинительный акт стал четким сигналом о том, что Китай должен установить некоторые границы, ограничивающие сферу деятельности своих подразделений НОАК [227]. В отчете за 2014 год экономический ущерб от кражи интеллектуальной собственности для экономики США оценивается в 250 млрд долл. в год ущерб репутации фирм, потеря сравнительных преимуществ и инвестиции в кибербезопасность для предотвращения вторжений. За этим историческим событием последовало другое. После того, как Управление по управлению персоналом США было взломано, США также предупредили власти Китая о том, что они рассматривают возможность возмездия в виде экономических санкций и дипломатических мер. Однако после разоблачений Эдварда Сноудена в 2013 году доверие к действиям США в киберпространстве и их

легитимность сильно снизились как среди их союзников, так и среди конкурентов. Эти закрытия добавили напряженности в отношения между Китаем и США, но в основном создали возможность решить проблему кибербезопасности, обнародовав практику обоих государств.

В 2015 году было заключено первое двустороннее соглашение между США и Китаем по кибервопросам, где две стороны обязуются:

1. Отвечать на запросы о предоставлении информации и помощи в связи с вредоносной кибердеятельностью.

2. Расследовать киберпреступления, совершаемые на соответствующих территориях подписавших сторон.

3. Обмениваться информацией о ходе вышеупомянутых расследований.

4. Воздерживаться от осуществления или поддержки кибершпионажа в экономических целях и хищения интеллектуальной собственности. (в отличие от шпионажа, осуществляемого по соображениям национальной безопасности)

5. Прилагать усилия для выявления и продвижения международных норм поведения государств в киберпространстве.

6. Создать механизм совместного диалога высокого уровня по борьбе с киберпреступностью и связанным с этим вопросам.

7. Создать горячую линию для обсуждения вопросов, связанных с киберактивностью [228].

Это был первый важный шаг в истории кибербезопасности и китайско-американских отношений, но он был столь же важен, сколь и бессмысленен. Действительно, в течение 2016 года спонсируемые государством шпионские операции, проводившиеся из Китая, были успешно нацелены на правительство и компании [229]. Программа также включала регулярные встречи между представителями служб безопасности обоих государств для обмена информацией о киберпреступности и создание горячей линии для прямого общения по вопросам кибербезопасности. Соглашение было расценено как хороший шаг на пути развития сотрудничества между США и Китаем по вопросам кибербезопасности. Была выражена надежда, что расширение сотрудничества по этим вопросам уменьшит

риски неправильного восприятия (восприятие кибератаки как акта войны) и эскалации (перерастания напряженности в обычную войну) в киберпространстве. Это соглашение было расценено как победа США, которые убедили китайское правительство согласиться с различием между киберзащитой экономики и национальной безопасностью. Китайские власти также положительно восприняли это соглашение, поскольку в течение многих лет просили о расширении сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. Китайские частные лица и фирмы регулярно становились мишенями киберпреступников, а китайские власти жаловались на то, что западные страны неохотно сотрудничают в расследованиях.

После подписания соглашения в 2015 году американские эксперты по кибербезопасности заметили, что количество кибератак, совершаемых китайскими государственными структурами против экономических объектов США, значительно сократилось [230]. Кроме того, соглашение о кибербезопасности от 2015 года не предусматривает принудительных мер. В случае, если Китай или США будут поддерживать или осуществлять экономический кибершпионаж против другой стороны, соглашение не предусматривает каких-либо карательных мер. Наконец, трудно отличить экономический кибершпионаж от кибершпионажа в сфере национальной безопасности. Государство может утверждать, что оно проводило кампанию кибершпионажа против бизнеса по соображениям национальной безопасности, но такую практику было бы трудно оправдать. Это особенно актуально для США, поскольку китайские фирмы часто принадлежат государству, что усложняет проведение различия между национальной безопасностью и экономическими целями киберпреступлений.

Однако США неоднократно выступали с заявлениями о том, что КНР осуществляет кибератаки и кражу интеллектуальной собственности, нанося ущерб национальной безопасности и экономике США. Более того, США обвиняла КНР в нарушении заключенного соглашения по кибербезопасности 2015 года, регламентирующего двусторонние отношения в области кибербезопасности [231]. Согласно отчету Министерства Финансов №215 были выявленные случаи конкретного экономического кибершпионажа Китаем [232].

Данный инцидент повлек за собой в период торговой войны введение тарифов в марте 2018 года на общую сумму 50 млрд долл. против Китая, которые как

считает Трамп является мощным торговым инструментом в проведении политики протекционизма [233].

В свою очередь, КНР отвергала эти обвинения, утверждая, что они являются проявлением политики "китайской угрозы" и инструментом давления со стороны Вашингтона. Эти противоречия отражают глубокие расколы в вопросах кибербезопасности между двумя мировыми державами, придерживаясь разные подходов, что усложняет поиск путей сотрудничества и создает риски для глобальной стабильности.

Так, в стратегии Национальной обороны 2018 года позиция США в отношении Китая крайней отрицательная, который обвиняется администрацией Дональда Трампа в использовании киберпространства для осуществления экономического шпионажа и кражи объектов интеллектуальной собственности, стоимость которой измеряется триллионами долларов, для подрыва экономики и демократии США [234]. Также в стратегии национальной безопасности 2017 года Китай определяется для США как ревизионистская держава, как сказано ранее, но уже и в сфере технологий и кибербезопасности [235].

Главный мотив Китая заключается в стремлении к промышленному превосходству за счет технологических преобразований и инноваций, стимулированных распространением интернета на мировой уровень, что последует за собой использование кибершпионажа и других кибератак в получении необходимой информации для достижения этой цели [236].

Во время торгового конфликта между США и Китаем, правительство США, ссылаясь на риски для национальной безопасности, запретило работу приложений, социальных сетей, онлайн-сервисов и использование техники компаний из Китая, связанных с НОАК. Эта политика санкций и ограничений в отношении китайских фирм началась в 2018 году, на начальном этапе торговой войны, когда министерство торговли США ввело запрет на поставку компонентов и программного обеспечения, необходимых для телекоммуникационного оборудования компании ZTE [237].

В 2018 году Дональдом Трампом было предпринято в рамках введения экономических санкций против Китая очередная мера, направленная на пресечение угроз национальной безопасности США в лице компании Huawei, которая по мнению властей США, сотрудничает с китайскими спецслужбами. Усовершенствованные

5G-сети обеспечат значительное ускорение передачи информации на портативных устройствах, опережая текущие 4G-сети во многих государствах. Внедрение этой инновационной технологии не только кардинально изменит телекоммуникационный сектор, но и окажет влияние на практически все сферы экономической активности, начиная от транспортных систем и заканчивая оборонным комплексом. В связи с этим, США расценивают Huawei как потенциальную угрозу своему доминированию в мировом телекоммуникационном рынке. Основным страхом заключается в том, что китайская инфраструктура 5G может оказаться вне контроля США, что поставит под сомнение их лидерство в информационных технологиях. Далее помимо вышеупомянутой компании список дополнили следующие компании: China mobile, Xiaomi, China Telecom. Однако из данного списка в марте 2021 года компания Xiaomi оспорила свое включение в данный список, что привело к отмене ограничений на инвестиции в компанию [238]. Это обжалование стало первым таким случаем в контексте торгового конфликта между США и Китаем.

Дополнительно в марте 2019 года под давлением США Европарламент принял резолюцию, трактующую компанию Huawei, как объект, который может получить незаконный доступ к личным данным пользователей и телекоммуникация ЕС, что представляет угрозу кибербезопасности не только США, но и другим странам [239]. В связи с данными обвинениями в мае 2019 года данная китайская компания была внесена в черный список компаний США, который имеют право приобретать технологии и продукцию компаний США. Ответная мера КНР была зеркальной [240].

В 2020 году согласно распоряжению президента Дональда Трампа на территории США были запрещены следующие социальные сети КНР по причине возможной кражи персональных данных, а также “фильтровать и корректировать” контент в сфере политики по приказу китайских властей: Wechat, tiktok [241].

Позже запрет распространился на платежные небанковские системы Китая. В данном случае запрет распространился на Alipay, Shareit, vmate, wechat pay, camscanner, qq wallet, tencent qq, wps office [242]. Санкционные меры США направлены на чистку цензуры и поддержание принципов свободы и открытости власти КНР расценили как “ведение холодной войны в сети Интернет” [243].

Борьба американцев с китайскими технологиями не спускала свои обороты. В августе 2018 Дональд Трамп издал закон о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону, который гласит о запрете компаниям США и организациям

использовать телекоммуникационное оборудование, произведенное в Китае. Данный закон стал ключевым моментом в серии последующих мер, предпринятых США, целью которых было ограничение распространения передовых китайских технологий не только на внутреннем рынке, но и на международном уровне.

В августе 2020 года госсекретарь США администрации Дональда Трампа заявил о необходимости чистки сети Интернет, буквально обозначив программу Clean Network, направленная на ограничение работы китайских компаний на территории США. Ограничения распространялись на следующий вид деятельности: Обеспечение услуг информационно-коммуникационных технологий, монтаж и применение программного обеспечения из Китая, хранение и анализ облачных данных, разработка сети волоконно-оптических кабелей. Под данные ограничения попадали компании распространяющие сеть 5G: Huawei, ZTE.

А европейские компании поддерживаемы США получают превосходство: Nokia, Ericsson. В рамках реализации программы чистки к США присоединились и 53 государства, преимущественно члены НАТО и ЕС. С целью урезать распространение своих “сетевых лап” на западные территории, отдавая преимущество европейским компаниям [244]. В дополнение к уже существующим мерам, Европейский союз разработал комплексный набор мер безопасности для сетей 5G, известный как Инструментарий для безопасности 5G, который устанавливает стандарты и критерии безопасности для пятого поколения. Благодаря этому, шведская компания Ericsson и финская компания Nokia получают конкурентное преимущество на европейском рынке 5G. В рамках данной программы определены компании, использование услуг и оборудования которых не представляет угрозы для безопасности государства, а также установлены критерии и меры безопасности для предотвращения [245].

В свою очередь власти Китая также создаст свой черный список аналогичный американскому, запрещающему иметь свободный доступ на рынок китайских технологий. Что и было сделано, такие компании как: Intel, Microsoft, Qualcomm, Samsung, Dell и Nokia попали в него [246]. В результате этого, более 600 крупнейших американских компаний обратились к Трампу с письмом, в котором просят отменить ограничения на сотрудничество с Китаем, введенные в мае по указу президента [247].

Так, в 2018 году чиновник Агентства национальной безопасности Роб Джойс заявил, что Китай нарушает соглашение по кибербезопасности 2015 года, а также действует далеко за пределами этого соглашения. На еженедельном брифинге пресс-

секретарь Министерства иностранных дел Китая Хуа Чуньин отвергла обвинения США, аргументируя его отсутствием фактических доказательств. В рамках данного конфликта США обвинил КНР в краже персональных данных более 20 миллионов человек кадрового офиса федерального правительства США [248].

В 2021 году велось расследование ФБР по факту обвинения двоих сотрудников китайской разведки пытались подкупить сотрудника ФБР биткойнами на сумму около 61 тысячи долларов для получения информации, касающейся федерального расследования против телекоммуникационной компании из Китая, и в последующем году выдвинули обвинение с доказательствами. Министерство юстиции США выдвинуло обвинение гражданам Китая Гочуну Хэ и Чжэну Вану в попытке помешать уголовному преследованию [249]. Согласно судебным документам, обвиняемые, начиная с 2019 года, поручили сотруднику государственной службы США, которого они считали своим завербованным агентом, красть конфиденциальные сведения. Однако на самом деле этот человек работал под прикрытием для ФБР [250].

Углубляясь в сферу криптовалюты, необходимо отметить, что криптовалюта, исключая некоторые стейблкоины, имеет блоки транзакций, но не является прозрачной в силу своей анонимности и децентрализации, что затрудняет отслеживание транзакций и используются также в целях отмывания денег. Поэтому в данном случае китайские обвиняемые использовали данный способ хранения и передачи стоимости взятки в целях обхода законодательства [251].

Пресс-секретарь министерства Ван Вэньбин на обвинения властями США в кибершпионаже заявил, что Соединенные Штаты политизировали проблему кибербезопасности без убедительных доказательств и постоянно распространяли ложную информацию и бросали грязь в Китай в попытке запятнать имидж Китая, надеясь, что Соединенные Штаты будут более ответственно относиться к кибербезопасности [252].

С момента начала торговой войны между США и КНР в период президентствования Дональда Трампа противостояние двух держав представляет собой целый комплекс, охватывая различные сферы взаимодействия. Киберпространство-не исключение, так как в эпоху доминирования цифровых и научных технологий, данная область взаимодействия и противостояния имеет также важное значение, выполняя функцию коммуникации, передачи и распространение

информации, функции совещательной, коммерческой и развлекательной. Китай придерживается “тоталитарного” подхода во главе с государством-регулирующим и фильтрующим, область кибербезопасности, где не допускаются к управлению неправительственные организации, и цензура превыше всего. США, наоборот, реализует открытую и свободную концепцию. Придерживаясь разных подходов в управлении киберпространством государства в период торговой войны, разворачивают противостояние и в сфере цифровых технологий, принимая ответные меры в отношении друг друга с целью сдерживания влияния друг друга.

В самом широком смысле американо-китайское соперничество в киберпространстве — это соревнование в обаянии, которое также можно назвать соревнованием за "мягкую силу" [253].

Это соревнование за очарование выходит за рамки контроля над рынками и политикой и устанавливает убедительные и согласованные универсальные нормы. Например, в отличие от производственных секторов, основанных на оборудовании, успех или неудача индустрии культуры и интернет-бизнеса зависит от того, кто сможет создать более эмоционально привлекательный контент и желаемые услуги. Создание привлекательного контента и услуг - это только половина дела, распространение и коммуникация также важны. Решающую роль также играет то, насколько политика, институты и культура определенной страны способны адаптировать предоставляемые контент и услуги. В связи с этим конкурс очарования означает установление норм, которые включают в себя общечеловеческие ценности и доступный взгляд на мир. Как и в случае с техническими стандартами и институциональными моделями, Соединенные Штаты до сих пор доминировали в сфере распространения обаяния и установления норм, и задача Китая в будущем будет заключаться в том, чтобы охватить эту область.

Соперничество за очарование между Соединенными Штатами и Китаем проявляется в соперничестве между Голливудом, который традиционно доминирует в мировой культуре, и китайской киноиндустрией, которая бросает вызов его гегемонии. Голливуд в эпоху цифровых технологий завоевывает мировой кинорынок благодаря дифференцированным стратегиям масштабирования, представленным стратегиями создания блокбастеров, а также внедрению в кинопроизводство высокотехнологичных спецэффектов и компьютерной графики. Недавний стремительный рост китайской киноиндустрии бросил вызов этой американской

культурной гегемонии; журналисты окрестили эту индустрию Чолливудом (Китай + Голливуд). Китайская киноиндустрия набирает технологические возможности, сравнимые с голливудскими, благодаря быстрому количественному росту в последнее время. Китай также стремится к развитию собственных технологий, но пытается приобрести или передать технологии у Голливуда посредством совместных предприятий, инвестиций и приобретений. В ходе этого процесса, хотя на первый взгляд кажется, что стандарты Голливуда проникают на китайский рынок, конкуренция в киноиндустрии основана на более сложных факторах [253].

Следует отметить, что стремительный рост китайского кинорынка обусловлен "лестницей масштабов". Китай, обладающий огромным рынком, вероятно, откроет новые горизонты для конкуренции в индустрии культурного контента. Особого внимания в этом процессе заслуживает изменение структуры потребления культурных продуктов в Китае в связи с распространением Интернета и мобильных устройств. Именно поэтому недавняя тенденция развития интернет-компаний, таких как Alibaba, Tencent и Baidu, сайтов для обмена видео, таких как Youku Tudou, и интернет-сообщества фэндомов в китайской киноиндустрии привлекает внимание. Конкуренция между США и Китаем в индустрии культурного контента в конечном итоге будет зависеть от того, чей контент будет более привлекательным. Голливудские блокбастеры пытались привлечь мировую аудиторию, используя универсальный культурный код, который максимально ослабил идеологию. Напротив, культурный код Китая остается в рамках национализма и имеет то ограничение, что он мало заинтересован в общении с аудиторией за пределами своей территории.

Кроме того, Соединенные Штаты и Китай конкурируют за публичную дипломатию, используя цифровые медиа в киберпространстве. При администрации Обамы публичная дипломатия в Соединенных Штатах была сосредоточена на активном использовании Интернета и социальных сетей для распространения американских институциональных моделей и ценностей по всему миру. Напротив, китайская публичная дипломатия работает над распространением китайских моделей и ценностей, используя средства массовой информации, такие как CCTV. Если американская публичная дипломатия была направлена на создание универсальной идеологической сети, охватывающей неопределенное большинство, то можно утверждать, что Китай намеревался создать сеть групп единомышленников, аудиторией которых были жители развивающихся стран [254]. В этом процессе, если

Соединенные Штаты делают упор на участие и налаживание связей негосударственных субъектов, выходящих за рамки межправительственного сотрудничества, Китай создает сеть правительств в развивающихся странах с целью создания коалиции по борьбе с гегемонией против Соединенных Штатов.

Эти различия между двумя странами также проявляются в процессе формирования международных норм в киберпространстве [255]. Например, если Соединенные Штаты как глобальный гегемон стремятся к установлению норм и порядка, основанных на модели глобального управления с участием негосударственных субъектов, Китай выступает за традиционную модель международной организации, в которой государственные субъекты по-прежнему играют важную роль. Эта конфигурация совпадает с линией противостояния между западным и незападным лагерями на дипломатической арене международной политики. Разрыв между Соединенными Штатами и Китаем в формировании международных норм в киберпространстве, как обсуждалось ранее, проистекает из различий между политикой, институтами и внутренними системами двух стран.

Торговая война Трампа дорого обошлась как Соединенным Штатам, так и Китаю. Вместо того, чтобы сбалансировать экономические отношения между США и Китаем и перестроить китайскую экономическую систему, тарифы Трампа привели к это нанесло значительный ущерб производству, экспорту и потребителям в США. В результате потребительские цены выросли, и было создано мало рабочих мест. Что еще более важно, поскольку мировая экономика и производство сегодня сильно интегрированы, торговая война Трампа не только нанесла ущерб Китаю, но и нанесла ущерб глобальному производству и цепочкам поставок. Чтобы выйти за рамки дозволенного, Вашингтон пошел еще дальше в ведении технологической войны против Китая. Цель состоит в том, чтобы контролировать и ограничивать

Технологический прогресс Китая и его стремление к получению преимуществ в ключевых технологических секторах, определенных планом “Сделано в Китае к 2025 году”.

Технологический разрыв с Китаем набирает обороты, и борьба распространится на другие смежные области, такие как студенческие обмены, академическое сотрудничество, обмен визитами и обмен информацией. Усилия США по сдерживанию доминирования Китая в мировом производстве и технологическом развитии могут продолжиться и привести к “размежеванию” между двумя странами.

В дальнейшем эта эскалация-переход к более широкому экономическому и технологическому размежеванию будет иметь далеко идущие последствия для китайско-американских отношений и мировой экономики. Еще одно измерение конкурентной стратегии США сосредоточено на китайских вызовах американской системе ценностей и фундаменте американской мягкой силы в мире.

3.3 Военно-политическое измерение двусторонних отношений при Дональде Трампе

За три года, прошедшие с начала президентства Трампа, отношения столкнулись с фундаментальными трудностями. Отношения между США и Китаем находятся на критическом этапе. Во время правления Джорджа Буша младшего и Барака Обамы, Вашингтон преследовал стратегию вовлечения плюс политика хеджирования в отношении Китая. Хотя две страны конкурировали во многих областях, они все же могли сотрудничать в экономических отношениях, а также в вопросах регионального и глобального управления.

Тем не менее администрация Трампа отошла от политики его предшественников в отношении Китая в том, что касается основных предпосылок, политических целей и того, инструментов политического регулирования. Это привело к ускорению ухудшения отношений, которое началось с политики Обамы. Администрация Трампа меняет основные инструменты осуществления внешнеполитического курса в азиатском направлении. Менее чем через год пребывания у власти администрация Трампа опубликовала новую Стратегию Национальной Безопасности США в 2017 году, в которой Вашингтон рассматривает Китай не как стратегического партнера, а как стратегического конкурента.

Отношения между США и Китаем больше не рассматриваются как взаимовыгодные, а скорее как отношения с нулевой суммой и более спорные. По данным за 2017 год в Стратегии Национальной Безопасности США Китай является “стратегическим соперником, который бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание” [257]. Вашингтон рассматривает американо-китайские отношения преимущественно как “конкуренцию великих держав”. Чтобы ответить на вызов Пекина, “администрация Трампа приняла конкурентный подход к КНР, основанный на трезвой оценке намерений и действий КПК, переоценке многих стратегических преимуществ и недостатков Соединенных Штатов и терпимости к усилению двусторонних трений,”

и “за поддержание конструктивных, ориентированных на результат отношений с КНР” [258]. Чтобы организовать всестороннюю конкуренцию Китаю, Вашингтон впервые изложил “общегосударственный подход”, способный конкурировать с растущим влиянием и мощью Китая. В рамках этой новой стратегии Индо-Тихоокеанский регион является важной частью стратегии национальной безопасности, которая пытается конкурировать и сдерживать растущее влияние Китая с помощью инициативы "Один пояс, один путь" и других средств среди государств, расположенных вдоль Индийского и Тихого океанов.

Если ранее политика США в отношении Китая была основана на ожидании того, что “мирный, стабильный и процветающий Китай” отвечает американским интересам, а экономическая и политическая открытость Китая приведет к его превращению в конструктивную и ответственную мировую державу, то в период президентствования Трампа данная стратегия потеряла свою силу.

От Клинтона до Обамы эта политика вовлечения и сдерживания успешно применялась. Заместитель государственного секретаря Роберт Зеллик утверждал в 2005 году, что после 30-летней политики интеграции Китая в мировую экономику “теперь нам необходимо поощрять Китай должен стать ответственной заинтересованной стороной в международной системе”[259].

Необходимо вспомнить ранее изложенные факты. Когда Обама впервые пришел к власти в 2009 году, его администрация возлагала большие надежды на то, что Пекин сможет более активно сотрудничать с Вашингтоном в преодолении глобального финансового кризиса и других острых региональных проблем. Заместитель Госсекретаря Джеймс Стейнберг дал понять Китаю, что Вашингтон хочет построить более стабильные отношения сотрудничества с Китаем на основе “вовлеченности и уверенности”. По его словам, Вашингтон не стал бы возражать против превращения Китая в великую державу, но Китаю необходимо сотрудничать с Соединенными Штатами по целому ряду вопросов, которые волнуют обе страны. - у всех нас есть общие или пересекающиеся интересы в области [260]. Однако политика Обамы “вовлечения и сдерживания” продлилась недолго. В 2010-2011 годах она была быстро отменена и заменена новой политикой, направленной на восстановление баланса сил в противовес растущей мощи и влиянию Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На этом фоне администрация Трампа объявила Китай “ревизионистской державой” и стратегическим конкурентом после вступления в должность. Администрация опубликовала ряд стратегических документов, направленных на то, чтобы изменить ситуацию [261].

В число этих документов входит “Национальный отчет США за 2017 год”, “Стратегия национальной безопасности” 2017, “Стратегия национальной обороны США на 2018 год”, “Ядерная программа на 2018 год, Обзор ситуации”, “Индо-Тихоокеанская стратегия Министерства обороны на 2019 год, Отчет” и “Государственный департамент в 2019 году: свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион”.

Обозначив Китай как соперника американской экономике, ценностям и безопасности, администрация Трампа вернулась к “принципиальному реализму” чтобы конкурировать с Китаем, и открыто признала, что две страны находятся в стратегическом соперничестве. Предыдущая администрация США признавала наиболее пагубные аспекты подъема Китая, но не выступала с таким открытым призывом к прекращению взаимодействия и началу соперничества за влияние.

Новая политика Трампа в отношении Китая отражает фундаментальную переоценку того, как Соединенные Штаты понимают и реагируют на усиление Китая и возводят его в ранг главной геополитической угрозы, опережая Россию и другие угрозы национальной безопасности США. В том, чтобы порвать с прошлым и осознать Китай как долгосрочного стратегического конкурента, администрация Трампа начала применять к нему “общегосударственный” конкурентный подход. Руководствуясь принципиальным реализмом, Вашингтон не видит “никакой ценности в том, чтобы взаимодействовать с Пекином ради символизма и зрелищности, и вместо этого требует ощутимых результатов и конструктивных развязок”. Согласно “Стратегическому подходу США к КНР”, конкуренция США обязательно включает в себя взаимодействие с КНР, но это взаимодействие носит избирательный характер и ориентировано на результат, и каждое из них продвигает национальные интересы США [262]. Поскольку американо-китайские претерпевают фундаментальные изменения, формируются новые рамки стратегического соперничества между США и Китаем.

Можно сделать несколько важных замечаний по поводу этих формирующихся рамок стратегического соперничества.

Во-первых, как однажды сказал Генри Киссинджер, старые добрые времена для американо-китайских отношений прошли, и мы никогда не вернемся к тому, что было; американо-китайские отношения нуждаются в переосмыслении [263].

Конкуренция, а не сотрудничество, стала главной темой двусторонних отношений, которые утратили свою стратегическую ценность, где экономические отношения стали “балластным камнем” для их стабилизации. Если ранее основой для этих отношений раньше было “стратегическое партнерство” против бывшего Советского Союза (до 1992 года) и против глобального терроризма (11 сентября), а также глобальное управление и регулирование региональных конфликтов и нераспространение ядерного оружия, то сейчас стратегического фундамента для этих отношений нет. Риск конфронтации и даже конфликта возрастает, поскольку мы видим “спираль негативной риторики”, направленной против друг друга. Плохой фактор заключается в том, что диалог между Соединенными Штатами и Китаем практически не ведется, поскольку Вашингтон не хочет “удовлетворять требования Пекина о создании надлежащей ”атмосферы“ или ”условий“ для диалога”[264]. Тень того, что Грэм Эллисон называет “ловушкой Фукидида”, сохраняется [265].

Во-вторых, нынешний раунд стратегического соперничества стал более масштабным, поскольку администрация Трампа расширила конкурентное пространство и ввела в игру множество инструментов власти и принуждения. Администрация Трампа стала более враждебной. В американском политическом сообществе никто не говорит о том, чтобы уравновесить конкуренцию с сотрудничеством в других областях. Масштабная конкуренция распространилась от Тайваня, Южно-Китайского моря и кибербезопасности до торговой войны, прекращения поставок технологий, наращивания военной мощи, идеологии и даже проблемы Гонконга. “Общегосударственный” подход Трампа направлен на то, чтобы различными способами оказать максимальное давление на Китай и расположить его к себе так, что управлять им в своих интересах. Есть пять областей, в которых администрация Трампа пытается склонить Китай в свою сторону: контроль над Индо-Тихоокеанским регионом, торговля и экономика, стремление Китая к альтернативным техническим стандартам, стремление к технологическому доминированию и военное продвижение Китая [266]. Однако оспаривание является сложным из-за тесных экономических связей между Соединенными Штатами и Китаем и взаимосвязанности глобальных торговых сетей. Когда началась торговая война между США и Китаем, политические обозреватели предупреждали, что

надвигается новая холодная война, а продолжающееся десятилетиями соперничество за власть может привести к враждебности и неоправданному пессимизму в международных отношениях и мировой политике. Когда американо-китайские отношения достигли нового пика, обе стороны стали привлекать союзников через различные инициативы, что еще больше разделило мир. Вашингтон перешел от стратегической неопределенности к стратегической ясности в конкурентной борьбе с Китаем, а структурная конкуренция стала менее управляемой.

Для Соединенных Штатов Китай является и еще долгое время будет оставаться важнейшим конкурентом великой державы. Согласно “Стратегическому обзору США”.

Подход к КНР”, администрация Трампа приняла “конкурентный подход к КНР, основанный на трезвой оценке намерений и действий КПК, переоценке многих стратегических преимуществ и недостатков Соединенных Штатов и терпимости к усилению двусторонних трений” [267]. Эта новая конкурентная стратегия США многогранна. Сфера безопасности еще одна область, в которой Вашингтон хочет принять жесткие меры. Среди различных инициатив Индо-Тихоокеанская стратегия США является основной конкурентной стратегией, нацеленной на Китай. В “Стратегии национальной безопасности США” соперничество между США и Китаем обозначается как “геополитическое соревнование между свободным и репрессивным видением мирового порядка”. Администрация Трампа начала более активно вести идеологическую войну против Китая, создав новый фронт китайско-американского соперничества. Китай является считается, что Трамп постоянно использует либеральные международные институты, чтобы стать сильнее и привлекательнее для других стран. Высокоставленные чиновники, такие как госсекретарь Майкл Помпео , не верят, что Соединенные Штаты могут изменить поведение Китая и его политическую систему путем взаимодействия. Вместо этого они утверждают, что Вашингтон должен занять жесткую позицию, чтобы изолировать Китай на международном уровне.

Что касается аспекта безопасности в конкурентной стратегии США, то американо-китайская конкуренция в области безопасности сложна и многогранна. Будущая игра за власть между США и Китаем, скорее всего, развернется в большом регионе, называемом “Индо-Тихоокеанский регион”. Стратегия Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наметила контуры конкурентного подхода США к Китаю на

ближайшие годы. Есть четыре важных компонента этой новой конкурентной стратегии США по отношению к Китаю: (1) наращивание военного потенциала США в Индо-Тихоокеанском регионе; (2) предоставление стратегических альтернатив под названием “Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион”, чтобы подрвать растущее влияние Китая с помощью инициативы или других средств в регионе; (3) мобилизация союзников и партнеров США для противостояния китайскому влиянию; и (4) использование региональных проблем, таких как конфликт в Южно-Китайском море, Тайваньская проблема и проблема Гонконга, чтобы контроля Китая. “Стратегия национальной обороны США на 2018 год” направлена на модернизацию и перепроектирование вооруженных сил США в противовес технологическим достижениям Китая, развитию вооруженных сил, а также растущему международному присутствию и самоутверждению в регионе [268].

В “Обзоре ядерной политики за 2018 год” содержится призыв к модернизации американской ядерной триады и развитию дополнительных возможностей для сдерживания Китая от применения оружия массового уничтожения или проведения других стратегических атак [269]. Военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе насчитывает 375 000 военнослужащих, что составляет 28 процентов от общей численности вооруженных сил, 60 % военно-морских сил и 55 % сухопутных сил. Готовясь конкурировать с Китаем, Пентагон сосредоточивает свои усилия на повышении боеготовности и смертоносности вооруженных сил США, а также на реформировании своей структуры управления и вооруженных сил [270].

В Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтон укрепляет и превращает систему партнерства США в архитектуру безопасности, которая помогает поддерживать “свободный и открытый” региональный порядок. Концепция “Индо-Тихоокеанского региона” не была американским изобретением. Администрация Трампа быстро подхватила эту концепцию и превратила ее в главный театр будущего геостратегического соперничества между США и Китаем. Идея Индо-Тихоокеанского региона возникла как Китай начал расширять свое влияние в рамках инициативы “Один пояс - один путь”. По мере того, как Китай укреплял и расширял свое экономическое и политическое влияние в регионе, Соединенные Штаты, Япония, Австралия и Индия стали опасаться нарушения им либерального статус-кво. Основная цель IPS США заключается в предоставлении стратегических альтернатив для подрыва растущего влияния Китая, с помощью BRI или других средств, среди стран, расположенных вдоль Индийского и Тихого океанов [271]. В ответ на общую

или схожую озабоченность в отношении Китая, выражаемую Японией, Австралией и, в некоторой степени, Индией, IPS также призвана укрепить американскую сеть союзников и партнерства в регионе, чтобы противостоять растущему экономическому и военному присутствию Китая в регионе. Администрация Д. Трампа стремилась противостоять китайской экспансии и добиться успеха в стратегическом противостоянии, заручившись поддержкой стран Индустриального Третьего мира, особенно в регионе Индийского океана, где Индия выступает ключевым противовесом Китайской Народной Республике. Трамп продолжил и усилил курс своего предшественника, Б. Обамы, на поддержку Индии как в экономической, так и в военной сферах. Администрация Обамы, учитывая напряжённые отношения между Индией и Китаем, рассматривала Индию как главного союзника в противостоянии с КНР и важного партнера в военной и экономической сферах. США предоставляли Индии кредиты, программы для улучшения инфраструктуры и поставки вооружений. При Трампе эта политика была расширена, что привело к подписанию в 2018 году Соглашения о коммуникациях и безопасности между Индией и США [272].

Этот документ предполагает обмен военной информацией, проведение совместных учений и поставку американского вооружения, необходимого для Индии. Суммарно с 2008 года Индия приобрела американского вооружения на сумму около 17 млрд долл.[273].

В докладе Министерства обороны США о стратегических планах Китая за 2020 год рекомендуется расширение присутствия ракет среднего радиуса действия в регионе Индо-Тихоокеанского региона для противодействия растущему военному потенциалу Китая. В документе подробно описывается, что Китай опережает США в скорости строительства кораблей. На сегодняшний день, китайский флот состоит из 350 кораблей и подводных лодок, включая 130 крупных надводных судов, в то время как американский флот включает 293 боевых единицы [274].

В отличие от “политики вовлечения” Обамы, Администрация Трампа приняла стратегию "око за око", чтобы ответить на вызов Китая в рамках "Пояса и пути". Вашингтон считает, что Китай использует амбициозные геоэкономические усилия для распространения своего стратегического влияния на Евразийский континент, от Тихого до Индийского океана, и на всем протяжении вплоть до Африки. В случае успеха Китай будет располагать большинством мировых экономических центров и контролировать основные торговые пути и доступ к природным ресурсам по всему

миру. Что касается Соединенных Штатов, то они по-прежнему обладают огромными рычагами воздействия, такими как военное превосходство, многочисленные альянсы, мощные международные организации, возглавляемые Западом, и мягкая сила для сбалансировки вызову Китая. В отличие от стратегии сдерживания США в отношении Советского Союза во время холодной войны, IPS пытается сдерживать Китай в тех местах, где Соединенные Штаты представляют жизненно важный стратегический интерес и могут сотрудничать со своими союзниками в создании “цепи”, которая пересекает Западную часть Тихого и Восточную часть Индийского океанов и окружает Китай с разных направлений.

Тайваньский вопрос был давней проблемой между Китаем и Соединенными Штатами и вновь стал важной проблемой в повестке дня китайско-американских отношений. Во время президентства Дональда Трампа тема Тайваня стала одной из наиболее сложных проблем в отношениях между Китаем и США. В Стратегии национальной безопасности США (2017 год) подтверждается, что США продолжают развивать отношения с Китайской Республикой. В документе говорится: "Мы будем поддерживать наши прочные связи с Тайванем в соответствии с нашей политикой 'одного Китая', а также в силу наших обязательств согласно 'Закону об отношениях с Тайванем' в вопросах обеспечения законных нужд Тайваня в обороне и сдерживании". В Индо-Тихоокеанской стратегии (2019 год) Тайвань, наряду с Сингапуром, Новой Зеландией и Монголией, назван "надежным, продуктивным и естественным партнером Соединенных Штатов Америки". В документе также упоминается, что США заинтересованы в поддержании международного порядка, основанного на правилах, и включающего в себя сильный, процветающий и демократический Тайвань [275].

Масштабы поддержки Тайваня Вашингтоном при администрации Трампа превзошли политику предыдущих президентов. Вашингтон продолжает оказывать помощь тайваньским военным, а Конгресс США принял Закон о поездках на Тайвань от 2018 года [276].

Китайские претензии на обширные территории в Южно-Китайском море, богатые нефтью, газом и рыбными ресурсами, вызывают споры с такими азиатскими государствами, как Тайвань, Бруней, Малайзия, Филиппины и Вьетнам, касательно принадлежности архипелага Спратли. В настоящее время КНР строит искусственные острова и устанавливает скважины для добычи природных ресурсов.

Администрация Трампа, более решительно настроена использовать все средства для эффективного сдерживания расширения военной мощи Китая. В 2017 году компания Американские военные четыре раза проводили операцию “свобода судоходства” в Южно-Китайском море: пять раз в 2018 году, девять раз в 2019 году и шесть раз в 2020 году к июлю. 13 июля 2020 года госсекретарь США объявил о новой позиции по морским претензиям в Южно-Китайском море, в которой он оспаривает, что претензии Пекина на морские ресурсы являются полностью незаконными [277]. Октября Министерство обороны США объявило, что Китай больше не будет приглашаться на ежегодные военные учения “Край Тихого океана” с 2018 года. В последние годы вооруженные силы США увеличили частоту совместных военных учений со странами, имеющими территориальные споры с Китаем. Австралия также усилила военное давление на Китай в Южно-Китайском море во время пребывания Малкольма Тернбулла на посту премьер-министра. В июле 2020 года Австралия и Япония впервые присоединились к Соединенным Штатам в военно-морских учениях в Южно-Китайском море в качестве заявления о сохранении Индо-Тихоокеанского региона “свободным и открытым”.

Спор о территориальной принадлежности архипелага Сенкаку между Китаем и Японией также является объектом внимания США, при этом также заявляет свои претензии на архипелаг и Тайвань. Важно отметить, что Соединенные Штаты активно участвуют в этом конфликте, поддерживая Японию. В 2017 году Дональд Трамп, встречаясь с премьер-министром Японии Синдзо Абэ в Вашингтоне, подтвердил, что согласно пятой статье Договора о сотрудничестве и безопасности между США и Японией (1960 год), Соединенные Штаты признают японское право на суверенитет над островами Сенкаку. В дополнение к этому, в январе 2018 года Япония и США провели учения по военной обороне островов Сенкаку [278].

Пандемия COVID-19 открыла беспрецедентные возможности, а также создала проблемы в отношениях между США и Китаем. Вместо того, чтобы воспользоваться этой исторической возможностью для сотрудничества в борьбе с глобальной угрозой общественному здравоохранению, политические обвинения и внутренняя политика в обеих странах еще больше ухудшили отношения. Пандемия показала, что у разных стран и отдельных людей нет иммунитета к коронавирусу. Вирус может поражать богатых и бедных, сильных и слабых. Социальные и экономические издержки пандемии COVID-19 огромные и высокие. Из-за различий в политических системах Китай и Соединенные Штаты по-разному справились с пандемией. Чтобы переложить

вину на других, Трамп и его советники рассматривают Китай в качестве мишени. Что касается китайцев, то они видят, что Трамп хочет использовать Китай в качестве козла отпущения за американскую проблему [279].

Позиция Пекина - это реакция Китая на вспышку демонстрация превосходства китайской системы управления, придание большей легитимности мировому лидерству Китая. Таким образом, эта война мнений о причинах вспышки и о том, чья система лучше, не только помешала двум странам наладить сотрудничество в борьбе с коронавирусом, но и еще больше усилила, а не ослабила конкуренцию между США и Китаем в области экономики, идеологии и безопасности.

Поскольку соперничество великих держав между США и Китаем выходит на первый план, Индо-Тихоокеанский регион становится одним из ключевых регионов, где разворачивается борьба за власть и влияние. Стратегическое соперничество между США и Китаем затронет практически все географические регионы и функциональные области международных отношений 21-го века. Десять лет назад, когда администрация Обамы разработала стратегию “поворота к Азии”, ответом Пекина стал грандиозный геэкономический план, направленный на расширение экономической мощи Китая вдоль древнего “Шелкового пути” на суше и на море. Десять лет спустя интересно наблюдать за тем, как Пекин реагирует на новый стратегический вызов со стороны Вашингтона. Хотя китайское правительство не представило никакого стратегического документа, подобного “белой книге”, чтобы официально отреагировать на IPS США, а также на концепцию "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона", авторы утверждают, что Пекин не хочет принимать ответные меры в ответ на IPS США. Вместо этого Китай отреагировал на новый вызов Америки более конструктивным, мирным и неконфронтационным образом. Пекин не хочет вступать в открытую конфронтацию с Вашингтоном в регионе, продолжая свою региональную дипломатию с целью смягчить возможные риски для национальной безопасности и расширить международное влияние Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами [280].

3.4 Результаты внешней политики Дональда Трампа на китайском направлении

Дональд Трамп сразу после занятия поста президента наметил резкий курс противостояния во внешней политике в отношении Китая по причине его экономических нарушений: кражи интеллектуальной собственности, валютных

манипуляций, экспортных субсидий и экономического шпионажа. Дональд Трамп настаивал, что необходимы агрессивные действия для защиты американских рабочих и сокращения большого дефицита двусторонней торговли Соединенных Штатов, и что кризис с коронавирусом демонстрирует необходимость привлечения Китая к ответственности. Такая негативная характеристика Трампа в отношении КНР была не только в экономической сфере, но и в военно-политической области. Администрация 45 президента США рассматривала Китай в качестве стратегического соперника, угрожающего его национальным интересам и безопасности. В силу данного фактора Дональд Трамп выбрал в качестве инструмента - силу сдерживания в отношении КНР.

Придерживаясь своей позиции, президент США вступил в эскалацию торговой войны с Китаем, введя тарифы на китайские товары стоимостью в сотни миллиардов долларов в несколько этапов, что вызвало ответные меры со стороны Китая, а также выход США из ТТП которое, согласно позиции администрации президента, находилось под влиянием КНР. Следствием вышеуказанных мер политика США стала системным антагонизмом, нежели совместной кооперации в борьбе с угрозами и противостоянию глобальным вызовам, как было ранее до президентствования Дональда Трампа, где сотрудничество еще играло важную роль. В 2019 году администрация официально назвала Китай валютным манипулятором, чем Трамп угрожал в течение многих лет, хотя это определение не возымело немедленного действия. Питер Наварро, торговый советник президента Трампа, даже назвал это “игрой с нулевой суммой между Китаем и остальными странами”. Подобные заявления высокопоставленных чиновников США подразумевают, что после четырех десятилетий конструктивного взаимодействия между Вашингтоном и Пекином поднимается экономический “железный занавес”. Напротив, президент Си Цзиньпин полностью осознает, что Китай сейчас переживает критический момент, и он изложил позицию Китая, выступая перед руководителями КПК в начале сентября 2019 года: “В отношении тех рисков или вызовов, которые ставят под угрозу руководство Коммунистической партии и социалистической системы Китая; в отношении тех, которые угрожают суверенитету, безопасности и интересам развития Китая; для тех, кто подрывает основные интересы и основные принципы Китая; а с теми, кто мешает Китаю осуществить великое национальное возрождение, мы будем вести решительную борьбу до тех пор, пока они существуют. И мы должны победить в этой борьбе”⁵⁴.

Так, администрация Трампа осудила “Сделано в Китае к 2025 году” - промышленную политику Пекина, направленную на то, чтобы сделать Китай мировым лидером в области передовых технологий. Американские политики скептически отнеслись к тому, что этот план опирается на государственные субсидии, кражу интеллектуальной собственности и иностранные приобретения.

Трамп поддержал реформу 2018 года, предоставляющую американским регулирующим органам больше полномочий для проверки иностранных приобретений Китаем и другими странами, и заблокировал несколько попыток продажи американских технологических компаний китайским фирмам.

Администрация Трампа еще со времен администрации Барка Обамы вошла в рамки трансформации двусторонних отношений в области кибербезопасности, охватывая 2013 и 2017 гг., где борьба с кибершпионажем и кражей интеллектуальной собственностью оставалась и остается до сих пор проблемой лидирующей в двусторонних отношениях в киберпространстве. Дональд Трамп выдвигал попытки совместного диалога двух держав по вопросам кибербезопасности, организовывая различные группы работ в киберпространстве, которая была заложена еще 2015 году. Помимо сосредоточения внимания на борьбе с киберкражей коммерческой тайны и авторских прав, механизм диалога расширил сотрудничество, чтобы охватить субъектов осуществления незаконной деятельности. Еще при администрации Барака Обамы попытка создать всеобъемлющий механизм диалога в киберпространстве потерпела неудачу из-за утечки Эдвардом Сноуденом плана Призмы и обвинения китайских военных офицеров. На втором этапе его председательствования были решены проблемы кибер-кражи деловых секретов, но был достигнут небольшой прогресс в других вопросах, связанных с киберпространством. При Дональде Трампе США также усилила ограничения в отношении крупных китайских технологических компаний, работающих в Соединенных Штатах, включая телекоммуникационного гиганта Huawei, опасаясь, что Пекин может манипулировать такими фирмами. Запретив использование программного обеспечения Китая и его аппаратных средств, США продвигали протекционистский подход во всех областях исследуемые в данной работе, что повлияло на торговую войну между государствами, которую начал Дональд Трамп. Влияние кибербезопасности на торговую войну между Китаем и США проявляется в конкуренции за данные о клиентах, которые являются источником больших данных для крупных технологических компаний каждой из двух стран. В интересах каждой страны, указывая на то, что кибербезопасность не является

главной причиной, но экономические причины являются основными причинами возникновения странами торговых конфликтов в экономическом секторе. Как уже говорилось, администрация Трампа обеспечила хорошие условия для роста национального технологического бизнеса в США, запретив иностранную продукцию, чтобы американские компании могли совершенствоваться благодаря технологическим достижениям, описанным в результате этого исследования. Политика Трампа также соответствовала предыдущему решению, принятому Обамой в 2015 году в отношении китайских полупроводниковых технологий и технологий искусственного интеллекта. Однако несмотря на попытки установления диалога на высших уровнях между США и КНР, как отмечалось ранее, в конечном этапе во время администрации Дональда Трампа усилия не привели к созданию эффективных координационных механизмов, что привело к частым изменениям этого механизма диалога в киберпространстве. В связи с этим двум державам необходимо решать вопросы кибербезопасности, включая сотрудничество правоохранительных органов, создание международных правил в киберпространстве, доступ к рынкам, и доверие между военными силами, при этом третий вопрос является наиболее спорным и включает в себя расследования по разделу 301, а четвертый вопрос касается военных и представляет наибольший риск.

Выстраивая политику в этом векторе США пренебрегали сотрудничеством с Китаем в тех сферах, которые бы пошли на пользу двум государствам, вследствие чего двусторонние отношения упали на самый нижний уровень своих взаимоотношений.

Осуществляя политику стратегической конкуренции с КНР бывшие институты кооперации двух держав утратили свою значимость. Встречи “один на один” были в приоритете у 45 президента США с элементами политических ультиматумов и постоянной напряженности, нежели встречи между ведомствами государств и других институтов, которые ранее играли важную роль в поддержании двусторонних отношений, что сделало негативный отпечаток на двусторонних отношениях США и КНР.

В момент возникновения коронавирусной инфекции Дональд Трамп обвинил руководство Китая в сокрытии масштабов кризиса, пригрозил новыми тарифами и другими ответными мерами, а также ввел стимулы, чтобы побудить американские компании вывести свои цепочки поставок за пределы Китая, что также негативно

сказалось на двусторонних отношениях и побудили к волне новых экономических санкций в отношении друг друга.

Военно-политическое измерение двух держав также приобрел характеристику усиленного напряжения.

Дональд Трамп критично высказывался в отношении предыдущих администрации за то, что они были слишком сговорчивы с Китаем, особенно администрацию президента Барака Обамы и его вице-президента, кандидата от демократической партии Джо Байдена. В июле 2020 года администрация президента объявила, что отвергнет почти все территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море, сославшись на “кампанию запугивания” Пекина в спорных водах.

Одной из особенностей этого периода стало более активное отступление США от политики «одного Китая», что проявилось в увеличении поставок современного вооружения Тайваню. Общая стоимость экспорта американского оружия на Тайвань достигла рекордных 15 миллиардов долларов США. В 2020 году, во время правления Трампа, американские военно-морские силы прошли через Тайваньский пролив 13 раз, что значительно превышает показатели предыдущего президента Барака Обамы, когда такие проходы происходили от одного до трех раз в год.

Подводя итог, внешнеполитическое измерение и экономическое двух держав приобрели нестабильных характер, в связи с целью США удержать статус лидера не только в Индо-Тихоокеанском регионе, но и на международной арене. Политика Дональда Трампа и его предшественников абсолютно различались в подходах выстраивания взаимоотношений с Пекином. Если противостояние между США и Китаем продолжит усиливаться, человечество столкнется с периодом неопределенности, в течение которого почти никто не будет играть по правилам и все будут стремиться сохранить стратегическое преимущество перед другими участниками международных отношений. Нет сомнений в том, что поведение двух крупнейших экономических держав окажет огромное влияние на стабильность мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны. Закрывание внутренних рынков стран, объявивших о либерализации экономики, неизбежно приведет к сокращению притока наличности. Последствия могут ощутить на себе все заинтересованные стороны мирового рынка; и развивающиеся страны уже оказались в рискованном положении, столкнувшись с различными интересами, поскольку они пытаются сохранить функционирование своих рынков в условиях все более

нестабильного мирового порядка. Глобальная безопасность окажется под особой угрозой, учитывая, что сотрудничество крупных держав необходимо для безопасности каждой страны.

Чтобы преодолеть эти препятствия, необходимо будет вновь сделать акцент на мировом порядке, основанном на искреннем сотрудничестве стран, основными движущими силами которого являются общие выгоды. Необходимым условием для этого является то, что Соединенные Штаты перестанут мыслить индивидуально, потому что это единственный способ вернуть

себе образ доброжелательного мирового лидера. Чтобы добиться успеха в этом отношении, Соединенные Штаты должны

Администрации Трампа необходимо руководствоваться примерами из истории. Даже на пике своего могущества в 1945 году лидеры США понимали, что их стране вредно находиться в изоляции. Поэтому они решили использовать мощь США для преобразования международной политики и создания мира с институтами, соответствующими стандартам США, которые будут оплотом глобального военного превосходства. Президент Теодор Рузвельт также считал, что “мы поняли, что не можем жить в мире в одиночку”.; что наше собственное благополучие зависит от благополучия других народов, находящихся далеко отсюда... Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества”. Такие слова как нельзя лучше были восприняты народами других стран, которые в последующие десятилетия приняли американское лидерство и поддержали Вашингтон в защите западных ценностей.

Однако по мере того, как геэкономика уступает место геополитике, будет очень трудно преодолеть существующие разногласия между США и Китаем без того, чтобы одна из сторон не отошла в сторону, что маловероятно, учитывая глобальные тенденции и необходимость того, чтобы оба лидера учитывали общественное мнение и демонстрировали силу во внутренней политике.

Таким образом, 45 президент США передал негативный “багаж” последствий внешнеполитического курса стратегической конкуренции Джо Байдену, который не справился “с управлением” и стал объектом критики граждан США.

Сделав сравнительный анализ двух политических лидеров США- Дональда Трампа и Джо Байдена, первый из которых одержал на сегодняшний день победу в состязании “зрительских симпатий”, становится очевидно в его предстоящей выборской кампании президента в ноябре 2024 года. В связи с несомненной актуальностью данного вопроса необходимо выдвинуть перспективы внешнеполитического курса Дональда Трампа в отношении КНР, в случае его победы в президентской кампании в этом году.

3.5 Перспективы внешнеполитического курса на китайском направлении Дональда Трампа, в случае победы в президентской выборной кампании в ноябре 2024 года

В связи с внешнеполитической стратегии США Дональд Трамп вероятнее всего, будет придерживаться одностороннего подхода к КНР из-за необходимости сосредоточения на прямых двусторонних переговорах с лидером КНР в соответствии с его интересами. Первостепенная линия внешнеполитической стратегии США еще в период первого президентствования Дональда Трампа - Америка прежде всего останется на своем месте, которая будет оказывать влияние на внешнеполитический курс в отношении КНР. Это касается нежелание Трампа вовлекать США в негодные ей партнерские, союзнические отношения, что существенно уменьшит давление на КНР.

Опираясь на позицию Трампа, в недавнем интервью, высказал свою позицию, что именно тарифы освободят экономику США от власти иностранного производства и подтолкнут промышленный ренессанс в США. По оценкам независимых аналитиков, тарифы Трампа на первый семестр на тысячи продуктов, включая сталь и алюминий, солнечные батареи и стиральные машины, возможно, стоили США 316 млрд долл. в и более 300 000 рабочих мест. Его советники утверждают, что средний годовой уровень инфляции в его первом семестре - менее 2% - является доказательством того, что его тарифы не повысят цены, так как индекс потребительских цен вырос менее чем на 8% за четыре года по сравнению с примерно 18% при Байдене. Следовательно, Дональд Трамп вероятно будет придерживаться тактики “America first” и методов протекционизма и в экономических отношениях с КНР, окружая американскую промышленность тарифом, ранее установленным 10% на импортные товары и 60% на китайские товары, или возможно, даже повышение данных тарифов на некоторые китайские товары, в связи с положительным влиянием данных мер на американское производство, однако, что принесет новую волну сбоев

в цепочках поставок, а также натолкнет КНР на поиск альтернативных рынков[281]. Более того, администрация Байдена сохранила многие тарифы Трампа [282]. В реальности же высокие тарифы и барьеры не привели к значительному росту производства в США, и не достигли сокращения дефицита торгового баланса между странами, что стало причиной роста издержек предприятий, а также снижению конкурентоспособности товаров США на мировом рынке [283]. При этом, предложенная Байденом Индо-Тихоокеанской экономической рамочной программы (IPEF), которая направлена на то, чтобы предложить региону альтернативу растущему торговому влиянию Китая, не признается Дональдом Трампом и не будет продвигаться, в случае его победы [284].

Изначально заявленная Дональдом Трампом резкая антикитайская направленность говорит о возможном апогее торговой войны. Несмотря на этот факт, в 2023 году Дональд Трамп предлагал ввести дополнительные новые тарифы на импортные товары КНР, что было отвергнуто большинством гражданами республиканских взглядов. Таким образом, напрашивается вывод о смещении фокуса торговой войны на фокус противостояния в области киберпространства.

Намерение Трампа переделать отношения Америки за рубежом может быть таким же последовательным. Если ранее США стремились строить и поддерживать альянсы, основанные на общих ценностях политической и экономической свободы, то Дональд Трамп использует гораздо более транзакционный подход к международным отношениям, чем его предшественники, выражая презрение к тому, что он считает свободными друзьями, и признательность авторитарным лидерам, таким как президент Китая Си Цзиньпин.

Во время президентствования Джо Байдена, сфера технологии стала трактоваться как важнейший элемент стратегического соперничества с Китаем. Вследствие этого Джо Байден продолжает активную борьбу с предоставлением доступа КНР к технологическим продуктам через ограничения и санкции в отношении китайских организаций.

Окончательное ключевое влияние, формирующее соперничество между США и Китаем, отражает тот факт, что это два мировых лидера в области явно новых кибертехнологий с неопределенными, но потенциально тревожными военными последствиями в будущем. В результате во время кризиса или на ранних стадиях военной конфронтации и США, и Китай столкнутся с стимулами для наращивания

своей готовности к инициативе, прежде чем другая сторона сможет нарушить свою способность координировать военные действия и оценивать угрозы. В стратегическом анализе важность этих сложных технологий для военных операций увеличивает давление, чтобы действовать упреждающе, а не проявлять терпение и сдержанность, которые облегчают кризисное управление и деэскалацию. Этот новый источник нестабильности усугубляется возможностью того, что кибератаки во время конфликта между великими державами привнесут новые риски эскалации "кросс-доменов" и подорвут доверие к надежности ядерного сдерживания. Кибератаки могут легко представлять угрозу для космических активов и других элементов систем командования и управления, которые вместе с оружием и системами доставки необходимы для надежного ядерного сдерживания.

Необходимо отметить, что госдепартамент США объявил о запуске новой международной инициативы в области цифровых технологий. Госсекретарь США Энтони Блинкен выступил с заявлением о цифровой солидарности на конференции RSA в Калифорнии 7 мая. Основная цель новой стратегии - сотрудничество с союзниками для защиты от киберугроз, где Китай, и Россия, Северная Корея и Иран названы преступными и враждебными акторами. Ключевое направление - формирование норм регулирования интернета. США также планируют расширить союзнические обязательства в области кибербезопасности и улучшить инфраструктуру подводных интернет-кабелей. текущая стратегия строится на предыдущих инициативах администрации Дональда Трампа и будет реализовываться в координации с другими ведомствами. Следовательно данная линия будет продолжаться следующим президентом независимо какая партия одержит победу в выборах 2024 г. Таким образом сфера безопасности в киберпространстве начинает занимать одну из центральных позиций в области противоречий двусторонних противоречий и будет смещать центр внимания с торговой войны на области кибербезопасности.

Опыт холодной войны свидетельствует о том, что соперничающие сверхдержавы, обладающие ядерным оружием, осознают ужасные последствия смелого перехода от даже глубокой враждебности к войне. Явный и неизбежный страх перед быстрыми, очевидно катастрофическими последствиями является мощным стимулом для современных сверхдержав признать, что их интересам лучше всего отвечает умение жить как противники, несмотря на их антагонизм.

Для того чтобы усилия по обеспечению кибербезопасности были эффективными, важно двустороннее сотрудничество. Отсутствие актуальных новостей об отношениях США и Китая в области кибербезопасности вызывает опасения по поводу направления действий США и последствий для американо-китайского соглашения о кибербезопасности. Со стороны властей двух держав необходимо провести дополнительную работу по предотвращению краж интеллектуальной собственности, например, помешать хакерам, спонсируемым правительством, взламывать компании.

Тем не менее, необходимо признать наличие компромиссов в двустороннем сотрудничестве. Поскольку на Интернет приходится значительная доля экономики, важно учитывать вопросы безопасности и экономического роста, а также компромиссы между двумя странами. Кроме того, по-видимому, остается нерешенный вопрос о разобщенности. Китаю необходимо приложить больше усилий для сдерживания атак, поскольку в настоящее время для этого мало стимулов. США необходимо обновить свои планы в области кибербезопасности, чтобы повысить устойчивость кибербезопасности и продолжить усилия Обамы по защите критически важной инфраструктуры от киберугроз. Как указано в исполнительном указе Трампа, это выглядит многообещающе. Кроме того, необходимо более тщательно изучить вопрос о том, уменьшился ли кибершпионаж или эти атаки были переданы на аутсорсинг или стали более изоциренными.

Касательно сферы военно-политической, то конфликты в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море занимают ключевые позиции. Исход выборов в Тайване на данный момент имеет ключевое значение для определения дальнейшей стратегии США в отношении КНР. Новый лидер Тайваня, Лай Цзиньде, сторонник независимости и близких отношений с США, призывает к укреплению связей между Тайбэем и Вашингтоном, что может привести к увеличению напряженности, однако смелых и непредсказуемых действий в данной проблематике маловероятны, так как места в однопалатном законодательном юане (113) партия уже не занимает большинства, и утратила свое преимущество. Также стоит отметить, что Китай начал военные учения возле берегов Тайваня вскоре после инаугурации Лай Цзиньде. Эти действия были восприняты как предупреждение от Пекина относительно сепаратистских сил и вмешательства в регион со стороны внешних сил, включая США. Таким образом, ситуация в регионе остается напряженной, и различные стороны выражают свои позиции и требования [285].

Заключение

Политика США по отношению к Китаю при правлении Дональда Трампа была сосредоточена на увеличении давления на КНР из-за ее увеличивающегося влияния. Через целый ряд доктрин, концепций и практических инициатив администрация Д. Трампа сильно изменила американо-китайские отношения в направлении системного противостояния. Китай был представлен как главный источник проблем и угроз для Соединенных Штатов.

Мотивация такой политики заключалась в том, что предыдущие администрации позволили КНР нарушить интересы и безопасность США. Поэтому для администрации Трампа единственным путем было жесткое соперничество с Китаем в различных областях. Однако такой курс политики привел к серьезным последствиям.

Антикитайские настроения укоренились в американском обществе и истеблишменте. Американо-китайские отношения стали одним из немногих вопросов, объединивших республиканцев и демократов. Позиции партий по отношению к Китаю стали ближе друг к другу, что привело к двухпартийному консенсусу по разработке законов относительно КНР.

Трамп отклонился от различных совместных инициатив и провел политику сдерживания, что поддержала американская политическая элита и общество. Политика сдерживания также привела к усилению идеологических конфликтов. Команда Трампа использовала идеологическое давление на Китай, обвиняя его в нарушении прав человека и других проблемах.

Анализируя законодательные основы в области кибербезопасности США и Китая, видно, что обе страны осознают важность интернета и наращивают усилия для укрепления национальной информационной безопасности и внесения вклада в развитие международного киберпространства. Есть конфликты и противостояние между США и Китаем в киберпространстве, вызванные разногласиями в других аспектах. Китайский шпионаж и американская слежка создают киберугрозы, но обе страны стремятся к диалогу и сотрудничеству в этой области. Без общепринятых норм поведения в интернете дальнейшее международное сотрудничество затруднительно, но развитие этических принципов кибербезопасности способно помочь разрешить

споры. США и Китай, будучи ключевыми игроками в мировом киберпространстве, могут достичь успеха через сотрудничество и установление общих норм. Готовность к сотрудничеству в решении кибербезопасности может усилить международные усилия по обеспечению безопасного киберпространства.

Активизации антикитайской политики США при Дональде Трампе способствовали также его сторонники: М. Пенс, Р. Тиллерсон, М. Помпео, Д. Н. Мэттис, П. Наварро, Р. Лайтхайзер, Дж. Болтон, Г. Макмастер и С. Мнучин. Также, согласованность между исполнительными ведомствами и американским конгрессом в разработке и принятии антикитайских решений.

Итак, в период с 2017 по 2021 год внешняя политика США по отношению к Китаю привлекла внимание из-за важности отношений между этими двумя странами для международной системы. Соперничество между США и Китаем усилилось быстро, превысив количество ограничений из предыдущих лет. Перспектив для улучшения отношений пока нет, даже после смены президента, так как Китай остается основным соперником. Таким образом, целью администрации Дж. Байдена остается сдерживание Китая по экономическим, военным, технологическим и политическим вопросам.

В целом, антикитайская политика США при Дональде Трампе негативно повлияла на отношения между странами, мировую экономику и безопасность, а также на роль США на мировой арене. Такие действия усилили глобальную нестабильность.

Список литературы

1. GDP growth (annual %) - China // World Trade Organization. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>
2. GDP, PPP (current international \$) // World Trade Organization. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>
3. КНР и ООН // Независимая. 31.10.2011. URL: https://www.ng.ru/courier/2011-10-31/9_knr_oon.html
4. TROOP AND POLICE CONTRIBUTORS // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>
5. United Nations Peace Operations // United Nations Peacekeeping. URL: [United Nations Peace OperationsUnited Nations Peacekeepinghttps://peacekeeping.un.org/sites/files/yir2010](https://peacekeeping.un.org/sites/files/yir2010)

6. China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development // Center for International Knowledge on Development. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/topics_665678/2030kcxzyc/202310/P02023101836725723_4614.pdf
7. Making Every Effort for Peace and Development and Shouldering the Responsibility for Solidarity and Progress. 25.09.2022. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/202209/t20220925_10771160.html
8. Стрельцов Д.В. Конфликты в Восточной Азии: в чём отличие от Европы? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 140–151.
9. Military expenditure by country, in constant (2016) US\$ m., 1988-1997 (see below for 1998-2017) // Sipri 2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/1_Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932017%20in%20constant%20%282016%29%20USD.pdf
10. The Military Balance 2024 // The International Institute for Strategic Studies. URL: <https://www-iiss-org.translate.goog/publications/the-military-balance/? x tr sl=en& x tr tl=ru& x tr hl=ru& x tr pto=sc>
11. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress. 11.03.2017. URL: http://is.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/201711/t20171106_6673284.htm
12. SUNAC CHINA HOLDINGS LIMITED 融創中國控股有限公司. URL: [SUNAC CHINA HOLDINGS LIMITED 融創中國控股有限公司企查查](http://qccdata.qichacha.com) <http://qccdata.qichacha.com> › Disclosure
13. The 2020 Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // United States Department of Defense. URL: <https://navyleaguehonolulu.org/maritime-security/ewExternalFiles/2022-military-and-security-developments-involving-the-peoples-republic-of-china.pdf>
14. Science & Engineering Indicators 2018 // National Science Board. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/assets/nsb20181.pdf>
15. Китай: топ-15 технологических трендов цифровой трансформации // ИСИЭЗ. 21.09.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/860964524.html>
16. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 («14-й пятилетний план экономического и социального развития и

- долгосрочных целей Китайской Народной Республики до 2035 года»).13.03.2021. URL: [中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要](#)
17. China's digital economy hits 7.1 trln USD: white paper // Xinhua. 30.07.2017. URL: <https://english.news.cn/20220730/7ca9d8ab61ae4657aae0ec8c38381f57/c.html>
18. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 («14-й пятилетний план социально-экономического развития КНР и долгосрочные цели на 2035 год (проект)»). URL: [Hw.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm](http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm)
19. 工信部:新材料产业预计到2025年产值将达10万亿元 // SINA. 12.02.2018. URL:<http://news.sina.com.cn/c/nd/2018-02-12/doc-ifyrmfmc1834614.shtml>
20. 材料“黑金”碳纤维：行业壁垒高，产品附加值大 // TRUCHUM. 14.07.2021. URL:<http://www.ahcjxc.com/news/577167.htm>
21. Китай впервые протестировал 3D-принтер в космосе // СИНЬХУА НОВОСТИ // Russian.News.Cn. 09.05.2020. URL:http://russian.news.cn/2020-05/09/c_139043850.htm
22. 2021年我国"5G+工业互联网"在建项目超过1800个 // 中华人民共和国中英人民政府. 15.11.2022. URL:https://www.gov.cn/xinwen/2022-11/15/content_5727117.htm
23. 大湾区首个5G智慧港口开港 // XIHUA. 15.11.2021. URL:http://m.news.cn/gd/2021-11/15/c_1128063632.htm
24. Cloud services spend in China hits US\$7.3 billion in Q1 2022 // Canalys. 08.06.2022. URL:<https://www.canalys.com/newsroom/china-cloud-market-Q1-2022>
25. China and the World in the New Era // The State Council Information Office of China (SCIO) // White Paper 2019. URL: http://english.scio.gov.cn/node_8014488.html
26. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知 // 中华人民共和国中英人民政府. 08.07.2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm
27. Annual growth rate of the big data industry in China from 2018 to 2022 // Statista. 03.20.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1284407/china-growth-rate-of-big-data-industry/>
28. IDC报告：2025年中国“数据圈”资源将领先全球 // 环球网. 03.03.2019. URL: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnKiEIE>
29. 麦肯锡全球研究院。中国数字经济如何引领全球新趋势 //

- McKinsey&Company.
URL:<https://ai.gdufe.edu.cn/upload/article/files/d7/57/c77065524fe289529303f0d8531a/36211630-6448-45db-adeb-c5a497d73956.pdf>
30. China's world Big Data Expo 2022 to boost global digital economy // CGTN.
25.05.2022. URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-05-25/China-s-world-Big-Data-Expo-2022-to-boost-global-digital-economy-1ak9iTHMfTy/index.html>
 31. E-COMMERCE PARTICIPATION AND HOUSEHOLD INCOME GROWTH IN TAOBAO VILLAGES // Poverty & Equity Global Practice Working Paper 198.
URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/839451555093213522/pdf/E-Commerce-Participation-and-Household-Income-Growth-in-Taobao-Villages.pdf>
 32. China Launches Digital Yuan App – All You Need to Know // China briefing.
22.09.2022. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-launches-digital-yuan-app-what-you-need-to-know/>
 33. China's digital currency passes 100 bln yuan in spending – PBOC // REUTERS.
13.07.2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/chinas-digital-currency-passes-100-bln-yuan-spending-pboc-2022-10-13/>
 34. 数字人民币App正式上架 // SOHU.COM. 05.01.2022. URL:
https://www.sohu.com/a/514489946_116190
 35. Lucy Handley.How China turned to telehealth during the coronavirus // CNBC.
18.10.2020. URL: <https://www.cnbc.com/how-china-turned-to-telehealth-during-the-coronavirus/>
 36. Yi Shan, Meng Ji, Wenxiu Xie, Xiaomin Zhang, Xiaobo Qian, Rongying Li, Tianyong Hao. Use of Health Care Chatbots Among Young People in China During the Omicron Wave of COVID-19: Evaluation of the User Experience of and Satisfaction With the Technology. 09.06.2022. URL:
<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35576058/>
 37. Lu-Hai Liang. Chinese video games are on the rise, but I wish they got more respect.
21.08.2021. URL: <https://www.theguardian.com/games/2023/aug/21/chinese-video-games-are-on-the-rise-but-i-wish-they-got-more-respect>
 38. China and the World in the New Era // The State Council Information Office of China (SCIO) // White Paper 2019. URL: http://english.scio.gov.cn/node_8014488.html
 39. China and the World in the New Era // The State Council Information Office of China (SCIO) // White Paper 2019. URL: http://english.scio.gov.cn/node_8014488.html
 40. Авдокушин Е. Ф. Международные экономические отношения. М. : Юристъ, 2013. 368 с.

41. Friedberg, A. Are We Ready for China / A. Friedberg // Commentary. – 2007. – Vol. 124, No 3. – P. 39–43.
42. Dan Balz. Bush Favors Internationalism // The Washington Post. 19.10.1999. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1999/11/20/bush-favors-internationalism/1eaf99e0-538e-431e-b4ec-af00b0ac897b/>
43. In Bush's Words: 'Join Together in Making China a Normal Trading Partner' // The New York Times. 18.05.2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/05/18/world/in-bush-s-words-join-together-in-making-china-a-normal-trading-partner.html>
44. American Foreign Policy 1950-1955 // Basic Documents Volumes I and II Department of State Publication 6446 General Foreign Policy Series 117 Washington, DC : U.S. Governemnt Printing Office, 1957. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/american-foreign-policy-19501955-basic-documents-department-of-state-general-foreign-policy-series-117-publication-6446-washington-d-c-u-s-government-printing-office-195758-vol-i-pp-lx-1708-vol-ii-pp-ixxxv-17093245-index-525-each-1050-a-set/AF612A4CCCA115C6AE5C8B460B46633E>
45. Dan Balz. Bush Favors Internationalism // The Washington Post. 19.10.1999. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1999/11/20/bush-favors-internationalism/1eaf99e0-538e-431e-b4ec-af00b0ac897b/>
46. Steven Lee Myers . Rumsfeld's Office Reverses China Ban // The New York Times. 03.05.2001. URL: <https://www.nytimes.com/2001/05/03/world/rumsfeld-s-office-reverses-china-ban.html>
47. Confirmation Hearing by Secretary-Designate Colin L. Powell_// The U.S. Department of State. 17.01.2001. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/443.htm>
48. Steven Lee Myers . Rumsfeld's Office Reverses China Ban // The New York Times. 03.05.2001. URL: <https://www.nytimes.com/2001/05/03/world/rumsfeld-s-office-reverses-china-ban.html>
49. H.R.4444 - To authorize extension of nondiscriminatory treatment (normal trade relations treatment) to the People's Republic of China, and to establish a framework for relations between the United States and the People's Republic of China. 106th Congress (1999-2000). URL: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4444>

50. Powell calls China visit 'very productive' // CNN/WORLD. 28.07.2001.
URL:<https://edition.cnn.com/2001/WORLD/asiapcf/southeast/07/28/china.powell/index.html>
51. US—China Economic Relations: The Next Stage John Frisbie, Michael Overmyer No. 692, China and East Asia (SEPTEMBER 2006), pp. 243-249 (7 pages)
52. 2002 Country Reports on Human Rights Practice // U.S. Department of State URL:
<https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/>
53. Press Conference With Secretary of Defense Donald Rumsfeld, Admiral Dennis C. Blair, Foreign Minister Alexander Downer, Minister of Defense Peter Reith, and Admiral Chris Barrie. 30.01.2001. URL:<https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/4350.htm>
54. БурумаЯ. Последний из неоконсерваторов // Project Syndicate. 2008.
URL:<http://www.project-syndicate.org/commentary/buruma20/Russian>.
55. U.S., China Stand Against Terrorism // Remarks by President Bush and President Jiang Zemin in Press Availability Western Suburb Guest House (Shanghai, People's Republic of China). 2001. URL:<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/10/20011019-4.html>
56. Statement on President Bush's Budget Request for FY 2003 // U.S. Department of State. 05.02.2002. URL:<https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2002/7797.htm>
57. Resolution 1441 (2002) / adopted by the Security Council at its 4644th meeting, on 8 November 2002 // UN. Security Council.
URL:<https://digitallibrary.un.org/record/478123?ln=ru&v=pdf>
58. THE NATIONAL SECURITY STRATEGY // The White House. President George W. Bush. 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
59. THE NATIONAL SECURITY STRATEGY // The White House. President George W. Bush. 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
60. THE NATIONAL SECURITY STRATEGY // The White House. President George W. Bush. 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
61. Evelyn Iritani. U.S. Warns China on Currency // LOS ANGELES TIMES. 18.05.2005. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2005-may-18-fi-trade18-story.html>

62. Курнишова, Ю.В. Американско-китайське суперництво на сучасному етапі: тенденції та особливості/ Ю.В. Курнишова // Стратегічні пріоритети. – 2009. – No 2(11). – С. 257–265.
63. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
64. Тимофеев, О.А. Американско-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции/ О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.
65. Robert B. Zoellick, Deputy Secretary of State. Whither China: From Membership to Responsibility? // U.S. Department of State. 21.09.2005. URL:<https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm>
66. THE NATIONAL SECURITY STRATEGY // The White House. President George W. Bush. 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>
67. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
68. Отношения США – Китай: события, мотивации, глобальный контекст / С.М. Труш// США – Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – No 2. – С. 25–42.
69. Wang, Jisi.China’s Search for Stability with America /Jisi Wang // Foreign Affairs. –2005. – September/October. – Vol. 84, No 5. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles//61019/wang-jisi/chinas-search-for-stability-with-america>.
70. Snyder,C.USOfficialsHintatMeetingwithChen/C.Snyder//TaipeiTimes.–2006.–February24.–P.3.
71. Ларин, А. К итогам всеобщих выборов на Тайване. Настало время перемен? / А. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – No 3. – С. 35–42
72. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
73. Трифонов, В. Тайваньский вопрос на современном этапе / В.Трифонов // Проблемы Дальнего Востока. - 2009. - №3. - С. 28-36
74. Shirley A. Kan.Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990 // The Congressional Research Service (CRS). 29.08.2014. URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL30957.pdf>

75. Давыдов, А. США – КНР: партнерство или соперничество? Азия и Африка сегодня. –2008. – No 6. – С. 2–9.
76. Тимофеев, О.А. Америко-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции/ О.А. Тимофеев // Современный Китай в системе международных отношений / А.А. Киреев [и др.]; отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: Либроком, 2013. – С. 82–127.
77. Glaser, B. U.S. – China Relations: Disharmony Signals End to Post-Sept. 11 Honeymoon / B. Glaser, J. Skanderup // Comparative Connections [Electronic resource]. – 2005. – July. – Vol. 7, No 2. – Mode of access: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0502qus_china.pdf.
78. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
79. Лексютина, Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий / Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 230 с.
80. Давыдов, А. США – КНР: партнерство или соперничество? Азия и Африка сегодня. –2008. – No 6. – С. 2–9.
81. Joint Press Statement by President Obama and President Hu of China // The White House. 17.11.2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/joint-press-statement-president-obama-and-president-hu-china>
82. The US-China Business Council. US Exports to China by State 2004–2013. – URL: <http://uschina.org/sites/default/files/2013%20US%20Exports%20to%20China%20by%20State.pdf>
83. U.S.-China Trade Facts. Office of the United States Trade Representative. Mode of access: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>
84. Trade in Goods with China Available years: 2024 | 2023. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html>
85. Рамочная Конвенция об изменении климата // Организация Объединенных Наций. 30.03.2010. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/rus/11a01r.pdf>
86. Remarks on Internet Freedom // The U.S. Department of State. 21.01.2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm#:~:text=On%20their%20own%2C%20new%20technologies,and%20others%20make%20of%20it.>

87. Shirley A. Kan. Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990 // The Congressional Research Service (CRS). 29.08.2014. URL: <https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL30957.pdf>
88. China's Arrival: A Strategic Framework for a Global Relationship / edited by A. Denmark, N. Patel. Washington, D.C., Center for a New American Security. 2009. URL: https://lbj.utexas.edu/sites/default/files/file/news/CNAS%20China's%20Arrival_Final%20Report-3.pdf
89. The 2010 National Security Strategy of the United States of America // Obama White House Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf
90. Bergsten C.F. The United States and the World Economy: Foreign Economic Policy for the Next Decade. Washington DC: Institute for International Economics. 2005. 454 p.
91. Brzezinski Z. The Group of Two that could change the world. *Financial Times*. 2009. January 13. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>
92. 温家宝20日在布拉格出席第十一次中欧领导人会晤 // 中华人民共和国中央人民政府. 2009年05月21日. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2009-05/21/content_1320547.htm
93. 温家宝18日在钓鱼台国宾馆会见美国总统奥巴马 // 中华人民共和国中央人民政府. 2009年11月18日. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2009-11/18/content_1467520.htm
94. America's Pacific Century // The U.S. Department of State. 10.11.2011 URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>
95. Tiezzi, Sh. Can President Xi's September Visit Save US-China Relations? / Sh. Tiezzi // The Diplomat. 29.08.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/08/can-president-xis-september-visit-save-us-china-relations/>
96. Background Briefing by a Senior Administration Official on the President's Meetings at Asean and East Asia Summit // Obama White House Archives. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/19/background-briefing-senior-administration-official-presidents-meetings-a>
97. Background Briefing by a Senior Administration Official on the President's Meetings at Asean and East Asia Summit // Obama White House Archives. URL:

- <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/19/background-briefing-senior-administration-official-presidents-meetings-a>
98. Singapore seeks AMRAAM and AIM-9X Sidewinder missiles from US // Airforce Technology. 2013. URL: <https://www.airforce-technology.com/news/newssingapore-seeks-amraam-and-aim-9x-sidewinder-missiles-from-us/>
99. THE GUIDELINES FOR JAPAN-U.S. DEFENSE COOPERATION // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html>
100. The 2014 Quadrennial Defense Review // U.S. Department of Defense Fact Sheet. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/20140302_FINAL_QDR_Fact_Sheet_v13_CLEAN.pdf
101. Денисов, И. Китай — США: рамки сближения / И. Денисов] // Российский совет по междуна- родным делам. 16.06.2015. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2015-3/2015-2-kosov>
102. The 2015 National Security Strategy of the United States of America // Obama White House Archives. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf
103. 2014 Annual Report to Congress Released by U.S.-China Economic & Security Review Commission // U.S.-China economic and security review commission. 21.11.2014. URL: <https://www.andrewerickson.com/2014/11/2014-annual-report-to-congress-released-by-u-s-china-economic-security-review-commission/>
104. Handbook of Statistics 2018 // UNCTAD Statistics 2018. URL: <https://unctad.org/publication/handbook-statistics-2018>
105. Statement by the President: United States Policy Toward China // NATIONAL ARCHIVES HARRY S. TRUMAN. 18.12.1946. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/265/statement-president-united-states-policy-toward-china>
106. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of China; December 2, 1954 // The Avalon Project Documents in law, History and Diplomacy // Yale Law School Lillian Goldman Law Library. 1954. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp

107. Joint Communiqué of the People's Republic of China and the United States of America (February 28, 1972) // 中华人民共和国驻美利坚合众国大使馆.
URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zmgx/zywj/lhgb/200310/t20031023_4917616.htm
108. Joint Communiqué of the People's Republic of China and the United States of America (December 16, 1978) // 中华人民共和国驻美利坚合众国大使馆.
URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zmgx/zywj/lhgb/200310/t20031023_4917623.htm
109. Joint Communiqué of the People's Republic of China and the United States of America (December 16, 1978) // 中华人民共和国驻美利坚合众国大使馆.
URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zmgx/zywj/lhgb/200310/t20031023_4917623.htm
110. Joint Communiqué between the People's Republic of China and the United States of America (China-US August 17 Communiqué) // China through a lens.
URL: <http://www.china.org.cn/english/china-us/26244.htm>
111. H.R.2479 — 96th Congress (1979-1980) // CONGRESS.GOV.URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479#:~:text=Taiwan%20Relations%20Act%20%2D%20Declares%20it,other%20people%20of%20the%20Western>
112. Кобышев В.Н., Сергунин А.А. Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. No 14 (155).
113. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
114. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
115. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // United States Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

116. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
117. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>
118. Nuclear Posture Review 2018 // OFFICE OF THE SECRETARY OF DEFENSE. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
119. The Elements of the China Challenge // The Policy Planning Staff, Office of the Secretary of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf>
120. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
121. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
122. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>
123. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
124. Бояркина А.В. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» / А.В. Бояркина, В.Ф. Печерица, С.А. Мефодьева // Вестн. Забайкальск. гос. ун-та. 2018. — No 8 (24). — С. 56–64.
125. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>

126. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
127. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
128. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
129. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>
130. The Elements of the China Challenge // The Policy Planning Staff, Office of the Secretary of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf>
131. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>
132. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>
133. The People's Republic of China: U.S.-China Trade Facts // The Office of the United States Trade Representative (USTR). URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>
134. 台灣2023年國防預算大增無人機研發成新亮點 // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/trad/chinese-news-62685314>

135. 台灣2023年國防預算大增無人機研發成新亮點 // BBC News.URL:-[台灣2023年國防預算大增無人機研發成新亮點- BBC News 中文](https://www.bbc.com/trad/chinese-news-62685314)
136. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // United States Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
137. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
138. Nuclear Posture Review 2018 // OFFICE OF THE SECRETARY OF DEFENSE.URL:<https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
139. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
140. United States Strategic Approach to the People's Republic of China 2020 // The Department of Defense. URL:<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2193725/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/>
141. The Elements of the China Challenge // The Policy Planning Staff, Office of the Secretary of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf>
142. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // United States Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
143. H. R. McMaster.How China sees the world and how we should see China // The Atlantic.2020. URL:<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2020/05/mcmaster-china-strategy/609088/>
144. President Trump Approves Relief for U.S. Washing Machine and Solar Cell Manufacturers // Office of the U.S. Trade Representative.22.01 2018. URL:

- <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/january/president-trump-approves-relief-us>
145. Удар на \$60 млрд: чем обернется торговая война между Китаем и США // RBC.RU.23.03.2018 URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/03/2018/5ab3dcce9a794774c773dc8a>
146. China announces it's imposing new tariffs on 128 US products// CNBC. 01.04.2018 URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/01/china-announces-new-tariffs-on-us-meat-and-fruit-amid-trade-war-fears.html>
147. Dorcas Wong and Alexander Chipman Koty. The US-China Trade War: A Timeline // China briefing. 25.08.2020. URL:<https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline/>
148. Arbitrator issues decision in US-China anti-dumping dispute // WTO. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/471arb_e.htm
149. Минторг США ввел санкции против 33 компаний из Китая // RBC. RU. 22.05.2020.URL:<https://www.rbc.ru/politics/22/05/2020/5ec831209a79477a742dc1d5>
150. US sanctions on Chinese officials over 'abuse' of Muslims // BBC.COM. 09.07.2020. URL: [US sanctions on Chinese officials over 'abuse' of Muslims](https://www.bbc.com/news/muslims)
151. China trades sanctions with U.S. over Uighur Muslims // CBNC. 13.07.2020. URL:<https://www.cnbc.com/2020/07/13/china-trades-sanctions-with-us-over-uighur-muslims.html>
152. Ryan Hass and Abraham Denmark. More pain than gain: How the US-China trade war hurt America // Brookings. 07.08.2020.URL:<https://www.brookings.edu/articles/more-pain-than-gain-how-the-us-china-trade-war-hurt-america/>
153. Trump's China Tariffs Hike Will Cost Average U.S. Family \$831 a Year // CBSN. 2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/trumps-china-tariffs-hike-will-cost-typical-u-s-family-831-a-year-fed-economists-say/>
154. U.S. Department of Commerce Proposes Rule for Securing the Nation's Information and Communications Technology and Services Supply Chain // U.S. Department of Commerce.URL:<https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2019/11/us-department-commerce-proposes-rule-securing-nations-information-and.html>

155. Treasury Designates China as a Currency Manipulator // U.S. Department of Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm751>
156. США и Китай подписали соглашение о первой фазе торговой сделки // TASS.RU. 15.01.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7530209>
157. Трамп отложил торговые переговоры с Китаем // РБК. 19.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f3c670c9a794716c8321814>
158. Campbell K.M., Doshi R. The Coronavirus Could Reshape Global Order. China Is Maneuvering for International Leadership as the United States Falter. Foreign Affairs, 18.03.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order>
159. Китай категорически отверг обвинения США в распространении коронавируса // Парламентская газета. 22.09.2020. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/kitay-kategoricheski-otverg-obvinieniya-ssha-v-rasprostranении-koronavirusa.html>
160. Dorcas Wong and Alexander Chipman Koty. The US-China Trade War: A Timeline // China briefing. 25.08.2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline/>
161. H.R.7440 - Hong Kong Autonomy Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7440#:~:text=This%20bill%20imposes%20sanctions%20on,such%20as%20freedom%20of%20speech.>
162. Дональд Трамп вводит санкции против Гонконга и Китая // BBC.COM. 15.07.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53417384>
163. Treasury Sanctions Individuals for Undermining Hong Kong's Autonomy // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088>
164. Китай ввел ответные санкции в отношении США // IZ.RU. 10.12.2020. URL: <https://iz.ru/1098115/2020-12-10/kitai-vvel-otvetnye-sankcii-v-otnoshenii-ssha>
165. Suspension or Termination of Three Bilateral Agreements With Hong Kong // U.S. Department of State. 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/suspension-or-termination-of-three-bilateral-agreements-with-hong-kong/>
166. Китай категорически отверг обвинения США в распространении коронавируса // Парламентская газета. 22.09.2020. URL: <https://www.pnp.ru/in->

- world/kitay-kategoricheski-otverg-obvineniya-ssha-v-rasprostraneniikoronavirusa.html
167. Китай ввел ответные санкции в отношении США // IZ.RU.10.12.2020.URL:<https://iz.ru/1098115/2020-12-10/kitai-vvel-otvetnye-sanktcii-v-otnoshenii-ssha>
168. Presidential Memorandum on the Actions by the United States Related to the Section 301 Investigation.2018 // The White House.URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-actions-united-states-related-section-301-investigation/>
169. Fact-Checking Trump’s Claims About China’s «Worst Year» // The New York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/04/us/politics/fact-checking-trump-china.html>
170. Threat Assessments to Disrupt & Defeat the Adversary Office of the Director of National Intelligence. URL:<https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2017/203-about/organization/national-counterintelligence-and-security-center?start=80>
171. Минторг США ввел санкции против 33 компаний из Китая // RBC. RU. 22.05.2020.URL:<https://www.rbc.ru/politics/22/05/2020/5ec831209a79477a742dc1d5>
172. Technology Strategies In China And The United States, And The Challenges For European Companies.2020.URL:https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nardon_technology_strategies_china_us_2020.pdf
173. The 2019 Report to Congress on China’s WTO Compliance // The Office of the U.S. Trade Representative (USTR). URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Report_on_China%E2%80%99s_WTO_Compliance.pdf
174. China’s influence in Southeast Asia is growing — and the U.S. has some catching up to do // CNBC.12.06.2022.URL:<https://www.cnbc.com/2020/06/12/china-is-more-powerful-than-the-us-in-southeast-asia-csis-survey-shows.html>
175. China’s influence in Southeast Asia is growing — and the U.S. has some catching up to do //

- CNBC.12.06.2022.URL:<https://www.cnn.com/2020/06/12/china-is-more-powerful-than-the-us-in-southeast-asia-csis-survey-shows.html>
176. Vice President Mike Pence: ‘China Is Meddling in America’s Democracy’ // The White House. URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/vice-president-mike-pence-china-meddling-americas-democracy/>
177. 2019 Report to Congress On China’s WTO Compliance // The Office of the U.S. Trade Representative (USTR). URL:
https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Report_on_China%E2%80%99s_WTO_Compliance.pdf
178. Wroughton L., Brunnstrom D. Wary of China's rise, Pompeo announces U.S. initiatives in emerging Asia // Reuters.com. 30.07.2018
URL:<https://www.reuters.com/article/idUSKBN1KK0TG/>
179. Rising to the China Challenge. Renewing American Competitiveness in the Indo-Pacific // Center for a New American Security. 28.01.2020
URL:<https://www.cnas.org/publications/reports/rising-to-the-china-challenge>
180. Glossary // UN E-Government Knowledgebase // United Nations.
<https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Resources/Glossary>
181. Tsarougiyas, Nicholas. 2012. “Cyber Attacks, Self-Defense and the Problem of Attribution.” Journal of Conflict & Security Law 17 (2): 1-16.
182. Nagorski, Andrew ed. 2010. Global Cyber Deterrence. Views from China, the U.S, Russia, India and Norway. New York: The EastWest Institute Libicki, Martin. 2009. Cyberdeterrence & Cyberwar. Santa Monica: RAND.
183. Kim, Sangbae. 2014a. International Relations of Arachne: Challenge of the Network Theory of World Politics. Paju: Hanul Academy (in Korean)
184. Kenney, Martin and John Zysman. 2016. —The Rise of the Platform Economy. Issues in Science and Technology 32(3): 61-69.
185. 清华发布《中国AI发展报告2018》：中国论文总量世界第一 // CIT.17.07.2018.URL:<https://cit.bnu.edu.cn/xydt/53454.html>
186. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知。// 中华人民共和国中英人民政府2017.URL：https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm
187. NGAIRE WOODS. Действительно ли Huawei опаснее чем Facebook? // Project Syndicate. 19.12.2019.URL:[https://www.project-](https://www.project-syndicate.org/2019/12/huawei-facebook)

- syndicate.org/commentary/personal-data-facebook-more-dangerous-than-huawei-by-ngaire-woods-2019-12/russian
188. Wang, Binbin and Xiayoyan Li. 2017. —Big Data, Platform Economy and Market Competition: A Preliminary Construction of Plan-Oriented Market Economy System in the Information Era.∥ *World Review of Political Economy*. 8(2): 138-161.
189. C Chu, Cho-Wen. 2017. —Censorship or Protectionism? Reassessing China’s Regulation of Internet Industry.∥ *Inter-national Journal of Social Science and Humanity*, 7(1): 28-32.
190. 中国互联网状况。// 中华人民共和国中英人民政府2010。
URL:https://www.gov.cn/zhengce/2010-06/08/content_2615774.htm
191. See James Lewis, CENTER FOR STRATEGIC AND INTERNATIONAL STUDIES [hereinafter “CSIS”], Submission, Section 301 Hearing 4 (Sept. 2017).
192. 中共中央 国务院印发《国家创新驱动发展战略纲要》// XINHUA NEWS. 19.05.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-05/19/c_1118898033.htm
193. TAI MING CHEUNG ET AL., U.S.-CHINA ECON. & SEC. REV. COMM’N, PLANNING FOR INNOVATION: UNDERSTANDING CHINA’S PLANS FOR TECHNOLOGICAL, ENERGY, INDUSTRIAL AND DEFENSE DEVELOPMENT 166 (2016); *Foreign Investment Catalogue*.
194. Notice on Issuing the National Medium- and Long-Term Science and Technology Development Plan Outline (2006-2020) (State Council, Guo Fa [2005] No. 44, issued Dec. 26, 2005); see also Several Supporting Policies for Implementing the “National Medium- and Long-Term Science and Technology Development Plan Outline (2006- 2020)” (State Council, Guo Fa [2006] No. 6, issued Feb 7, 2006).
195. Decision on Accelerating the Cultivation and Development of Strategic Emerging Industries (State Council, Guo Fa [2010] No. 32, issued Oct. 10, 2010).
196. Notice on Issuing “Made in China 2025” (State Council, Guo Fa [2015] No. 28, issued May 8, 2015).
197. 网络空间国际合作战略 // Xinhuanet.com.
URL:http://www.xinhuanet.com/politics/2017-03/01/c_1120552767.htm
198. Chen, Long. 2016. —From Fintech to Finlife: the case of Fintech Development in China.∥ *China Economic Journal*.9(3): 225-239.

199. Initiative on Jointly Building a Community With a Shared Future in Cyberspace // The State Office Information Office The Peoples Republic Of China.URL: http://english.scio.gov.cn/WIC2020/2020-11/19/content_76925907.htm
200. Zhu D., Liu Y-W. (2021). The Legal Governance System of Cyberspace in the Community of Shared Future of Mankind and China's Plans // Journal of Yangtze Normal University. Vol. 37. No. 1. P. 30–39.
201. Slaughter A.M. (2009). America's edge: Power in the networked century // Foreign affairs. P. 94–113.
202. Statement of Policy on the Management of Internet Names and Addresses // National Telecommunications and Information Administration(1998). URL: <https://www.ntia.doc.gov/federal-register-notice/1998/statement-policy-management-internet-names-and-addresses>
203. Strickling L.E., Hill J.F. (2017). Multi-stakeholder internet governance: successes and opportunities // Journal of Cyber Policy. Vol. 2. No. 3. P. 296–317. URL: <https://doi.org/10.1080/23738871.2017.1404619>
204. List of Root Servers // Internet Assigned Numbers Authority. URL: <https://www.Iana.org/domains/root/servers>
205. International Strategy for Cyberspace // The White House (2011). URL:https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf
206. Obama says upgrading U.S. cyber security is complex, long-term job // REUTERS.COM. 18.02.2016.URL:<https://www.reuters.com/article/us-usa-cyber-obama-statement-idUSKCN0VQ2PH/?feedType=RSS&feedName=technologyNews>
207. Obama Creates Cyber Panel, Says Long-Term Vigilance Needed CBSNEWS.COM.18.02.2016.URL:<https://www.cbsnews.com/sanfrancisco/news/obama-creates-cyber-panel-says-long-term-vigilance-needed/>
208. The Budapest Convention (ETS No. 185) and its Protocols // Council of Europe.URL:<https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention>
209. Summary Cyber Strategy 2018 // Department of Defense. URL:https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF
210. U.S.–China Cyber Agreement 2015 // CRS INSIGHT. URL:<https://sgp.fas.org/crs/row/IN10376.pdf>

211. Nathan Thornburgh. The invasion of the Chinese cyberspies // Time. 19.08.2005.URL:
<http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1098961,00.html>
212. Titan Rain - how Chinese hackers targeted Whitehall // The Guardian. 05.09.2007.URL:<https://www.theguardian.com/technology/2007/sep/04/news.internet>
213. Dmitri Alperovitch. Revealed: Operation Shady RAT //MCAfee White Paper.URL:<https://web.archive.org/web/20110804083836/http://www.mcafee.com/us/resources/white-papers/wp-operation-shady-rat.pdf>
214. Elen Makashima. Report on ‘Operation Shady RAT’ identifies widespread cyber-spying // The Washigton Post. 03.08.2011.URL:https://www.washingtonpost.com/national/national-security/report-identifies-widespread-cyber-spying/2011/07/29/gIAAoTUmqI_story.html
215. China says cyber hacking claims 'irresponsible' // DOWN.COM.05.08.2011.URL:<https://www.dawn.com/news/649520/china-says-cyber-hacking-claims-irresponsible>
216. Cyber-Spy Probe Sought 2009 // Radio Free Asia.13.04.2013.URL:
<https://www.rfa.org/english/news/china/ghostnet-04072009103413.html>
217. Alexa Olesen. Beijing rejects China spy ring report as 'lies'// NBC. 31.03.2009.URL:<https://www.nbcnews.com/news/amp/wbna29976429>
218. Capaccio, T. (2013). US General: Iranian Cyber attacks Are Retaliation For The Stuxnet Virus. Business Insider.218
219. Rogin, J. (2007). Cyber Officials: Chinese Hackers Attack ‘Anything and Everything,’. FCW. com, February, 13, 97658-1.
220. O’Hare, R. China proudly debuts its new stealth jet it built 'by hacking into US computers and stealing plans’. The Daily Mail (2016)
221. Thornhill, T. (2016). Chinese hacker, 51, jailed and fined \$10,000 for stealing data from US defense contractors and passing it to Beijing. The Daily Mail.
222. O’Hare, R. (2016). China proudly debuts its new stealth jet it built 'by hacking into US computers and stealing plans’. The Daily Mail
223. Zetter, K. (2010). Google hack attack was ultra sophisticated, new details show. Wired Magazine, 14, 33-36.

224. More Details on "Operation Aurora" // McAfee.14.01.2010.URL:<https://www.mcafee.com/blogs/other-blogs/mcafee-labs/more-details-on-operation-aurora/>
225. Rapoza, K. (22 June 2013) "U.S. Hacked China Universities, Mobile Phones, Snowden Tells China Press," Forbes.
226. Chinese Army Unit Is Seen as Tied to Hacking Against U.S. // The NEWYORK Times.18.02.2013.URL:<https://www.nytimes.com/2013/02/19/technology/chinas-army-is-seen-as-tied-to-hacking-against-us.html>
227. 5 in China Army Face U.S. Charges of Cyberattacks // The NEWYORK Times.19.05.2014.URL:<https://www.nytimes.com/2014/05/20/us/us-to-charge-chinese-workers-with-cyberspying.html>
228. U.S.–China Cyber Agreement 2015 // CRS INSIGHT. URL:<https://sgp.fas.org/crs/row/IN10376.pdf>
229. Franz-Stefan Gady and Greg Austin.Russia, The United States and Cyber Diplomacy opening the door // EastWest Institute.URL:<https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/USRussiaCyber WEB.pdf>
230. Marie Baezner.Cybersecurity in Sino-American Relations // CSS Analyses in Security Policy. N0. 224, April 2018, Editor: Christian Nünlist.URL:<https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse224-EN.pdf>
231. FINDINGS OF THE INVESTIGATION INTO CHINA’S ACTS, POLICIES, AND PRACTICES RELATED TO TECHNOLOGY TRANSFER, INTELLECTUAL PROPERTY, AND INNOVATION UNDER SECTION 301 OF THE TRADE ACT OF 1974 // Office of The united STATES TRADE REPRESENTATIVE EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT 2018.URL:<https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF>
232. President Trump Announces Strong Actions to Address China’s Unfair Trade // Office of the U.S. Trade Representative.22.03.2018.URL:<https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/march/president-trump-announces-strong>
233. Dorcas Wong and Alexander Chipman Koty.The US-China Trade War: A Timeline // China Briefing.25.08.2020.URL:<https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline/>

234. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // United States Department of Defense. URL:
<https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
235. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
236. 中美科技竞争的未来趋势研究——全球科技创新驱动下的产业优势转移、冲突与再平衡 // SOHU.COM.10.06.2020.URL:https://www.sohu.com/a/400990785_152590
237. Steve Stecklow, Karen Freifeld and Sijia Jiang. U.S. ban on sales to China's ZTE opens fresh front as tensions escalate // REUTERS.COM. 17.01.2018.URL:<https://www.reuters.com/article/idUSKBN1HN1OX/>
238. 2021 ANNUAL REPORT // XIOMI.URL: <https://ir.mi.com/static-files/b85f34c0-0010-4a8c-94b9-269d8cd4eca4>
239. European Parliament resolution of 12 March 2019 on security threats connected with the rising Chinese technological presence in the EU and possible action on the EU level to reduce them // EUROPEAN PARLIAMENT.URL:https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0156_EN.html
240. СМИ узнали о масштабных сокращениях в американском подразделении Huawei // RIA.23.07.2019.URL:<https://ria.ru/20190723/1556785628.html>
241. Addressing the Threat Posed by TikTok, and Taking Additional Steps To Address the National Emergency With Respect to the Information and Communications Technology and Services Supply Chain // Executive Office of the President URL:NATIONAL ARCHIVES.URL:<https://www.federalregister.gov/documents/2020/08/11/2020-17699/addressing-the-threat-posed-by-tiktok-and-taking-additional-steps-to-address-the-national-emergency>
242. Addressing the Threat Posed by Applications and Other Software Developed or Controlled by Chinese Companies // Executive Office of the President URL:NATIONAL ARCHIVES.URL:<https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/08/2021->

- 00305/addressing-the-threat-posed-by-applications-and-other-software-developed-or-controlled-by-chinese
243. Scott J. Shackelford, Angie Raymond. Internet Governance in the Digital Cold War // Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-handbook-of-commons-research-innovations/internet-governance-in-the-digital-cold-war/201AA1B6C3CFC59EF100AB713C754CB9?utm_campaign=shareaholic&utm_medium=copy_link&utm_source=bookmark
244. The Clean Network // U.S. Department Of State. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-clean-network/>
245. Secure 5G networks: Questions and Answers on the EU toolbox // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_127
246. Aurora's Shot – Putin Declares War // *Inforus*. URL: <https://inforuss.info/vystrel-avrory-putin/?q=FB/index6.php>
247. Trump discusses Huawei issues with Google, Intel, and Cisco heads // NEWS.AM . 23.07.2019. URL: <https://news.am/eng/news/525281.html>
248. U.S. accuses China of violating bilateral anti-hacking deal // REUTERS.COM.09.11.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1NE041/>
249. Two Chinese Intelligence Officers Charged with Obstruction of Justice in Scheme to Bribe U.S. Government Employee and Steal Documents Related to the Federal Prosecution of a PRC-Based Company // U.S. Attorney's Office, Eastern District of New York. 24.10.2022. URL: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/two-chinese-intelligence-officers-charged-obstruction-justice-scheme-bribe-us>
250. COMPLAINT AND AFFIDAVIT IN SUPPORT OF ARREST WARRANTS // UNITED STATES DISTRICT COURT EASTERN DISTRICT OF NEW YORK. URL: <https://www.justice.gov/media/1255016/dl>
251. Криптовалюта Tether: что это, чем отличается от биткоина – Обзор USDT от Binance // BINANCE.10.07.2021. URL: <https://www.binance.com/ru/blog/markets/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D0%B0-tether-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F->

- [%D0%BE%D1%82-%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B8%D0%BD%D0%B0--%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-usdt-%D0%BE%D1%82-binance-421499824684902857](#)
252. China criticizes Trump suggestion it is behind cyber spying // APNEWS. 21.12.2020. URL:<https://apnews.com/article/donald-trump-technology-coronavirus-pandemic-crime-china-5941765dd8cbea5d62bcc4dfa8f9b702>
253. Sangbae Kim. Emerging Powers and a Middle Power:U.S.-China Competition and South Korea in Cyberspace // Institute of International Studies at Seoul National University | Working Paper No.93 (2018.10.16.) // Seoul National University. URL:<http://www.sangkim.net/emerging-powers-and-a-middle-power.pdf>
254. Deborah Bräutigam. Aid ‘With Chinese Characteristics’: Chinese Foreign Aid and Development Finance Meet the OECD-DAC Aid Regime // Policy Arena // Journal Of International Development. URL:<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/jid.1798>
255. AdAm SegAl. Chinese Cyber Diplomacy in a New Era of Uncertainty // A Hoover Institution essay Aegis Paper series no. 1703. URL:https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/segal_chinese_cyber_diplomacy.pdf
256. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
257. United States Strategic Approach to the People’s Republic of China 2020 // The Department of Defense. URL:<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2193725/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/>
258. Robert Zoellick’s Responsible Stakeholder Speech // National Committee on U.S. and China relations. URL:<https://www.ncuscr.org/fact/robert-zoellicks-responsible-stakeholder-speech/>
259. Administration's Vision of the U.S.-China Relationship // U.S. Department of State. URL:<https://2009-2017.state.gov/s/d/former/steinberg/remarks/2009/169332.htm>

260. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL:<https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
261. United States Strategic Approach to the People’s Republic of China 2020 // The Department of Defense. URL:<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2193725/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/>
262. **The Struggle for Power: U.S.-China Relations in the 21st Century // WORLD AFFAIRS.** JANUARY 24, 2020 // ASPEN STRATEGY GROUP. URL:<https://www.aspeninstitute.org/publications/the-struggle-for-power-u-s-china-relations-in-the-21st-century/>
263. United States Strategic Approach to the People’s Republic of China 2020 // The Department of Defense. URL:<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2193725/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/>
264. Graham Allison, *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?* (New York: Houghton Mifflin, 2017)
265. Ashley Tellis, “The Return of U.S.-China Strategic Competition,” in *Strategic Asia 2020: U.S.-China Competition for Global Influence*, edited by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills // National Bureau of Asian Research, 2019. URL:<https://www.nbr.org/publication/strategic-asia-2020-u-s-china-competition-for-global-influence/>
266. United States Strategic Approach to the People’s Republic of China 2020 // The Department of Defense. URL:<https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2193725/united-states-strategic-approach-to-the-peoples-republic-of-china/>
267. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // United States Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
268. Nuclear Posture Review 2018 // OFFICE OF THE SECRETARY OF DEFENSE. URL:<https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
269. UNITED STATES DEPARTMENT OF DEFENSE FISCAL YEAR 2021 BUDGET REQUEST // OFFICE OF THE UNDER SECRETARY OF DEFENSE (COMPTROLLER)/CHIEF FINANCIAL OFFICER // U.S. Department of

- Defense.URL:https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2021/fy2021_Budget_Request_Overview_Book.pdf
270. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL:
<https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
271. Communications Compatibility and Security Agreement (COMCASA).URL:<https://www.shankariasparliament.com/blogs/pdf/indo-us-comcasa-agreement/1000>
272. Индия выбрала Дональда Трампа //komersant.ru
25.02.2020.URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4267562>
273. ANNUAL REPORT TO CONGRESS // MILITARY AND SECURITY DEVELOPMENTS INVOLVING THE PEOPLES REPUBLIC OF CHINA
2020.URL:<https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>
274. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. URL:
<https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
275. H.R.535 - Taiwan Travel Act // CONGRESS.GOV.URL:<https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535>
276. MICHAEL R. POMPEO, SECRETARY OF STATE. U.S. Position on Maritime Claims in the South China Sea.URL:<https://2017-2021.state.gov/u-s-position-on-maritime-claims-in-the-south-china-sea/>
277. TREATY OF MUTUAL COOPERATION AND SECURITY BETWEEN JAPAN AND THE UNITED STATES OF AMERICA // MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF JAPAN.URL:<https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html>
278. Stephen Kinzer, “The Dangerous New Consensus: Blame China,”// Boston Globe. 29.01.2020.URL:
<https://www.bostonglobe.com/2020/04/29/opinion/dangerous-new-consensus-blame-china/>

279. ALEX ISENSTADT. GOP memo urges anti-China assault over coronavirus // POLITICO. 04.24.2020. URL: <https://www.politico.com/news/2020/04/24/gop-memo-anti-china-coronavirus-207244>
280. Henry A. Kissinger. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // WSJ.COM. 03.01.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>
281. Jeff Cox. Trump pledges to get tough with tariffs again if elected // CBNC. 11.02.2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/03/11/trump-pledges-to-get-tough-with-tariffs-again-if-elected.html>
282. Erica York. Tracking the Economic Impact of U.S. Tariffs and Retaliatory Actions // Tax Foundations. 07.07.2023. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/tariffs-trump-trade-war/>
283. Yukon Huang and Genevieve Slosberg. China's Response to the U.S. Trade War. URL: <https://www.prcleader.org/post/china-s-response-to-the-u-s-trade-war>
284. Nathan Layne. Trump vows to kill Asia trade deal being pursued by Biden if elected // REUTERS.COM. 19.11.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-vows-kill-asia-trade-deal-being-pursued-by-biden-if-elected-2023-11-19/>
285. Анастасия Костина. Плыть по учению: Пекин посылает серьезный сигнал Тайваню // Известия. 24.05.2024. URL: <https://iz.ru/export/google/amp/1701167>